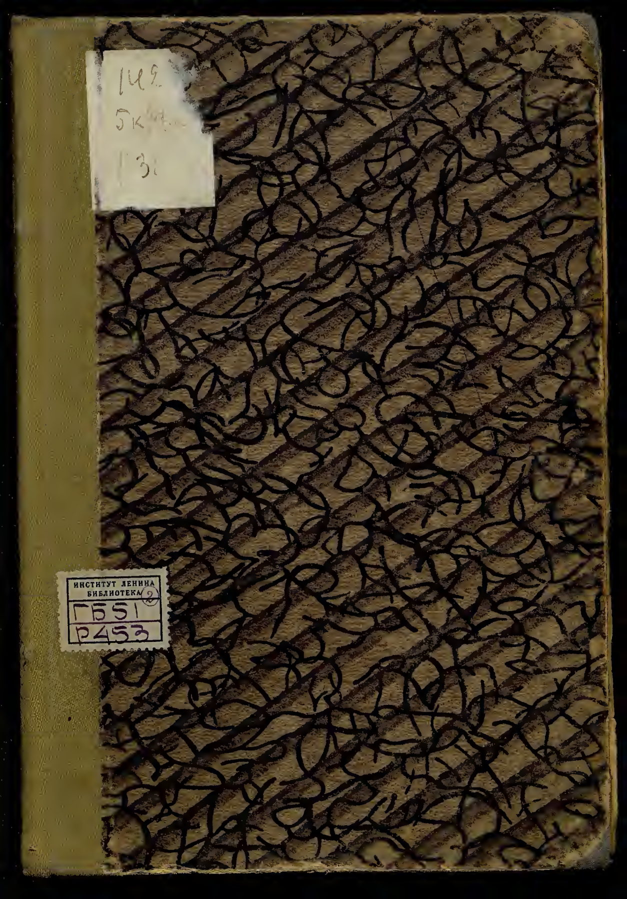
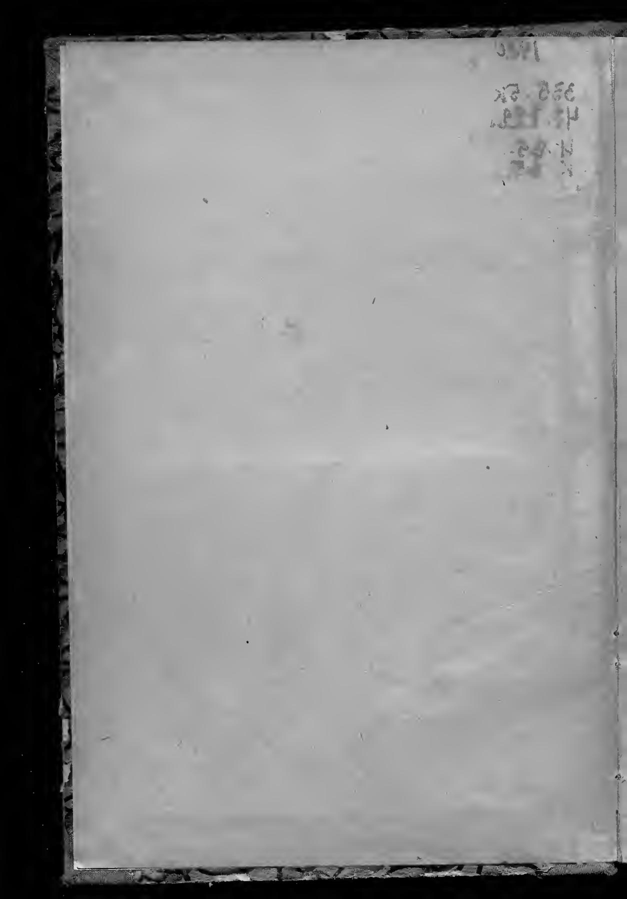

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА 2
Г551
Р453

К. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИСТПАРТА О.К. КРЫМА

№2

Издание Истпарта.

1923 год.

РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ.

Историческая библиотека Истпарта О. К. Крыма.

№ 2.

СИМФЕРОПОЛЬ.
ИЗДАНИЕ ИСТПАРТА.
1923 г.

Крымлит № 35. Гор. Симферополь.

1-я Государственная типо-литография «Крымполиграфтреста».
Зак. № 493. (1000 экз.)

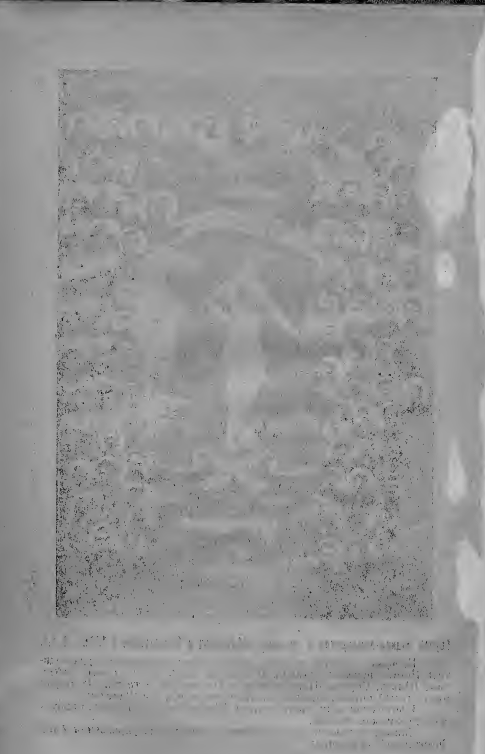

Группа социал-демократов и эс-эров, работавших в Севастополе в 1905—8 г.г.

Наверху, в центре первого ряда, матрос Матюшенко—руководитель Потемкинского восстания. В этом же ряду, третий слева,—лейтенант Шмидт. Справа—Потемкинские и Очаковские матросы. Во втором ряду, пятый справа, сподвижник Шмидта—кондуктор Частник.

В четвертом ряду, третий справа, Жуков Иван—большевик. Внизу—севастопольская тюрьма.

Снимок составлен по документам жандармского управления в дни Февральской революции.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Когда мы к Октябрьской годовщине 1922 года выпустили первый сборник библиотеки Истпарта, мы вынуждены были в предисловии указать на все недостатки, которыми страдал наш первый опыт. Мы указали на литературную слабость печатанных нами материалов, еще больше мы указывали на научно-познавательные недостатки первого номера, разработанного по упрощенному методу туманных воспоминаний, аргументированных многими „помнится“ и „как будто“.

Откровенность предисловия первого номера „Революции в Крыму“ была вызвана не одним только чистосердечием редакции, а сознанием, что без сотрудничества самих деятелей революции в Крыму, без активной помощи всех наших партийных организаций—„нам не удастся создать нечто лучшее и выкристаллизовать историческую истину блестящего прошлого нашей революции и нашей партии“.

Первый наш опыт и был призывом к сотрудничеству и помощи. Прошло с тех пор несколько месяцев. Целый ряд деятелей революции Крыма откликнулся статьями и советами, большинство партийных организаций пришло на помощь рядом ценных материалов. И в результате Истпарт имеет сейчас возможность выпустить второй номер своего издания.

Оставаясь столь же беспристрастными, как и в предисловии первого нашего выпуска, мы здесь, однако,

можем сказать, что данная работа является значительным шагом вперед по пути достижения целей Истпарта.

Не потому только, что данный выпуск затрагивает другой период революции в Крыму, что выше литературная ценность сборника и лучше поставлена иллюстративно-издательская его сторона. А, главным образом, потому, что события освещены рядом авторов от руководителей профессионалов-революционеров до низовых борцов, рабочих севастопольского порта; потому, что в данном сборнике мы имеем дело не только с воспоминаниями, но и с научно-обработанным материалом на основе проверенных фактов и документов.

Этими положительными сторонами данной работы нужно всецело быть обязанным той помощи и сотрудничеству, о котором мы выше говорили. Пусть же данная книжка снова послужит связью и призывом к нашей общей работе по историческому познанию яркой и героической революции в Крыму.

I. СТАТЬИ.

Возникновение крымской организации Р. К. П. (большевиков).

Крым—преимущественно аграрная область. Крымское крестьянство, за исключением немецких колоний, характеризуется разнородностью национально-бытовых условий и техвической отсталостью методов обработки земли.

Об'ективные условия существования крымской деревни отразились и на ее коллективном сознании. Крымская деревня отличалась всегда небольшой сплоченностью и вациональными трениями. Этими особенностями, а также и отсутствием в степной полосе земельной тесноты и об'ясняется, что крымская деревня до самой февральской революции не знала революционного аграрного движевия.

Политика царского правительства, вызвавшая раззорение и порабощение широких татарских масс, не могла не вызвать оппозиции со стороны татарской интеллигенции, небольшой прослойки татарского купечества и части наиболее сознательного крестьянства. Но, вследствие слабой развитости экономики и отсталости бытовых условий, эта оппозиция выявлялась в узких (с оттенком пантюркизма) формах национального движения.

Все эти об'ективные условия создали крайне неблагоприятную почву для развития революционного движения в деревне.

Крымские города с относительво большим по численности населением (50% всего населевия края) заключали в себе небольшое количество пролетарских элементов, что об'ясняется слабым развитием промышленности. Большинство населевия крымских городов составляет мелкая буржуазия, а поэтому и психология

города отличается мещанским характером. Особенно это следует отметить по отношению к курортным городам (Ялта, Евпатория, Алушта и т. д.), население которых существовало исключительно на те подачки, которые бросались аристократическими подонками общества.

Исключением был Севастополь с его портовым заводом, на котором работало более 8.000 пролетариев, с его крепостью и базой Черноморского флота. С одной стороны, Севастополь можно было назвать пролетарским центром; с другой стороны—военно-стратегический характер Севастополя создавал замкнутость, изолированность города от остального Крыма, в особенности от деревни. Наличие в Севастополе крупных пролетарских кадров об'ясняет более раннее появление в нем и развитие революционных организаций.

Революционные социал-демократические ячейки начали организовываться в Севастополе в самом начале 900-ых годов. В начале 1905 года в Севастополе существовало уже несколько с.-д. кружков, а также об'единенный комитет, который руководил работой в порту и крепостном гарнизоне. Этим была подготовлена почва для последовавших революционных событий, как восстание на броненосце „Потемкин" (середина июня 1905 года) и Севастопольское восстание в крепости и во флоте (11—15 ноября того же года). Эти революционные события влияли также на рабочие кадры и демократическую интеллигенцию других городов в смысле усиления революционной их активности.

В 1905—6 г.г. подпольные с.-д. организации проявляли уже довольно большую активность не только в Севастополе, но также и в Симферополе*), Керчи и Евпатории: издавали агитлистовки, собирали митинги и массовки рабочих.

После разгрома социалистических революционных организаций в Крыму наступает период упадка революционного движения и в 1908—12 г. г. почти все подпольные организации распадаются.

Как и большинство с.-д. организаций на юге России, крымские организации в отношении развития пролетарской тактики и политики не имели достаточной ясности и определенности. Характерно, что Крым до февральской революции не имел большевист-

*) В Симферополе первые с.-д. ячейки образовались уже в 1902—3 г.г. Из работников этого периода следует отметить т.т. Ларина-Лурье, Иоффе и т. Авериан (Боготурьянц); последний работал, как определенный большевик.

Ю. Г.

ских парторганизаций. Крымские с.-д. организации считались об'единенными, и в них входили как меньшевики, так и большевики. Эти организации были проникнуты меньшевистским духом и непосредственно руководились меньшевиками. Это—естественное отражение крымского быта.

Особенно ярко об'ективные условия крымских городов отразились на характере и внутреннем содержании революционного движения в „медовый" период русской революции 1917 года. Сейчас же после свержения царского правительства (в период март-апрель) сначала в Севастополе и Симферополе, а затем и в других городах консолидировались легальные с.-д. организации, которые официально носили ярлычек „об'единенные", но по своему внутреннему содержанию были чисто меньшевистскими. В это время организацией руководили следующие меньшевики: **Севастополь**—шлиссельбуржец Канторович, Пескин, Горячко, Соболев и другие; **Симферополь**—Рабинович, Лейбман, Вульфсон, Новицкий, Либин и Галоп; **Евпатория**—Штенбах и Дымшиц; **Керчь**—Могилевский и Серафимов.

Вследствие такого характера руководящих с.-д. организаций (а также эсэровских, которые в этот период имели большое влияние на массы), естественно, советы подпали под влияние социал-предателей. Но, однако, следует отметить, что некоторые рабочие, примыкавшие формально к об'единенной организации, называли себя большевиками и в своих выступлениях выявляли большевистскую точку зрения.

Постепенно большевистские элементы оформились во фракцию, которая преобретала все большее и большее влияние на местах. Первая самостоятельная большевистская организация образовалась в Севастополе в конце апреля 1917 года, главным образом, из моряков Черноморского флота и рабочих. Инициаторами организации являлись: 1) Финогенов, 2) Назукин, 3) Клепиков, 4) Лиханский и 5) Ржапиков (насколько помнится, учредительное собрание, избравшее комитет сев. орг. Р.С.-Д.Р.П. (б), состоялось в первых числах мая). Все они, кроме Лиханского, до флотской службы работали на заводах Урала, Петрограда и Риги и участвовали в забастовочном и революционном движении. Слабая и численно и агитпропагандистскими силами большевистская организация, тем не менее, довольно определенно отмежевалась от севастопольской с.-д. организации, которая все же продолжала называться „об'единенной", не имея в своих рядах ни одного большевика.

До июля маленькая большевистская организация в Севастополе в меньшевистско-эсэровских советах особого влияния не имела. Однако, ее влияние в массах моряков Черноморского флота и рабочих портового завода росло и укреплялось.

В период июльских событий оно еще было так незначительно, что эсэрам удалось спровоцировать малосознательные, хулигански настроенные массы моряков и люмпен-пролетариев на погром большевистской организации. Большевистский комитет был разгромлен, были избиты некоторые товарищи, а тов. Финогенова, выступившего решительно против погрома, бросили с корабля в бухту (к счастью, он спасся).

С приездом в Крым тов. Островской (старого партработника), командированной ЦК нашей партии, севастопольская организация приобрела опытного руководителя и сильного агитатора. К августу месяцу организация возрасла до 250 человек, что по сравнению с меньшевистскими и эсэровскими организациями представляло, конечно, численно ничтожную величину (с.-д. меньшевики насчитывали 4-5.000, а эсэры 27.000 членов).

Но эта маленькая организация, помещавшаяся в дрянной комнатке на далекой окраине города и располагавшая совершенно ничтожными материальными средствами,—сумела все же развернуть довольно широкую работу. Не имея своего печатного органа (первая большевистская газета вышла в январе 1918 года) и располагая очень незначительным количеством агитационной литературы, организация тратила все силы, главным образом, на устную агитацию среди моряков Черноморского флота и рабочих портового завода. Ее боевой оратор тов. Островская выступает ежедневно на рабочих, солдатских и матросских митингах, и с каждым днем ее выступления имеют все больший успех. Во время перевыборов севастопольского совета большевистская организация уже сумела провести в совет 5-6 товарищей—первый крупный успех большевистской организации в Крыму.

Вторая самостоятельная большевистская организация образовалась в Евпатории. Уже летом 1917 года в евпаторийской об'единенной организации имелась большевистская фракция, которая состояла, главным образом, из рабочих завода „Мильруд" (руководимых старым партийцем, рабочим того же завода, тов. Поплавским) и из солдат школы летчиков, в которой образовался довольно сильный большевистский центр, руководимый тов. Находкиным (участником рижских событий 1905 года) и Очкиным. Но

особенно большую роль в идейном развитии большевистской фракции сыграл Жан Миллер (участвовал в революционном движении в Латвии в 1905 году, в 1906 г. бежал в Америку, где работал на заводах и активно участвовал в рабочем движении и в Латышской секции Американской Социалистической рабочей партии. В начале революции он вернулся в Россию и ЦК был направлен в евпаторийскую санаторию).

До августа в об'единенной организации все же доминировали меньшевики, но, начиная с августа, влияние большевистской фракции стало возрастать не по дням, а по часам. Необходимо отметить, что обе фракции, вопреки партдисциплине, были автономными и весьма энергично сражались между собою как на партсобраниях, так и на митингах в театрах, казармах и на заводах. После выступления ген. Корнилова раскол в едином фронте революционной демократии стал неизбежным и в захолустной Евпатории.

В первых числах сентября большевики одержали большую победу, проведя в парткомитет свое большинство. Секретарем парткома был избран Ян Булевский (рабочий, старый революционер, каторжанин. До каторги состоял членом польской партии социалистов).

Вскоре после этого 17-го сентября произошел окончательный разрыв. Во время общего собрания организации меньшевики, обиженные тем, что в список кандидатов в уездное земское собрание, принятый собранием, не вошел ни один меньшевик, демонстративно заявили о своем выходе из состава евпаторийской об'единенной с.-д. организации и при общем смехе покинули зал.

С этого момента большевики уже существуют отдельно, как самостоятельная организация. Партком был переизбран и сконструирован из следующих товарищей: председатель—Жан Миллер; секретарь и казначей—В. Елагин; члены—Турецкий, Караев, А. Елагин, Якубовский, Спер-Просмушкин (впоследствии один из видных борцов крымского подполья, расстрелянный Врангелем) и Э. Турецкая.

Численность евпаторийской организации в то время доходила до 100 человек, и она занимала среди остальных большевистских организаций второе место после Севастополя. Влияние ее в совете и массах рабочих и солдат настолько увеличилось, что при выборах в земское собрание был проведен Жан Миллер, как представитель большевистской организации. Что касается деревни, то там

большевистские агитаторы не имели никакого успеха: она была определенно эсэровской.

В Феодосии большевистская организация оформилась только в июле. Виднейшими работниками в организации в это время были: Дауге, Констансов, Новиков Петр и другие. Организация состояла преимущественно из рабочих железно-дорожного депо и минного завода и значительного влияния на массы не имела.

Губернский город Симферополь отстал не только от Севастополя, но и от захолустной Евпатории. До октября 1917 года Симферополь не имел самостоятельной большевистской организации. Правда, еще летом образовалась инициативная группа большевиков (Шустер, Цвибак, Шаталов, Донская и др.), но, в виду неопытности молодых товарищей, группа не сумела решительно отмежеваться от „об'единенной", т. е. меньшевистской, с.-д. организации и положить основы истинно-марксистской революционной организации пролетариата. Вообще-же, в Симферополе имелось не мало большевистски настроенных элементов, как, например, рабочие завода „Анатра" или части городского гарнизона. Но отсутствие в этот период работников с революционным стажем послужило причиной того, что революционно-пролетарское настроение не вылилось в определенные организационные формы. Напротив, симферопольская об'единенная меньшевистская организация имела в своих рядах довольно крупных работников: Рабиновича, Галоппа, Новицкого, Либина, Лейбмана, с которыми нашим агитаторам на митингах и дискуссионных собраниях состязаться было довольно трудно.

Приезд в Симферополь в сентябре и октябре старых революционных работников (Ж. Миллера, Тарвацкого и Гавена) сразу изменил положение. В первых числах октября образовалась симферопольская самостоятельная большевистская организация, к которой присоединились 15 большевиков, отколовшихся от об'единенной с.-д. организации. Был избран партком в следующем составе: Шустер, Миллер, Тарвацкий и Фрей. Вскоре в партком были введены: Шаталов, Новосельский, Тимофеев, Левит (Рахиль) и Воевода. Было выпущено первое воззвание (написанное Шустером), в котором критиковалась предательская политика об'единенной с.-д. организации и указывалось на основные задачи большевистской партии.

В то же время в незавидном домике по Троицкой улице был открыт партклуб, который скоро получил название: „Большевистское гнездо". Молодая организация, насчитывающая в

октябре лишь 35—40 членов, начала завоевывать влияние в массах трудящихся, в первую очередь на заводе „Анатра“ и в гарнизоне.

В остальных городах Крыма самостоятельные большевистские организации образовались в период ожесточенной борьбы за власть, т. е. между октябрем 1917 г. и январем 1918 года.

Отсутствие таврического губернского руководящего центра сильно давало себя знать, особенно с приближением выборов в Учредительное собрание. Всеми крымскими большевиками признавалась необходимость создания такого руководящего органа. Поэтому, естественно, что в организации был поднят вопрос о созыве губернского совещания (конференции), которое в первую очередь должно было разрешить вопрос о губернском центре.

Кроме того, севастопольские и евпаторийские товарищи считали нетерпимым то положение, что губернский город не имел самостоятельной большевистской организации. В сентябре в Евпаторию приехал симферопольский товарищ Шустер, и здесь было решено созвать общегубернскую партконференцию в Симферополе. Конференция открылась 1-го октября в помещении клуба строительных рабочих на Салгирной улице.

Вследствие своей малочисленности, в историю она вошла под именем „совещания“. На совещании участвовало всего лишь 9—10 представителей: от Евпатории—Миллер, Булевский и В. Елагин, от Ялты — Ян Тарнацкий, Бердянска — Дюмин, Симферополя — Дугачев, Седов и Донская, Севастополя — Рудой.

Главнейшими вопросами на совещании были: информация с мест, создание губернского центра и выборы в Учредительное собрание. Из взаимной информации выяснилось, что самой сильной и многочисленной организацией является севастопольская, затем евпаторийская. В других городах организации находятся еще в зачаточном состоянии. Выяснилось также, что повсеместно в Крыму в массах рабочих и крестьян замечается резкий перелом в сторону большевизма, но отсутствие опытных работников-большевиков, а также руководящего губернского центра сделало невозможным использовать это настроение масс для создания сильной большевистской организации.

Совещание избрало тов. Миллера губернским организатором-пропагандистом. Ему было поручено об‘ехать все уездные города для пропаганды большевистских идей и укрепления большевистских ячеек на местах, а также организации губернского партийного с‘езда.

Затем совещание постановило отозвать из Ялты тов. Тарвацкого для усиления симферопольской организации.

После информации тов. Миллера о порядке выборов совещание составило список кандидатов в Учредительное собрание. Согласно постановлению ЦК РКП, первым кандидатом по Таврической губернии был выставлен тов. Сокольников, вторым — Миллер, затем Островская, Тарвацкий, В. Елагин, Дугачев, Дюмин и Калич*).

* * *

Октябрьский переворот, конечно, глубоко всколыхнул пролетарские массы и в Крыму. Особенно большой сдвиг произошел в настроении моряков Черноморского флота, которые встретили октябрь организацией грандиозной демонстрации и посылкой приветственных телеграмм петроградскому пролетариату и морякам Балтфлота, совершившим пролетарский переворот. Однако, в Севастополе, в виду относительной слабости большевистской организации, это настроение матросских масс еще не могло быть использовано в целях немедленного захвата власти. Но организация большевиков этот вопрос поставила конкретно, несмотря на то, что еще в ноябре на выборах в Учредительное собрание она провалилась даже по флотской курии (большинством был избран от моряков назначенный Керенским генеральный комиссар Черноморского флота эсэр Бунаков-Фундаминский). Севастопольский комитет при участии нескольких прибывших в Севастополь балтийцев приступил к организации революционных отрядов, опираясь на которых он впоследствии (в середине декабря) сбросил социал-соглашательский совет и взял власть в свои руки.

Под влиянием октябрьских событий сильно изменилось настроение в сторону большевиков и в пролетарских массах Симферополя, особенно у анатровцев. Для большевистской организации создалась весьма благоприятная почва, и партия, руководимая т.т. Миллером и Тарвацким, в течение месяца сильно окрепла и стала по своей влиятельности в массах и политическому весу

*) Совещание закрылось 2-го октября вечером. Я был делегирован ЦК на это совещание, но опоздал и приехал в Крым на другой день после его закрытия, и с его работами меня познакомили т. т. Тарвацкий и Донская, которая хранила у себя протоколы. К сожалению, протоколы не уцелели (они нигде не печатались, т. к. большевики не имели тогда печатного органа, а эсэровские газеты и орган с.-д. организации „Прибой“ отчетов о большевистской конференции, конечно, не печатали). *Ю. Г.*

второй после Севастополя организацией в Крыму; но вопрос о захвате власти она конкретно еще не ставила, не имея для этого реальных сил.

Настроение масс менялось очень быстро, соответственво этому менялось и соотношение сил между борющимися партиями. Мевьшевистские и эсэровские организации, ошеломленные ударом октябрьского переворота, начали, с одной стороны, быстро разлагаться, с другой—катиться ускоренным темпом в лагерь самой черной контр-революции, которая начала быстро организовываться, пользуясь слабостью социал-соглашателей.

Необходимо было учесть темп развития большевистских организаций, темп роста их влияния на массы, необходимо было сделать анализ и учесть соотношение сил борющихся сторон и, соответственно результату этого анализа, сделать вывод о ближайших конкретных задачах большевистских организаций. Очень остро также стоял вопрос о партийном губернском центре, в котором чувствовалась большая необходимость.

Для разрешения этих вопросов был созван в конце ноября в Симферополе в „большевистском гвезде“ первый с'езд представителей большевистских организаций Таврической губернии. С'езд был немноголюден; присутствовало всего 15—17 человек. Севастопольская организация была представлена т.т. Островской, Гавеном и Правдиным*), симферопольская—Миллером, Тарвацким и, кажется, Левит (Рахиль); евпаторийская—Поплавским и Демышевым; ялтинская—Тенненбоймом; феодосийская—Констансовым; Алупка—Зайцевым**). Еще были, помвится, представлены бердянская, мелитопольская и джанкойская оргавизации, но фамилии их делегатов не помню.

С'езд констатировал, что, несмотря на малочисленность и внешнюю слабость крымских большевистских оргавизаций, их авторитет в трудящихся массах быстро растет, и поэтому предложил местным организациям, по примеру севастопольской, приступить к формированию отрядов Красной гвардии в целях создания реальной силы, как необходимой опоры при переходе власти к про-

*) Правдин—рабочий портной, бывший административно-ссыльный, оргавизатор первой большевистской ячейки в севастопольском союзе портных. В апреле эвакуировался вместе с севастопольской организацией на Кубань, где, как мне сообщили товарищи, погвб после взятвя Красводара белыми. *Ю. Г.*

**) Зайцев—амвистироваввый ссыльно-поселенец; был секретарем алупкинской большевистской ячейки. В апреле 1918 г. был убит в Алупке случайво взорвавшейся бомбой. *Ю. Г.*

летариату. План захвата власти не обсуждался: этот вопрос считался еще преждевременным.

Особенно горячо обсуждался вопрос о печати. По настоянию бердянского товарища этот вопрос был постановлен в принципиальную плоскость. Обсуждалась политика большевистской партии в отношении буржуазной печати. Прения показали, что большевистские организации северной Таврии еще находились под влиянием меньшевистской идеологии. Бердянский товарищ критиковал политику Ц.К. партии в отношении буржуазной и социал-предательской печати и горячо защищал демократический фетиш свободы печати. Долго и горячо спорили, стараясь переубедить северных тавричан, доказав им, что они заблуждаются, т. е. еще не изжили меньшевистских иллюзий, —но это не удалось. При голосовании огромным большинством прошла резолюция (бердянский товарищ голосовал против и пара северных тавричан воздержалась), признающая правильной точку зрения Ц.К. партии.

После принципиальных споров о печати обсуждался практический вопрос об издании партийной газеты — органа таврической большевистской организации. Решили газету издать под названием „Таврическая Правда". Местом издания избрали Севастополь, так как севастопольская организация в то время играла руководящую роль. С'езд избрал комиссию из трех лиц—т.т. Островской, Констансова и Гавена,—которой было поручено организовать издание „Таврической Правды" *).

С'езд избрал таврический губернский комитет в составе: т.т. Островской, Миллера, Гавена, Пожарова, Тарвацкого и, таким образом, создал единый партийный центр, который, однако,

---

*) Вопрос об издании в Севастополе партийной газеты обсуждался в Центральном Комитете нашей партии еще в сентябре месяце и был решен положительно. В конце сентября перед моим от'ездом в Крым секретарь Ц. К., тов. Свердлов, мне лично дал определенную директиву—приступить к мобилизации средств для издания партийной газеты в Севастополе. В письме к тов. Островской он еще раз напомнил о необходимости издания газеты, причем указал, что меня Ц. К. послал в Крым для этой цели (я до приезда в Крым организовал издание и редактировал партийную газетку „Товарищ" в Минусинске и отсюда Яков Михайлович, по всей вероятности, сделал заключение, что я могу быть полезным в области газетной работы, хотя мне она абсолютно не по духу). Потом Ц. К. была прислана для этой цели небольшая сумма—500 или 600 руб., но до декабря, т. е. до перехода власти к советам, об'ективные условия были настолько неблагоприятны для большевиков, что севастопольский комитет при всем желании не мог выполнить директиву Ц. К. партии; это об'яснялось, главным образом, тем, что все типографии находились в распоряжении буржуазных и социал-соглашательских партий, которые не соглашались печатать большевистскую газету, а для организации своей типографии не имелось средств. *Ю. Г.*

в силу тогдашних об'ективных условий проявлял себя очень слабо, как руководящий коллектив, долженствующий конструктировать и направлять работы всех местных партийных организаций.

С'езд сделал одно большое упущение: он не высказался по национальному вопросу, который в этот момент выдвигался на очередь историей революционного движения. В период работы с'езда в Бахчисарае уже заседал татарский Курултай и строил планы о захвате власти в Крыму. На историческое поприще выдвинулась новая сила, на которую мы обратили серьезное внимание только после того, как она в союзе с крымскими кадетами и социал-предателями, а также петлюровцами стала у власти и нам заявила: „Вы нам мешаете, и этого мы впредь не допустим". Вопрос сразу был поставлен в такой плоскости, что его можно было разрешить только силой оружия*).

Недели через три после партийного с'езда, к середине декабря, севастопольские большевики, опираясь на организованные ими революционные отряды моряков и рабочих, совершили переворот. Власть перешла в руки большевистского военно-революционного комитета и переизбранного совета.

С этого момента начинается новый этап в истории революционного движения Крыма, который характеризуется тем, что большевики, создав в Севастополе сильную базу, перешли от обороны к наступлению, кончившемуся в середине января полным разгромом контр-революционных сил и установлением соввласти в Крыму и во всей Таврической губернии**).

Ю. Гавен.

Крым до второго прихода Советской власти.

О перевороте в Севастополе стало известно только 7-го марта, когда адмирал Колчак, бывший командующим флотом, соблаговолил об этом в осторожной форме об'явить войскам и населению. Но порт, где я в то время работал, судя по отрывочным данным, получаемым из Петрограда, уже был настороже, и уже вечером

*) Необходимо отметить, что до образования крымского татарского правительства тов. Миллер вел переговоры с председателем Курултая Челебиевым, во эти переговоры носили полуофициальный характер и ни к какому соглашению не привели. *Ю. Г.*

**) События этого исторического момента в Крыму я не описываю подробно, они достаточно освещены в статьях других товарищей в № 1 и 2 „Революции в Крыму". *Ю. Г.*

8-го марта делегаты от всех мастерских и учреждений собрались в портовой столовке и принялись за дело.

Вожаки того времени разбились по группам, и каждый по назначению привялся за организацию рабочих и служащих, которых тогда было на заводе до 12.000 человек.

Мне было поручено организовать союз служащих морского ведомства, который должен был об'единить всех товарищей, работавших в то время в морском ведомстве на берегах Чернаго и Азовскаго морей; этим союзом я руководил до 1918-го года, до момента слияния его с общегородским союзом металлистов.

В комитет общественной безопасности от порта мы ввели т. Орлова*), как начальника милиции, и т. Кухарчука. Совету старост были даны инструкции политического и хозяйственного порядка.

В средних числах марта нами на заводе был организован совет рабочих депутатов исключительно с целью противодействия созданному Колчаком приказом от 9 марта 1917 г. и утвержденному Туляковым „Центральному исполнительному комитету из офицеров армии и флота"; совет мы создали из солдат и матросов. Хотя совет рабочих депутатов и был бельмом ва глазу Колчака, но с первых же дней с ним пришлось считаться; нами были приняты меры к реорганизации Колчаковскаго исполкома на принципе выборности и слияния его с советом рабочих депутатов.

Одновременно на заводе был избран главный заводской комитет из 80 человек от 12.000 рабочих, в президиум коего было избрано пять товарищей: Иван Гайгаров, Захар Бабич, Павел Колюбаев, Александр Александров и Андрей Лысенко; остальные товарищи были разбиты по многим комиссиям: в следственной председателем был т. Морозов Ив., в комиссии по чистке порта от дезертиров фронта работал Колосов Ник., в комиссии по охране труда—т. Харламов.

Главный заводской комитет с первого же дня своего существования взял всю власть на территории порта в свои руки, и даже строптивый адмирал Колчак и князь Трубецкой без ведома г. з. к. ничего не смели делать, а адмирал Васильковский должен был аккуратно делать доклады г. з. к. о всякой начина-

*) Заядлый меньшевик, тормозивший впоследствии ремонт бронемашин красных войск и противодействовавший делу защиты Соввласти в Крыму.

Примечание редакции.

ющейся работе. Организующая власть довольно рано оказалась в руках г. з. к. По приказу последнего были назначены выборы в совет рабочих и солдатских депутатов.

Было также приказано исполкому, созданному Колчаком, об'явить себя распущенным и назначить новые выборы в севастопольский совет рабочих и солдатских депутатов.

Первый совет рабочих и солдатских депутатов был избран в конце апреля; я был избран секретарем исполкома. Работа шла вяло, очень много времени уделялось разговорам и организации отрядов для посылки на фронт, а также для охраны живших в районе Ялты высокопоставленных особ царской фамилии.

Большевиков настоящих в то время не было, хотя рабочие и большинство солдат и матросов были настроены больше, чем по-большевистски*).

Между тем, эсэры и меньшевики в это время перебросили хорошие силы в Севастополь. Был Бунаков, Борисов, два раза Керенский, была и Брешко-Брешковская.

Я в это время принадлежал к группе левых эсэров, которыми руководили т. Баккал и Шерстнев; эта группа все время работала в полном контакте с большевиками и хотя она была мала по своему численному составу, но авторитетом она пользовалась большим и почти всегда проводила те резолюции, кои нужны были нам**). Делалось это просто: заседания совета происходили всегда в цирке Труцци, галерка постоянно была переполнена и, пользуясь галеркой, которая всегда была на нашей стороне, мы делали то, что нам нужно было.

Во время корниловщины к нам начало прибывать много товарищей, и перед нами стал вопрос о перевыборах совета. Новые перевыборы совета дали нам положительные результаты.

Второму составу совета пришлось столкнуться с офицерством, которое начало организоваться по рецепту капитана 1-го ранга Немитца в „социалистическое офицерство“; их пришлось разоружить,

*) Это утверждение автора не соответствует действительности. В апреле 17 г. в Севастополе уже были большевики: т.т. Калич, Финогенов, Клепиков, Назукин, Ржавиков. Можно говорить только о том, что они не были еще тогда об'единены, ибо первый комитет севастопольской организации был создан, примерно, 4—5 мая 17 года.

Примечание редакции.

**) Надо принять во внимание, что автор был тогда левым эсэром. Его суждения о влиянии и роли эсэров в Севастополе поэтому несколько суб'ективны и довольно относительны.

Примечание редакции.

а некоторых и арестовать. Тогда же был разоружен и Колчак, хотя он отказался выдать оружие и выбросил его за борт броненосца „Георгий Победоносец“. Колчак по нашей, конечно, глупости на второй же день выехал в Петроград и скрылся. На место Колчака был назначен вр. командующий флотом произведенный в адмиралы т. Немитц, который как будто начал работать в полном контакте с исполкомом, в котором он для связи держал постоянно капитана 2-го ранга Богданова, ныне коммуниста. После выступления Корнилова исполком очень много времени уделял организации из лучших товарищей отрядов, которые поочередно отправлялись то под Белгород на Корнилова, то в Донецкий бассейн против Каледина *). Душой всего этого дела, участником и руководителем боев был матрос севастопольского полуэкипажа — тов. Мокроусов, имя которого для революционного пролетариата весьма дорого и популярно.

Работая все время в исполкоме в качестве секретаря, мне очень много пришлось уделять времени урегулированию вопросов, касающихся Центрофлота и Румчерода: обе эти организации претендовали на первенство во флоте.

Уже в конце сентября рабочие начали открыто требовать полной власти совету, и к 25-му октября почва настолько была подготовлена, что на вечернем заседании совета в цирке Труцци почти без прений была принята резолюция о передаче полной власти в городе, во флоте и крепости севастопольскому совету. Относительное спокойствие в Севастополе начало нарушаться с первых чисел декабря, и 15-го числа назрел конфликт, следствием чего был арест и расстрел группы контр-революционного офицерства. В этот же период был создан ревком.

Помню заседание в ночь на 15-ое декабря, когда в присутствии завкомов и судовых комитетов ревком почти целую ночь обсуждал конфликт, возникший с офицерством, и в конце концов было решено часть товарищей прямо с заседания отправить в полуэкипаж для разбора дела на месте, а остальным, в том числе и мне, были даны предписания—немедленно приступить к организации рабочих вооруженных отрядов. Я получил мандат за подписью

*) Автор ошибается. Исполком не только не помогал делу борьбы с Корниловым и Калединым, но противодействовал ему всемерно. Совет и исполком официально заявили, что они с себя снимают ответственность за военные экспедиции на Дон и под Белгород. Эта героическая работа велась силами большевиков и авторитетом первого черноморского с‘езда.

Примечание редакции.

тов. Гавена и Сюсюкалова об организации отрядов из рабочих строительной части и был ответственен за революционный порядок в этой части порта.

С 20-го декабря по 17-е февраля болезнью я был выведен из строя, заболев воспалением легких и брюшным тифом. Выздоровление мое как раз совпало со днем мести севастопольского пролетариата, когда часть буржуазии и офицерства была убита и вывезена в море.

Меньшевики и эсэры подняли в то время сильную агитацию за перевыборы совета и разгрузки его от работы, т. е. они требовали передачи части работы городскому самоуправлению.

Впоследствии, благодаря сложившимся обстоятельствам, на выборах совета правая масса одержала верх, и был избран так называемый „беспартийный“ совет и исполком под председательством т. Горячко при заместителе Канторовиче. Конечно, в тот же день этот исполком был разогнан и избран ревком в количестве пяти товарищей: три коммуниста — Пожаров, Марченко, Гавен и два левых эсэра — Шерстнев и Семенов*). Этот же ревком и был революционным штабом по обороне Крыма от надвигающихся немцев.

Перед приходом немцев много энергии и сил было потрачено по вопросам об охране и обороне Крыма, а также по вопросу о выводе флота в Новороссийск; перед днем эвакуации двое суток беспрерывно были заседания в морском собрании, где, главным образом, говорили о том, нужно-ли вывести флот или остаться в Севастополе с поднятием украинского флага. Флот под обстрелом немцев ушел в Новороссийск, а в Севастополе остался крейсер „Кагул“ и несколько мелких судов, которые подняли украинский флаг. Немцы на второй-же день украинский флаг заменили своим, а команду свезли на берег и, как говорят, отправили по железной дороге на Украину.

После эвакуации часть товарищей была оставлена для подпольной работы и направлена исключительно по союзам. Я начал активно работать в союзе металлистов сначала в качестве товарища председателя, а потом, когда меньшевики из союза бежали,

*) Создание „беспартийного“ совета об'ясвяется тем, что главные революционные силы моряков были на фронте. Что же касается организации ревкома, то вопрос здесь автором освещен не вполне верно. В статье Гавена этот вопрос изложен соответственно действительности.

Примечание редакции.

боясь революционного настроения масс, я был избран председателем и руководил союзом все время.

Первое, что было сделано союзом со дня прихода немцев, это было отдано распоряжение всем членам союза о прекращении работ на заводе, в особенности в военных мастерских, и ни в коем случае не итти на работы к немцам. Это нам удалось, и только по истечении месяца из 12.000 рабочих нашлось несколько сот шкурников-штрейкбрехеров.

Немцы поняли, в чем дело, и начали нажимать на союз; сейчас-же были задержаны деньги союза, которые находились в госбанке в сумме 11 миллионов рублей, оставленные властью советов для расчета с рабочими. Без денег пришлось круто; тогда по постановлению правления союза была назначена комиссия, куда вошло десять товарищей: Лысенко, Котвицкий, Кривохижа, Саморуков, Баранов и другие, которые должны были пред'явить для заключения коллективный договор немецкому командованию, при чем главными пунктами было выдвинуто: 1) работы производить исключительно ремонтного и невоенного характера, 2) немедленный возврат 11 миллионов рублей и 3) восьмичасовой рабочий день. Коллективный договор был принят, но относительно денег немцы указывали, что без ведома Москвы и Киева они не могут их выдать и что, самое главное, все пункты договора они согласны подписать, но не с союзом, а в отдельности с каждым рабочим.

Это нас не устраивало, и мы продолжали забастовку. Тогда немцы решили арестовать часть вожаков; это им не удалось, ибо нас своевременно предупредили, и нам пришлось уйти на некоторое время в подполье, а наше место пришлось занять второму правлению. Надо пояснить, что во время немцев, а потом и при белых у нас все время было по два-три правления, секретно избранных, которые должны были в случае ареста немедленно-же вступить в исполнение обязанностей, дабы ни одного дня союз не оставался без руководителей.

Меня, т. Кухарчука, Грищенко и Котвицкого секретно командировали в Киев хлопотать о возврате арестованных немцами денег. По прибытии в Киев я с тов. Кухарчуком в первую очередь обратился за советом к тов. Раковскому, который тогда был в Киеве и вел переговоры с гетманским правительством об урегулировании отношений с Р. С. Ф. С. Р.

Мы рассказали ему в чем дело, он посоветовал испробовать почву в Киеве; в случае, если ничего не выйдет, он обещал нам дать возможность пробраться в Москву.

На третий день после этого разговора мы были приняты самим „паном гетманом“, которому изложили суть нашего дела; он ответил, что помочь ничем он не может без разрешения германского командования и обещал хлопотать перед немцами; этот ответ нас не удовлетворил; мы только поняли, что гетман—пешка в руках немцев, и ждать от него ничего нельзя.

Вечером мы решили тов. Грищенко и Котвицкого отправить обратно в Севастополь с информационным докладом, а я и тов. Кухарчук пошли к тов. Раковскому, который отправил нас в поезде мирной делегации в Москву, как дипломатических курьеров. В Москве мы обратились в коллегию по морским делам к члену коллегии т. Альтфатеру, который внимательно нас выслушал, предложил подать письменное заявление и просил придти на второй день на заседание коллегии для разбора этого дела. На заседании коллегии председательствовал тов. Раскольников, были и члены т.т. Альтфатер и Вахрамеев; по выслушании нашего дела они постановили поручить наркоминделу снестись с германским правительством и потребовать немедленной оплаты денег рабочим. После заседания затянулась долго беседа о работе в Севастополе, об эвакуации и другом прочем.

В конце июня 1918 года я был опять в Севастополе и начал исподволь работать в союзе металлистов. Как только стало известно рабочим, что я вернулся из Москвы, делегатское собрание рабочих потребовало созыва общего собрания и подробного доклада о моей поездке.

Митинг был созван с разрешения немцев в Ушаковой балке, собралось до 5.000 человек; охраняли митинг немцы пулеметами. Открыл собрание тов. Саморуков, первое слово взял тов. Русин (большевик), который громил штрейкбрехеров, после него слово для доклада было предоставлено мне: я вкратце сообщил все проделанное; посыпалось много вопросов, и в числе их один такого сорта задал т. Кривохижа: „Ну, а скажи, Лысенко, толком, что тебе сказали в Москве?“.

Я сказал, что „т. Раскольников ругал нас за то, что мы плохо защищали Крым от немцев, а относительно денег сказал, что чем скорее вы прогоните немцев, тем скорее вы получите деньги“.

После этого некоторое время мне опять пришлось работать подпольно, в то же время руководя союзом.

При правительстве Соломона Крыма работать пришлось трудней, ибо оно завязало связь с Деникиным, и на территории Крыма появились отряды добрармии с контр-разведками.

24-го ноября в водах Севастополя появилась антантовская эскадра и высадила в Севастополе десант чернокожих сенегальских войск. Почти в этот же период к нам прибыло подкрепление из Москвы в лице т. т. Я. Городецкого и Б. Занько.

Прибытие этих товарищей внесло уверенность и планомерность в работу. В этот же период был организован подпольный ревком в составе т.т. Городецкого, Занько, Джигинаса, Семенова и Козлова. Постановления и распоряжения ревкома проводить в жизнь было возложено на меня, как председателя союза металлистов, и, конечно, все делалось под флагом этого союза. Штаб военного подпольного отряда помещался в союзе строительных рабочих и руководился т. Леоновым и Васильевым. Расположение отрядов было в районе Татарской слободки, Ушаковой балки, Рудольфовой горки, а сигналом служил тревожный гудок завода порта.

Через союз металлистов в скором времени мы связались с французскими моряками. Поводом послужило следующее: при входе в Севастопольский рейд французский дредноут „Мирабо“ сел на подводные камни, и для того, чтобы его снять, нужно было снять артиллерию и часть брони, а для этой работы нужны были рабочие нашего союза. Мы в это время бастовали. И вот, в один прекрасный день к нам в союз являются французские матросы с просьбой дать им рабочих и спасти их корабль. После долгих переговоров мы решили дать рабочих, но взяли слово, что французские матросы не будут выступать против рабочих Севастополя, которые желают власти советов. Согласие было дано, и мы на второй день отобрали самых лучших и надежных 70 товарищей, наполнив их карманы достаточным количеством прокламаций на французском, английском и арабском языках, и отправили их для работы на судно.

Началась веселая работа, к нам в союз начали захаживать товарищи с „Мирабо“ и дредноута „Жан-Барт“. Но 27-го февраля, когда город собирался праздновать день революции, французский комендант города полковник Труссон приказал выставить артиллерию и пулеметы на всех перекрестках улиц в целях

охраны порядка. Это нашему союзу не понравилось, и мы сейчас же сняли рабочих с работ на „Мирабо“.

Маневр этот произвел сильное впечатление на матросов и они прислали письмо, подкрепленное подписью и командира судна, где указывалось, что они крайне смущены снятием рабочих с работы как раз в самый опасный момент для судна: судно имело один борт, освобожденный от брони, и, вследствие этого, дало сильный крен; нас просили немедленно приехать к ним на судно для выяснения вопроса, а также просили разрешить рабочим продолжать работы. Вместе с этим письмом к Графской пристани был выслан за нами катер.

После некоторого обсуждения и получения инструкций от ревкома правление союза постановило командировать на „Мирабо“ меня, Горячко, Белявцева и инженера Константинова.

На судне нас приняли очень хорошо: дежурный офицер пригласил нас сейчас же в каюту командира судна, где нам предложили чай, вино и сладости, и тут же в присутствии почти всего офицерского состава и двух матросов переводчиков (оба француза матроса хорошо говорили по-русски) началась беседа. Командир судна, судя по тону речи и жестикуляции, что-то нам доказывал и в чем-то хотел убедить. Когда его речь перевел нам француз матрос, то оказалось, примерно, следующее: „Граждане, сказал француз, наш корабль постигло несчастье и, когда это случается на море, то даже враги должны спасти нас, а, между прочим, мы не враги ваши; мы—самая свободная страна в мире и наш лучший революционер Мирабо, в честь которого названо судно, был одним из лучших людей, которые боролись за республику Франции“.

После этого тов. Горячко ответил, примерно, так: „Сам бог и возмущенный ваш революционер Мирабо помогают нам бороться против капитала и помещиков, а вы идете против рабочих, которые хотят рабочей власти. Доказательством этого является то, что ваш „Мирабо“ поломался и не хочет воевать против рабочих“. Когда это было переведено французам, это им очень понравилось, и они все начали уверять, что они пришли сюда не как враги, а как друзья русского народа.

Много еще говорилось, и в конце концов командование согласилось наш разговор в нашем же присутствии передать на палубе всем матросам корабля. Когда на палубе собралась вся команда, нас вывели в средину собравшихся, и командир судна

довольно добросовестно передал весь наш разговор команде; в конце речи он сказал, что русские рабочие сегодня празднуют день революции, а комендант Труссон поставил на улицах пулеметы, и вот рабочие порта ручаются за порядок в городе и просят немедленно убрать пулеметы, а также рабочие заявляют, что они хотят только власти Москвы и просят им не мешать в этом*). Все матросы что то прокричали и, когда мы с‘езжали с „Мирабо", то один из французских матросов осторожно показал нам вашу прокламашку и сказал, что они все знают. Когда мы с‘ехали, то сейчас же было получено с флагманского судна „Жан-Барт" уведомление, что коменданту города приказано убрать пулеметы с улиц, а мы сейчас же послали рабочих на „Мирабо" с новым запасом летучек, полученных от т. Городецкого. Интересно отметить, что, когда мы завязали переговоры с французами, из правления союза меньшевики ушли.

Так с каждым днем все больше и больше мы связывались с французами. К грекам и англичанам подойти никак нельзя было.

В первых числах марта в Севастополь через фронт возвратился из Москвы тов. Кухарчук. 7-го марта в цирке Труцци было собрано общее собрание союза металлистов, на котором с докладом должен был выступить т. Горячко на тему о переговорах с правительством С. Крыма в связи с выплатой рабочим денег и вторым докладчиком т. Кухарчук с сообщением о его поездке в Москву. Каждое слово т. Кухарчука поднимало настроение, и к концу собрания начались выкрики: „да здравствует Советская власть", „нам не надо кадетских денег" и так далее. Председательствовавший т. Твердунов с трудом восстановил порядок, и само собрание предложило следующую резолюцию: „От получения денег от кадетского правительства отказаться, работы на заводе прекратить, требовать немедленного удаления из Севастополя вооруженных отрядов Антанты и для разработки окончательного плана созвать на 10-е марта делегатское собрание от всех союзов и предложить им присоединиться к нашим требованиям".

Еще до созыва делегатского собрания к нам в союз начали поступать резолюции от грузчиков, железнодорожников и строителей о полной солидарности с нами.

---

*) По свидетельству товарищей, некоторые моменты беседы с командиром „Мирабо", в особенности речь к команде, несколько сгущены и неточны. Это об‘ясняется тем, что делегаты слабо знали французский язык, на котором речи произносились.

Примечание редакции.

10-го марта делегатское собрание собралось на Приморском бульваре в клубе Профсовета; председателем собрания был избран я, а секретарем—Козлов; меньшевики мобилизовали все лучшие свои силы: Могилевского, Кавторовича, Духавина, Грищенко, из Симферополя был вызван Немченко; от эсэров выступал Страхов; все они категорически протестовали против об'явления забастовки и требовали сейчас же закрытия заседания.

Но не тут то было. После выступления меньшевиков слово взяли большевики: Джигинас, Семенов и Занько. Когда т. Занько выступил и заявил, что он говорит от имени большевиков-коммунистов, в зале водворилось мертвое молчание, а меньшевики, сидевшие в первых рядах, заерзали. После речи тов. Занько настроение сильно приподнялось, и речь его была покрыта бурей апплодисментов; тогда меньшевики выпустили свою артиллерию—Могилевского, который пропел свою красивую речь и получил одобрение меньшинства; после него выступил от большевиков т. Городецкий и, разгромив окончательно меньшевиков и эсэров, предложил собранию немедленно об'явить стачку и поддержать металлистов.

В два часа ночи собрание 83-мя голосами при 7 меньшевиках, голосовавших против, приняло резолюцию, требующую от всех союзов об'явления немедленной стачки и подчинения всех союзов стачечному комитету, который тут же был выбран тайным голосованием. В стачечный комитет было избрано 7 товарищей: Городецкий, Занько, Джигинас, Семенов, Козлов, А. Лысенко и Прокофьев; правильность выборов проверял тов. Горячко.

11-го марта утром от имени стачечного комитета была об'явлена стачка по всем предприятиям города, кроме водокачек, освещения и больниц, с требованием немедленного увода антантовских войск из города и передачи власти, до прихода красных войск, совету союзов.

На второй день стачки из наших рядов был выхвачен Городецкий и было также арестовано 6 человек рабочих: Горячко, Кухарчук и другие, которых контр-разведка считала членами стачечного комитета. Арестовав этих товарищей, контр-разведчики на второй же день их увезли в Симферополь; тогда стачечный комитет в знак протеста об'явил мертвую стачку и, как только приказ комитета был роздан по союзам, город замер; ни света, ни воды и ни фунта печеного хлеба; такое положение продолжалось двое суток, и антантовское командование было поражено такой

организованностью рабочих Севастопольского порта; заходившие французы с флота и из штаба Труссона передали, что командование решило немедленно вернуть арестованных в Севастополь и разрешило легально существовать ревкому без слова „военный", а просто революционный комитет; по второму пункту—о разрешении нам организовать красную милицию—еще не было решения.

15-го марта были возвращены товарищи из Симферополя; мы решили организованно прекратить стачку и избрать революционный комитет в составе т. Городецкого, Занько, Джигинас, Семевова и Козлова. Революционный комитет полулегально начал организовывать власть и связался с войсками тов. Котова, расположенными в районе Балаклавы.

18-го марта в Севастополь прибыло Краевое правительство для посадки на французские суда для отбытия в Константинополь; французы тогда посылали по железной дороге подкрепление к Бахчисараю, дабы задержать вступление красных. Эшелон, вышедший из Севастополя, в райове Ушаковой балки вашей дружиной, под комавдой т. Харламова, был забросан с откоса ручными гранатами и должен был вернуться обратно.

Все это время трудво приходилось нам, и ночи мы проводили или на окраинах в скалах или на чердаках у буржуазии, которая, дрожа за свою шкуру, прятала нас.

Через тов. Дроздова, впоследствии замученного Врангелевской ковтр-разведкой в Севастополе, нам удалось связаться с отрядами т. Котова и получить приказания революционному комитету от политического комиссара Васильева организовать восстание и тем самым помочь красным войскам, которые плохо вооружены и, конечно, в открытом бою немногое смогут сделать.

Тогда на заседании ревкома было решено наши подпольные отряды довести до 4.000 человек, от французского же командования требовать полной передачи власти в городе ревкому и разрешения ввести часть красвых войск в город для порядка или же организовать красную милицию.

От имени революциовного комитета к Труссону с этим требованием поехал т. Городецкий и городской голова Могилевский. После долгих разговоров, как передавал т. Городецкий, французы разрешили оргавизовать красную милицию и ревком признали, как временную власть.

Двем мы работали под надежвой охраной рабочих порта, которых в эти дви было всегда в союзе ве меньше тысячи чело-

век, а ночью прятались по чердакам, оставляя для дежурства в союзе одного товарища. Так было и в канун пасхи.

Я спал на чердаке Морского собрания у тов. Хоменко, а в союзе дежурил тов. Моисей Кривохижа. И вот ночью получаю сообщение от Кривохижи: „Тов. Лысенко, обрати внимание, что делается на судах французов“. Это было перед утром 22-го марта ст. стиля; смотрю в чердачное окно, откуда прекрасно виден весь рейд, смотрю и не понимаю: на судах какая то суматоха, и, несмотря на то, что еще рано, там то подпимают, то опускают флаг; оказывается—это часть матросов поднимала на судне красный флаг, а другая протестовала и спускала.

Утром часов в 9 к Графской пристани начали группами с'езжаться французские матросы, и, когда собралось их человек 300, один из матросов поднял маленький красный флаг, и все с песней направились к нашему союзу, Екатерининская, 5.

В союзе в это время были только тов. Кривохижа и Климентьев. Кривохижа открыл окно и выставил союзное красное знамя. Тогда французы подбежали к окну, взяли знамя и пошли с ним по Екатерининской улице вверх. У вокзального спуска навстречу французам вышел со знаменами союз водников, и эта процессия, собравшая и празднично настроенную публику, в количестве до 3.000 человек двинулась по Б.-Морской вниз к Нахимовской.

Около городской управы процессия остановилась, и ее приветствовал от имени ревкома на французском языке тов. Городецкий; после дружного крика „ура“ процессия двинулась вниз, и около аптеки Маллера манифестация была обстреляна по приказанию Труссона греческими пулеметами. Стреляли с железнодорожного училища и со штаба крепости.

Б.-Морская обагрилась кровью честных сынов Франции: двенадцать человек французов и 5 рабочих порта были частью убиты, частью тяжело ранены. Толпа разбежалась, остались на месте только французы и часть рабочих; подобрали раненых и убитых, занесли их в аптеку Маллера. Красные знамена при почетном карауле матросы отнесли в городскую управу и сдали ревкому, а сами с сильным возмущением и бранью по адрессу Труссона и греков отправились на суда за оружием, но с судов их больше не выпустили. Мы только видели, что весь флот французский снялся и ночью того же дня ушел в Константинополь; на рейде остались только два греческих дред-

ноута и флагманское судно командующего соединенными силами—дредноут „Жан-Барт“.

На третий день пасхи в город прибыл на автомобиле комиссар войск т. Котова т. Васильев, который под‘ехал прямо к союзу металлистов и тут же роздал привезенную с собою советскую литературу.

Наступил второй период Советской власти в Крыму.

Андрей Лысенко.

Переворот в Севастополе.

Вряд-ли кто будет спорить против той простой истины, что историю революции на окраинах, в частности в Крыму, нужно изучать только в общей связи с положением вещей во всей стране, сохраняя исторический фон и перспективу.

При этом условии станет ясным, почему и Крым между февралем и октябрем находился в революционной лихорадке, почему с середины 17 года температура Крыма поднималась, и должен был наступить момент переворота.

В самом деле, в экономическом отношении Крым 17 года на общероссийском фоне не представлял оазиса особенного благополучия.

Если в России к тому времени намечался уже хозяйственный развал, если в центральной России уже громко говорили о голоде, и в Москве в августе и сентябре происходили беспорядки на почве продовольственных нехваток, то Крым в этом отношении исключения не представлял.

Экономические условия Крыма толкали трудящиеся массы к перевороту. Недостаток хлеба чувствовался остро, особенно в Севастополе. Линия продовольственных недостатков и разрухи повысилась к сентябрю-октябрю.

В конце сентября едва не произошли крупные беспорядки в Симферополе на почве недостатка продуктов. Самочинные обыски с исканием продуктов, бесчинства произошли и в Евпатории. Недовольство с севера докатилось до Крыма, и газета эсэров „Революционный Севастополь“ в № 71 от 29 сентября чистосердечно признавалась:

> ...Продуктов у нас нет, вообще, и никто не сможет распределить то, чего нет. Никто не сможет накормить население несуществующим хлебом...

Хозяйственные предпосылки для пролетарского переворота в последней четверти 17 года в Крыму были валицо во всех городах, а особенно в Севастополе, в этом многолюдвом пролетарском, военном и наиболее голодающем центре.

Посмотрим теперь, каков к тому времеви был общий политический фон России, являющийся, вместе с тем, и фоном движевия общественвых сил в Крыму.

К севтябрю всем зрячим была в России уже ясна беспомощность так называемой демократии. Корвилов и Каледив первые открыто посягнули на веприкосновенность демократии. Их восстание имело последствием неверие масс в крепость демократической власти и безудержвый взрыв невависти против тех, кто покушался ва завоевания революции.

Сейчас-же после Корниловского мятежа в Выборге солдаты сбросили в море целый ряд комавдиров. В Гельсивгфорсе команда „Петропавловска“ расстреляла четырех офицеров. А дальше, в тылу, смерч самосудов пронесся через Коломну, Серпухов, Киев, Казань, Астрахавь, Козловский уезд, Тамбов и, ковечно, докатился до Крыма.

Демократическая власть была здесь так же бесспола, как и в России, она так же не доводила до конца классовых достижений революции, она была так же слаба, так же нежвичала с буржуазией и офицерством,—а народ так же, как и на севере, негодовал.

Эти общественвые моменты особевно ярко сказались в Севастополе с его многочислевными рабочими и матросскими массами.

Таким образом, сильнейшее недовольство народных масс, озлобление против офицеров, разоружения, расправы, самосуды волной катились и в Крыму.

„Революционный Севастополь“—орган эс-эров, „Прибой“—орган меньшевиков—имели все основания истерически взывать к здравому рассудку рехнувшихся, по их мвению, масс.

Нельзя удержаться от того, чтобы не привести векоторые перлы из деятельвости „Прибоя“ на поприще усовещевавия истории и классов:

„Революции органически чужды василие и произвол. В революции проявляет себя сила вародвых восставших масс, утверждающих свою духоввую волю в качестве закона... Честь революции в благородстве ее силы и в силе ее благородства... Надо спасать честь революции“.

Не соперничая с „Прибоем“ в пышности фразеологии, надо сказать: к третьей четверти 17 года экономические и политические предпосылки созрели в Крыму для пролетарской революции. Общие причины — продовольственный голод, разруха, засилье офицерства и буржуазных элементов—были налицо в городах Крыма, вообще, а особенно в военно-пролетарском Севастополе. Когда к общим политико-экономическим причинам присоединились значительные поводы в связи с контр-революцией на Дону, история сказала Севастополю: „Здесь Родос, здесь прыгай“.

* * *

Главной общественной силой, которая определяла ход событий в Севастополе,—были матросы. Не рабочие местной формации, в большинстве случаев связанные с собственностью и демократическими предрассудками, не иные общественные прослоения, а именно широкие матросские массы, буйные, удалые, воспитанные рокотом бурь, озлобленные долголетней муштрой и гавканьем против всего, что может напомнить старый строй.

Отчасти потому, что большевики еще были слабы и не развили во всю ширь свою работу, главным образом, в силу общих исторических причин, но севастопольский совет и Центрофлот к моменту октябрьской революции были еще под влиянием меньшевиков и эс-эров. И исполком, и совет, и Центрофлот признали взятие власти советами „вполне правильным“.

Меньшевик Пескин, лидер совета, и „дикий“, анархист Шелестун, председатель Центрофлота, эту правильность признавали, ибо события их сбили с ног, пойти против советов нельзя было, так как массы были за них,—зато с тем большим рвением они всюду подчеркивали: все это правильно, но только до созыва Учредительного собрания, которое должно притти устроить судьбы России.

Матросские массы поддерживали своих лидеров, которые совершенно невольно играли роль революционеров советского переворота.

Черноморская морская бригада, линейный корабль „Три Святителя“, 4-й подводный дивизион и школа подводного плаванья, линейный корабль „Воля“—все заявляли: признаем и поддерживаем власть советов до созыва Учредительнаго собрания.

Таким образом, в октябре Севастополь перенес только словесный, а не фактический переворот. Формально власть перешла к совету, по существу же эс-эры и меньшевики остались на ме-

стах; эс-эры Баккал и Риш, меньшевики Бундов и Пескин остались руководителями, конечно, не дел, а разговоров и партийных споров в говорильне, именуемой севастопольским советом.

Такое двусмысленное положение вещей долго длиться не могло; оно должно было прекратиться по мере того, как демократия себя все больше компрометировала и обнаруживала свою истинную сущность перед усиливающимся влиянием революционного севера, с одной стороны, и подымающейся контр-революции— с другой.

* * *

Таким образом, октябрьский переход власти к советам встретил в Севастополе единодушное, согласованное настроение социалистических вождей и руководимых масс.

В начале ноября это единодушие начало расщепляться. Меньшевистские вожди попятились назад от своего недавнего признания переворота, твердя повсюду, что это безумная „авантюра"— только и всего. Массы же, узнав суть дела, передвинулись влево, и, таким образом, начала шириться пропасть между демократическими партиями и народными массами.

На Черноморском с'езде, начавшем работать, примерно, с 6 ноября, авторитет социалистических партий был уже подорван. По важному вопросу об отношении к Центрофлоту, выступившему против советского правительства, была принята резолюция большевиков, предложенная Пожаровым, считавшая Центрофлот распущенным. Это был акт знаменательный, говоривший о том, что матросы за переворот, и Севастополь вскоре последует по пути, намеченному севером.

На заседании с'езда от 16 ноября появились представители Балтийского флота, Кронштадта и Гельсингфорса. Их решительный призыв: „черноморцам взять в свои руки южный край, как балтийцы взяли северный"—окончательно направил с'езд по революционному руслу.

По докладу Зинченко о втором всероссийском с'езде была принята резолюция большевиков, предложенная Гавеном, между прочим, говорившая:

> „С'езд считает вновь избранный ЦИК Всерос. с'езда советов единственным источником власти".

Большинством 37 против 9 было принято предложение послать приветственную телеграмму Совнаркому „за энергичную

политику в деле приближения демократического мира и об'явление перемирия".

Авторитет социалистов был окончательно подорван на заседани совета от 17 ноября, когда балтийцы выступили с речами, обвиняя в подрыве советской власти „темные личности, как Бунаков". И это чрезвычайно симптоматично, что на заседании совета от 20 ноября фракция эс-эров выступила с протестом против распространения слухов „о возможном аресте кандидата в Учредительное собрание т. Бунакова".

Но эти протесты так же могли остановить надвигающиеся события, как крик совы восходящее солнце.

* * *

События, переполнившие историческую чашу и непосредственно вызвавшие переворот, связаны с экспедицией на Ростов. Как известно, необходимость этой экспедиции в помощь ростовскому пролетариату против Каледина была признана Черноморским с'ездом.

6 ноября с'езд выделил комиссию из Ракитного, Курносенко и Драчука, поручив им немедленно снарядить флотилию на Дон, „памятуя, что малейшее промедление влечет за собой гибель донского пролетариата".

Социалистический исполком совета не преминул, конечно, и в данном случае показать свою революционность. Он занял „мудрую" позицию, указав, что в „означенной экспедиции должны принять участие лица, выразившие добровольное свое желание". Исполком умыл руки, чтобы их потом загрязнить, не помогая флотилии, не поддерживая ее во время огневыми и продовольственными припасами.

Как известно, экспедиция не удалась, ростовский пролетариат был взят в пытки, четыре тысячи красногвардейцев было вырезано и потоплено в Дону. Это был предметный урок для Севастополя по вопросу о том, что такое контр-революция, чем она грозит рабочему и матросу и что делают социалисты для борьбы с ней.

Этот урок был широко раз'яснен революционному Севастополю возвратившимися деятелями флотилии и уцелевшими руководителями ростовского пролетариата.

Чтобы понять последующие события, нелишне остановиться на речах этих уцелевших борцов, произнесенных ими на об'еди-

Вторникъ 19 декабря 1917 г. | № 1 | Цѣна 12 коп.

ИЗВѢСТІЯ

Севастопольскаго
Воен.-Рев. Комит.

Условія подписки
На 1 мѣсяцъ 2 руб. 70 коп.
„Извѣстія" выходятъ ежедневно кромѣ [illegible]
Редакція и контора находятся въ помѣщеніи С. С. З. и Р. Д. Чесменская ул.

Такса объявленій.
Впереди текста за строку нонпарели 1 руб. позади текста 50 коп.
[illegible] 30 коп. за каждый разъ.
Пріемъ объявленій [illegible] только отъ 11 до 12 час.
Рукописи не возвращаются.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Коммссія по охранѣ труда при Севастопольской городской Управѣ

Вслѣдствіе циркулярнаго предписанія министерства государственнаго призрѣнія отъ 28 іюля 1917 года за № 1, измѣнившихся условій государственной жизни Россіи и матеріальнаго положенія многихъ дѣтскихъ пріютовъ, вошедшихъ въ составъ Вѣдомства Учрежденій императрицы Маріи, является достаточное основаніе безотлагательно приступить на мѣстахъ къ обсужденію вопроса какія мѣры надлежитъ принять попечительствамъ вѣдающимъ дѣтскими пріютами В. У. И. М. къ

ТЕЛЕГРАММЫ.

Радіо. Принята рад. Центромори въ 15 час. 35 м. 16 дек. Всѣмъ. Въ Румынское посольство. Нами получено сообщеніе отъ Кишиневскаго революціоннаго комитета о томъ, что румынскими войсками оккупировано мѣстечко Песко и нѣсколько селъ Бессарабіи, причемъ разстрѣляны революціонеры; сверхъ того, сообщеніе гласитъ, Румынскія власти черезъ русскаго полковника румынскаго генерала пригласили всѣхъ членовъ революціоннаго комитета въ Яссы, гарантируя имъ всякую безопасность. Въ Яссахъ однако весь комитетъ былъ арестованъ. Всѣ члены революціоннаго [illegible] принять срочныя мѣры, въ [illegible]

НОВОЧЕРКАССКЪ. Министръ продовольствія Украины предложилъ [illegible] 50 [illegible] Казачій кругъ встрѣтилъ эти извѣстія рукоплесканіями.

КОПЕНГАГЕНЪ. По свѣдѣніямъ «Берлинер Цейтунгъ» кайзеръ Вильгельмъ заявилъ правительству, что онъ пріѣдетъ въ Брестъ-Литовскъ, если собравшіеся тамъ делегаты придутъ къ соглашенію.

Кайзеръ носится съ мыслью, если въ первыхъ переговорахъ окажется невозможнымъ соглашеніе обратиться [illegible]

„Известия Севастопольского Военно-Революц. Комитета".

Орган Севастопольского ревкома. Стал выходить вместо «Известий Севастоп. Совета» соглашательского толка сейчас же после установления в Севастополе власти Советов, в декабре 1917 года.

В январе 18 г. после выборов в Совет «Известия Ревкома» снова переименовались в «Известия Севаст. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов» и существовали до эвакуации советской власти в Новороссийск. Редакторами «Известий» состояли т.т. Яковенко, Александрова и Гальперин (с.-д. интернац.).

Вторникъ 19 декабря 1917 г. **№ 1** Цѣна 12 коп.

ИЗВѢСТІЯ

Севастопольскаго Воен.-Рев. Комит.

Условія подписки
На 1 мѣсяцъ 2 руб. 70 коп.
„Извѣстія" выходятъ ежедневно кромѣ послѣпраздничныхъ.
Редакція и контора находятся въ помѣщеніи С. С. З. и Р. Д. Чесменская ул.

Твнея объявленій.
Впередъ текста за строку нонпарели 1 руб. позади текста 50 коп.
Ищущіе труда платятъ 30 коп. за одинъ разъ.
Пріемъ по дѣламъ редакціи только отъ 11 до 13 час.
Рукописи не возвращаются.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Комиссія по охранѣ труда при Севастопольской Городской Управѣ

Вслѣдствіе циркулярнаго предписанія министерства государственнаго призрѣнія отъ 28 іюля 1917 года за № 1, измѣнившихся условій государственной жизни Россіи и матеріальнаго положенія многихъ дѣтскихъ пріютовъ, вошедшихъ въ составъ Вѣдомства Учрежденій императрицы Маріи, является достаточное основаніе безотлагательно приступить на мѣстахъ къ обсужденію вопроса какія мѣры надлежитъ принять попечительствамъ вѣдающимъ дѣтскими пріютами В. У. И. М. ...

ТЕЛЕГРАММЫ.

Радіо. Принято рад. Шамороси въ 15 час. 35 м. 16 дек. Всѣмъ. Въ Румынское посольство. Нами получено сообщеніе отъ Кишиневскаго революціоннаго комитета о томъ, что румынскими войсками оккупированно мѣстечко Леово и нѣсколько селъ Бессарабіи, причемъ разстрѣляны революціонеры; сверхъ того, сообщеніе гласитъ Румынские власти черезъ русскаго полковника румынскаго генерала пригласили всѣхъ членовъ революціоннаго комитета въ Яссы, гарантируя имъ всякую безопасность. Въ Яссахъ однако весь комитетъ былъ арестованъ. Всѣ члены революціоннаго ... принять срочныя мѣры ... [illegible]

НОВОЧЕРКАССКЪ. Министръ продовольствія Украины предложилъ ... [illegible] ... Казачій кругъ встрѣтилъ эти извѣстія аплодисментами.

КОПЕНГАГЕНЪ. По свѣдѣніямъ «Берлинеръ Цейтунгъ», кайзеръ Вильгельмъ заявилъ правительству, что онъ пріѣдетъ въ Брестъ-Литовскъ, если собравшиеся тамъ дипломаты придутъ къ соглашенію.

Кайзеръ носится съ мыслью, если въ мирныхъ переговорахъ явится возможность соглашенія, обратиться ... [illegible]

„Известия Севастопольского Военно-Револ. Комитета".

Орган Севастопольского ревкома. Стал выходить вместо «Известий Севастоп. Совета» соглашательского толка сейчас же после установления в Севастополе власти Советов, в декабре 1917 года.

В январе 18 г. после выборов в Совет «Известия Ревкома» снова переименовались в «Известия Севаст. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов» и существовали до эвакуации советской власти в Новороссийск. Редакторами «Известий» состояли т. т. Яковенко, Александрова и Гальперин (с.-д. интернац.).

ненном заседании совета, Центрофлота и представителей судовых и береговых команд от 8 декабря при обсуждении вопроса о событиях на Дону.

В зал зимнего городского собрания трудно было пробраться: были забиты и хоры и проходы. В напряженной атмосфере выступили ростовские герои с речами, дымившимися запахом крови убиенных, ненавистью и местью убийцам.

Драчук изложил ход событий; начав с выступления, он перешел к истории с ген. Трегубовым, который в Керченской крепости чинил препятствия в пропуске флотилии, запугивал моряков и отказывался дать лоцмана, только гарнизон помог дальнейшему продвижению. Дальше Драчук говорил о вероломстве и зверствах юнкеров, учинивших кровавую баню рабочим.

Выступивший затем Баскаков рассказал, как 5 декабря Каледин вступил в Ростов, как его автомобиль забрасывали цветами, а „в то же время юнкера ходили по домам и под видом отбирания оружия забирали деньги у бедного населения и сопротивлявшихся убивали".

Но особенно важна по своим последствиям речь Филова— члена ростовского революционного комитета. Дав анализ движения Каледина, он дальше говорил:

...Зачинщиками контр-революционных восстаний являются юнкера и офицеры... тут, если нет Каледина, то есть калединцы... матросам надо бороться с контр-революционным офицерством... Я из своей практики борьбы с Калединым скажу, что надо бороться самыми решительными мерами, конечно, без самосудов и жестокостей... офицерство нейтральное хуже всяких врагов. Здесь я бы применил поговорку: „кто не с нами—тот против нас"... Может быть, калединцы и здесь выступят в связи с успехами Каледина на Дону, поэтому надо сорганизовать Красную гвардию и обучить ее, потому что в Ростове Красная гвардия не была обучена и потому потерпела поражение. Против вооружения Красной гвардии возражали всегда социал-демократы, оборонцы и правые эсэры...

Свою речь он кончает грозным повторением:

„Вам же прежде всего надо повести самую ожесточенную борьбу со своими калединцами"...

Когда после выступил с.-д. Борисов и начал говорить о черносотенном натравливании на интеллигентов со стороны предыдущих ораторов, о том, что с.-д. были против экспедиции, не

признавая ее целесообразность, что ее разгром показал их правоту, что только Учредительное собрание победит Каледина,—его слова были покрыты шумом и свистом.

Это был последний символ. Это революционные массы отшатнулись с презрением от социалистических болтунов, это пробил двенадцатый час.

11-12 декабря большевистская фракция официально вышла из исполнительного комитета, не желая сотрудничать с теми, кто окончательно скомпрометирован, кем „ни одна практическая мера для борьбы с контр-революцией и для обеспечения хлебом армии и тыла революции не была принята, несмотря на неоднократные и энергичные требования фракции большевиков“.

Социалистический исполком и его демократические деятели оказались совершенно посрамленными и изолированными.

В массах клокотал гнев против врагов революции.

Внутренние силы должны были прорваться.

* * *

15-го матросы зашевелились.

Первый номер „Известий Севастопольского Военно-Революционного Комитета“ от 19 декабря сдержанно сообщает:

Тревожные дни в Севастополе.

15-го декабря около 6-ти часов вечера Центрофлоту и И. К. совета было сообщено, что группа матросов в 30 чел. повела 6 офицеров по направлению к Малахову Кургану, где последние были расстреляны. По проверенным следственной комиссией сведениям, упомянутые офицеры расстреляны по постановлению команды «Хаджи-Бей». Причины расстрела—контр-революционная деятельность этих офицеров. Это событие послужило сигналом к дальнейшим событиям. Начались обыски, аресты и разоружения офицеров на всех кораблях Севастопольского военного флота.

Аресты сопровождались расстрелами некоторых офицеров, про которых матросам было известно, что они еще при старом строе участвовали в подавлении революционного движения.

Утром 16-го стало известно, что, кроме упомянутых 6 офицеров «Хаджи-Бея», расстреляно еще 15 офицеров, взятых из арестного дома.

В № 2 „Известий“ от среды 20 декабря приведен список расстреляных офицеров:

1. Муляров Владислав (подполковник).
2. Сериков Константин (лейтенант).
3. Тевящев Григорий (капитан II-го ранга).
4. Салов Николай (капитан II-го ранга).
5. Ведерников Георгий (лейтенант).
6. Свиньин Алексей (капитан I-го ранга).
7. Новицкий (вице-адмирал).

8. Александров Александр (контр-адмирал),
9. Павловский (лейтенант),
10. Калистов Николай (капитан II-го ранга).
11. Полянский Зиновий (лейтенант).
12. Кетриц Юлий (генерал-лейт., пред. военно-морского суда).
13. Кузнецов Иван (капитан 1-го ранга),
14. Каськов Митрофан (контр-адмирал).
15. Кортиковский Виктор (лейтенант).
16. Грецев Николай (старший лейтенант).
17. Краузе (мичман).
18. Иотковский (мичман).
19. Томасевич (мичман).
20. Дыбко (подпоручик).
21. Пышнов (капитан II-го ранга).
22. Кондратенко (лейтенант).
23. Гефтман (доктор, убит случайно).

Обывательский Севастополь так и замер.

Газета „Известия Севастопольского Совета“, редактора которой можно обвинять в чем угодно, только не в том, что он журналист,—в номере от 17-го декабря так живописует севастопольские настроения:

> Над Севастополем нависла черная туча произвола, анархии и самосудов. В мозгу обывателя мучительно сверлит мысль, не прольется ли над городом эта туча свинцовым дождем и не потекут ли потоки человеческой крови в море? Уже первые раскаты грома слышны на окраинах...
>
> «Да минует меня чаша сия»—творит молитву Христа обыватель...
>
> «Унеси ты, Боже, тучу грозовую... Сбереги нам, Боже жизнь нашу земную».

Но в страх были ввергнуты не одни обывательские круги, но и вся демократическая власть в лице исполкома и совета.

15-го декабря в 6 часов вечера исполком узнал о начале расстрелов, а в 1 час ночи исполком устроил уже заседание совместно с Центрофлотом и представителями социалистических партий. Тут же был образован временный военно-революционный комитет.

Эти события произошли с кинематографической быстротой. Меньшевики и эсэры не противились воле истории судьбы. Когда стало известным, что арестованы Бундов, лидер фракции меньшевиков, Пампулов, инженер, эсэр, Бируля эсэр, что дерзновенные матросы, того и гляди, арестуют и самого Канторовича, Риша и даже посланца Червова—комиссара Черноморского флота Бувакова-Фундаминского,—социалисты начали решительную сдачу позиций. Они откровенно признались в том, что совет потерял доверие революционной демократии Севастополя, что необходимо создание органа истинно-революционного и решительного в своих действиях.

„Известия“ дают такую картину состояния совета, очевидно, к утру 16-го декабря:

> С утра настроение подавленное... Представители власти ходят, опустив головы... разговор не клеится... работа тоже из рук валится. На вопросы посетителей отвечают невпопад. Скоро некоторые комиссии совсем опустели, а в других с трудом найдешь одного-двух членов... к часу дня в помещении совета никого, кроме сторожа и технических работников, застать уже нельзя.

В час дня 16-го декабря на об'единенном собрании представителей 51 единицы судовых и береговых частей, исполкома совета и социалистических партий, созванном по инициативе врем. революционного комитета, был избран полномочный военно-революционный комитет.

В него вошли двадцать человек: Островская, Пожаров, Санецкий, Марченко, Никонов, Драчук, Осколков, Сюсюкалов, Гавен, Зедин, Савицкий, Пирогов, Ворончин, Чайка, Шмаков, Сапролов, Ильюха и от Черноморского отряда: т. т. Ларионов, Вагул и Борский.

В президиум вошли: Гавен, Зедин, Пожаров, Драчук и Марченко, секретарем Сюсюкалов.

Руль событий перешел в твердые руки представителей социал-демократов большевиков.

* * *

В этих условиях произошел переход власти в руки большевиков, ибо последние были в большинстве в военно-революционном комитете, а затем и в новоизбранном совете.

Интересно отметить, что севастопольские „социалисты“ власть отдали, резонно согласившись, что они потеряли доверие революционной „демократии“.

Как же повели себя новые руководители масс, разбушевавшихся, кипящих, потерявших ощущение сдерживающих центров?

Новый революционный комитет начал дело делать. Кликушество об опасности революции, нытье на злую судьбу большевики передали в монополию другим партиям.

Новый ревком, большевики, твердо взялись за дело, но не в смысле добродетельного опекания разошедшихся масс.

Ревком принял то, что было здорового в движении, твердо очищая его от наносного, вредного и грязного.

Менее всего ревком занимался закликаниями демократии. Было выпущено несколько воззваний; но тон их другой, тембр не „социалистический“.

В № 1 „Известий Севастопольского Военно-Революционного Комитета“ от 19. декабря мы читаем:

Товарищи и граждане! Матросы, солдаты и рабочие!

В грозный момент, когда нависла опасность контр-революции, преступно оставаться равнодушным к тому, что совершается вокруг. Необходимо сорганизоваться, нужно тесно сплотиться вокруг своих революционных органов.

Но непоправимым несчастьем было бы, если бы вы, товарищи матросы, солдаты и рабочие, стали бы действовать каждый по своему усмотрению.

Вот почему созданный вами и зорко стоящий на страже завоеванной свободы и революции Военно-Революционный Комитет призывает вас еще раз к соблюдению спокойствия, выдержки и железной революционной дисциплины.

Никаких самовольных выступлений, а тем более обысков и арестов не должно быть... *Всякого рода попытки к погромам и грабежам будут немедленно подавляться вооруженной силой.*

Все случайно арестованные по проверке будут немедленно освобождены. Граждане приглашаются к продолжению в городе обычной мирной жизни.

В общественных и государственных учреждениях занятия не должны прекращаться.

Для охраны города в ночное время Военно-Революционный Комитет будет выставлять патрули.

Военно-Революционный Комитет.

Председатель Военно-Рев. Комитета *Гавен.*

За Секретаря *Ведин.*

г. Севастополь, 18 декабря 1917 г.

Агитация ревкома не носит истерический беспредметный характер. Ревком больше занимался делом, чем агитацией, или, лучше, агитировал делом.

Весьма правильным шагом было укрепление связей с матросскими массами, не пугаясь их, не чураясь, как это делала прошлая власть демократии.

18-го декабря состоялось соединенное заседание на линейном корабле „Свободная Россия“.

Вот вынесенное постановление, опубликованное в „Известиях Севревкома“ от 19-го:

Резолюция.

Соединенное заседание представителей армии и флота совместно с представителями Военно-Революционного Комитета, состоявшееся 18—XII 1917 г. в 6 час. веч. на линейном корабле «Свободная Россия», обсудив текущие события, постановило:

1) Послать своих комиссаров от каждого судна и армейских частей для совместной работы с Военно-Революционным Комитетом.

2) Послать к революционному отряду Черноморского флотского экипажа с предложением принять меры, чтобы отдельные лица отряда не производили самовольных обысков и арестов, и

согласовать действия отряда с действиями Военно-Революционного Комитета.

3) Для охраны города Военно-Революционному Комитету предлагается назначить свои патрули, для чего в распоряжение Военно-Революционного Комитета судовые и береговые комитеты посылают нужное количество людей.

4) Аресты и обыски производятся только по ордерам Военно-Революционного Комитета, все арестованные контр-революционеры находятся в ведении Военно-Революционного Комитета и дела каждого арестованного разбирает Следственная комиссия Революционного Трибунала при Военно-Революционном Комитете. Принято единогласно.

Председатель *Горлов*. Секретарь *Шевченко*.

Революционный комитет, как первая классовая пролетарская власть в Севастополе, не отрывался от масс, а вместе с ними проводил те мероприятия, которые требуются революцией, силой революционных масс. Ревком держался, но это не значит, что ревком был слабохарактерен и безволен.

Уверенность во всероссийской победе, вера в свою классовую правоту, наличие партийной воли, выработанной прошлым большевиков,—давали закалку и твердость тону работы.

Большую роль играло то, что ревком сумел понять, какими способами аргументировать и поддержать свой авторитет и вполне правильную линию своих действий.

Организация своего матросского отряда и патрулей сыграла большую роль: вооруженная винтовкой сила в такие моменты важнее силы, вооруженной хотя бы розовой демократической фразеологией.

Важны и своевременны были и следующие мероприятия, как видно из № 1 „Известий Севревкома“.

Постановление.

Военно-Революционный Комитет об'являет, что всякая покупка и продажа огнестрельного оружия без ведома и разрешения Военно-Революционного Комитета строжайше воспрещается. Виновные подвергаются военно-революционному суду.

Военно-Революционный Комитет.

Для уничтожения складов вина просить т.т. Ильюху и Ясинского войти с подобным предложением к комиссару по охране г. Севастополя т. Филиппову с просьбой о скорейшем осуществлении этого предложения.

В № 2 „Известий Севревкома“ мы имеем заметку, оценивающую действия ревкома и указывающую их результаты.

С этой целью В.-Р. Комитет издал ряд постановлений, направленных к прекращению самовольных обысков, арестов и самосудов; была создана *новая коллегия по охране города и крепости*, которая немедленно уничтожила в городе все запасы вина и спирта, предотвратив этим неизбежный пьяный разгул, который мог угрожать ужасными последствиями. Далее, были установлены патрули и караулы над общественными зданиями.

Были приняты меры к прекращению бессмысленной стрельбы по городу и в корне уничтожены попытки к грабежам. Отдельный отряд Черноморского флотского экипажа был подчинен В.-Р. Комитету и сейчас без его ведома ничего не предпринимает. Арестованные офицеры частью уже освобождены, остальные по выяснении личности также будут освобождены. Под арестом будут оставлены лишь явные контр-революционеры. В данный момент в городе порядок восстановлен и жизнь ничем не нарушается.

Движение, направляемое умелыми руками, начинает с 20-го идти на убыль. И жизнь вошла в свои берега.

В Севастополе утвердился Советский режим, который отсюда уже распространился потом по всему Крыму, продержавшись до 1 мая, когда он пал с приходом оккупантов-немцев и их наймитов-гайдамаков.

Урановский.

Первые шаги Советской власти в Крыму.

1. Период военно-революционных комитетов.

В середине января 1918 года после ряда ожесточенных боев власть во всей Таврии перешла в руки советов. К 17 января уже все города Крыма были очищены от контр-революционеров. На другой день было опубликовано от имени симферопольского и севастопольского военно-революционных комитетов воззвание, в котором официально было об'явлено о победе революционных войск и о переходе всей власти к советам*).

С этого момента в Крыму наступает первый советский период— период бурной ломки всего старого и перестройки жизни на новый лад. Но власть на местах в первые дни после переворота фактически находилась не в руках советов, а в руках военно-революционных комитетов, которые в период вооруженной борьбы образовались по директиве севастопольского военно-революционного комитета во всех городах и в более крупных селах Крыма.

В период борьбы на эти комитеты легла обязанность мобилизации и организации активных революционных сил, а также руководство этими силами в борьбе с контр-революционерами. Так как почти во всех городах Крыма революционные комитеты вырвали власть у эсэро-черносотенного блока при непосредственной поддержке вооруженных революционных сил Севастополя, находившихся непосредственно в распоряжении севастопольского военно-

*) Это воззвание написано мною. *Ю. Г.*

революционного комитета, то, естественно, что последний стал органом об'единяющим, направляющим и руководящим революционным движением во всекрымском масштабе.

Строго разработанных взаимоотношений между севастопольским военно-революционным комитетом и местными комитетами не имелось (никто их не формулировал и нигде не фиксировал), но, в силу создавшихся об'ективных условий, местные революционные комитеты подчинялись директивам севастопольского ревкома, который, таким образом, по мере расширения зоны влияния превратился из местного севастопольского органа сначала во всекрымский, а потом в Черноморский областной орган пролетарской диктатуры.

22-го января 1918 года севастопольский военно-революционный комитет издал следующий декрет:

> За последние дни севастопольским военно-революционным комитетом было принято несколько делегаций от разных мест Крыма, обратившихся за инструкциями, раз'яснениями, помощью и т. д.—Является настоятельная необходимость расширения территории, на которую распространяется руководство и влияние севастопольского военно-революционного комитета.
>
> В виду изложенного, севастопольский военно-революционный комитет постановил: в военно-революционный комитет г. Севастополя приглашаются члены от военно-революционных комитетов городов Черноморского района по такому расчету: Одесса делегирует 2 членов, Мелитополь—1, Бердянск—1, Ялта—1, Феодосия—1, Алупка—1, Алушта—1, Балаклава—1, Евпатория—1, Керчь—1, Новороссийск—1, Мариуполь—1 и Бахчисарай—1. Таким образом, севастопольский военно-революционный комитет пополняется 16-тью прибывшими с мест членами военно-революционных комитетов.
>
> Севастопольский военно-революционный комитет переименовывается в севастопольский областной военно-революционный комитет.
>
> Севастопольский Военно-Революционный Комитет.

Необходимо отметить, что за все время существования областного военно-революционного комитета постоянных представителей от городов, находящихся вне территории Крыма (кроме Бердянска и Мариуполя), он не имел. Связь с черноморскими побережными городами поддерживалась через временных представителей и эмиссаров, делегированных этими городами в Севастополь для разрешения злободневных военно-стратегических вопросов, а также через представителей севастопольского ревкома.

Директивы и приказы из центра севастопольский ревком получал обыкновенно непосредственно от Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией тов. Антонова-Овсеенко, который, крайне нуждаясь в этот период в вооруженной помощи на Дон-

ском и Украинском фронтах (против Каледина и Центральной Рады),— очень часто обращался к нам за поддержкой.

2. Организация губернского административного центра.

Первая основная задача местных военно-революционных комитетов, после захвата ими власти, заключалась в очистке советов от контр-революционного элемента. Местами социал-соглашательские советы были распущены и избраны новые, местами же социал-соглашатели сами ушли из советов (вернее, потихоньку исчезли), и советы стали на платформу признания пролетарской диктатуры.

После такого изменения внутреннего содержания советов военно-революционные комитеты, по директиве севастопольского областного военно-революционного комитета, стали временно исполнительными органами советов. Советы, став источниками власти, или санкционировали тот состав военно-революционного комитета, который образовывался в процессе борьбы по инициативе местного большевистского комитета, или же избирали новый состав военно-революционного комитета.

В то же время деревня также покрылась сетью сельских военно-революционных комитетов. Таким образом, в течение второй половины января во всей Таврической губернии власть на местах стала на платформу диктатуры пролетариата и приняла советскую форму с тем отличием, что исполнительные комитеты временно назывались военно-революционными комитетами (за исключением северной Таврии, где существовали исполкомы).

Уже в период оформления органов Советской власти на местах, выдвинулся вопрос об образовании губернского административного центра. Севастопольский областной военно революционный комитет, как временный военно-политический орган, давал местным военно-революционным комитетам распоряжения и директивы по преимуществу стратегического и военно-оперативного характера. Прерогативы севастопольского исполкома распространялись только на город Севастополь и на крепостной район. Симферопольский военно-революционный комитет сделался исполнительным органом переизбранного симферопольского совета, очищенного от активных социал-соглашателей. Таким образом, губернского административного центра, об'единяющего и руководящего работой революционных органов всей Таврии в области советского строительства, еще не было, ибо эсэро-меньшевистский исполнительный комитет Таврической губернии распался в день взятия

Симферополя севастопольскими революционными войсками. Такой центр должен был создать губернский с'езд советов.

По предложению севастопольского областного военно-революционного комитета, инициативу созыва с'езда взял на себя севастопольский совет—первый совет в Таврической губернии, ставший на платформу диктатуры пролетариата. 23 января на заседании Севастопольского совета с участием представителей от военно-революционного комитета было постановлено: „Созвать с'езд советов Таврической губернии в Севастополе, как центре революционного движения. Для подготовительной работы к с'езду созвать на 28 января областную конференцию из представителей военно-революционных комитетов и исполкомов".

В передовой статье „Известий Севастопольского Совета" от 24 января 1918 г., комментировавшей это постановление, после об'яснения необходимости создания и роли органа губернской власти дается более полное освещение вопроса о месте, где должен собраться с'езд.

«С'езд советов, пишут «Известия», не может быть в другом месте, кроме Севастополя, так как последний является центром революционной инициативы, оплотом и защитой всей Крымской области, средоточием крупных организованных вооруженных сил. Следовательно, Севастополь, естественно, является областным центром, так сказать, областной столицей южного края».

Таким образом, Севастополь поднял вопрос о перенесении областного (вернее, губернского) административного центра из Симферополя, где он находился до переворота, в Севастополь. Этот вопрос потом горячо обсуждался на чрезвычайном с'езде советов.

3. Чрезвычайный с'езд военно-революционных комитетов.

По инициативе севастопольского совета военных и рабочих депутатов 28 января была созвана конференция из представителей исполнительных комитетов и военно-революционных комитетов для подготовительных работ к грядущему с'езду советов. Конференция эта открылась в Севастополе; в ней участвовало 47 делегатов, которые представляли почти все города Таврии.

По предложению симферопольского делегата Жана Миллера, конференция об'явила себя чрезвычайным с'ездом представителей исполкомов и военно-революционных комитетов, мотивируя это тем, что, во-первых, собрание делегатов довольно полно представляет все революционные органы губернии, и, во-вторых, тем, что необходимо избрать губернский орган власти, что правомочен сде-

лать только с'езд. Это был первый губернский с'езд Таврии, на котором большевики составили большинство*).

Самым спорным вопросом с'езда был вопрос о том, где должен находиться губернский центр: в Симферополе или в Севастополе. Севастопольцы, как уже было сказано, выдвинули вопрос о перенесении административного центра из Симферополя в Севастополь, мотивируя этот взгляд тем, что в силу об'ективных условий (база флота, крепость с большим гарнизоном и колоссальным количеством орудий, лучшая на Юге России техническая связь—мощная радио-станция, кабель, крупные кадры пролетариата и уже приобретенный революционный авторитет) Севастополь—единственный город в Таврической губернии, который может руководить революционным движением и успешно отражать натиск контр-революции.

Симферопольцы во главе с тов. Миллером настаивали на Симферополе, как административном центре, аргументируя свою точку зрения тем, что перевод из Симферополя в Севастополь губернских архивов, необходимых для губернских органов власти, поставит перед центром трудно преодолимые препятствия, и тем, что положение Севастополя, как крепости, будет препятствовать нормальной работе губернского центра (пропуска на в'езд и выезд и т. д.), но самым сильным аргументом в руках симферопольцев являлось то обстоятельство, что перенос губернской продовольственной управы в Севастополь неизбежно должен был вызвать ломку и привести к весьма нежелательным последствиям в продовольственном деле.

Голоса представителей других городов разбились почти поровну**). Вопрос этот сначала обсуждался в большевистской

*) На с'езде присутствовало с решающим голосом 27 большевиков, 10 эсэров-левых, 2 с.-д. (интернационалиста), 1 еврейский с.-д. „Поалей-Цион" и 7 беспартийных сочувствующих большевика. *Ю. Г.*

**) Привожу мнение представителей с мест: тов. *Столяр* (Симферополь): „Я не заинтересован ни Симферополем, ни Севастополем, но, по моему мнению, центр власти может быть только в Симферополе. В Севастополь нет беспрепятственного проезда. Затем в Симферополе имеется огромное татарское население, с которым вам придется работать рука об руку.

Тов. *Пожаров* (Севастополь): „Я говорю определенно, что центр власти должен быть в Севастополе так же, как и финансовый центр. Продовольственный центр остается за Симферополем. Нужно руководствоваться не административной географией, а географией революционера".

Тов. *Булевский* (Ялта): „Все преимущества за Симферополем. Политика —не только борьба с контр-революцией. Экономическая власть тоже не должна забываться. В центре находится Симферополь, а вовсе не Севастополь. Мы боимся не за Севастополь, а за Симферополь, так как именно в Симферополе находится гнездо контр-революции. И поэтому революционный комитет должен быть в Симферополе". *Ю. Г.*

фракции, где севастопольская точка зрения победила, собрав большинство голосов. Но, в виду незначительности большинства (хорошо не помню, одного или двух голосов), было решено, что на пленуме с'езда меньшинство не обязано голосовать за точку зрения большинства.

На пленуме же большинством 23 голосов против 20 победила компромиссная точка зрения: административным центром остается Симферополь, но военно-революционная база с революционным штабом помещается в Севастополе. Такое решение вопроса имело некоторые отрицательные последствия: Симферопольский губернский центр стремился подчинить себе севастопольские военно-революционные органы, сначала военно-революционный комитет, впоследствии военно-морской комиссариат, и Центрофлот, но последние отказывались признавать верховные права Симферополя над „Черноморским Кронштадтом". Отказ мотивировался тем, что флот и крепость не могут быть подчинены ни в административном, ни в стратегическом отношении губернскому центру, в то время, как их революционное влияние в военно-стратегическом и политическом смысле вышло далеко за пределы Таврической губернии и распространяется почти на все пункты Черноморского побережья.

Вторым вопросом, занимавшим чрезвычайный с'езд, был вопрос о конструировании власти; так как по этому вопросу в большевистской фракции разногласий не обнаруживалось, то он на с'езде прошел без особых прений. Резолюция, предложенная комиссией, состоявшей из Гавева, Новосельского и Серафимова*), была принята единодушно. Сущность резолюции заключалась в следующем: с'езд избирает губернский орган власти из 9 лиц, который называется „Таврическим Центральным Исполнительным Комитетом советов рабочих и красноармейских депутатов". Центральный Исполнительный Комитет образовывает при себе рабочий аппарат, состоящий из комиссариатов. Во главе каждого комиссариата стоит назначенный Таврическим ЦИКом комиссар, ответственный за работу своего отдела.

Земельный вопрос также прошел весьма единодушно. После содержательного доклада тов. Серафимова и непродолжительных прений была принята предложенная мною краткая резолюция, предлагающая „местным советам рабочих и солдатских депутатов

*) Серафимов-Керченский делегат—тогда меньшевик-интернационалист, впоследствии коммунист. *Ю. Г.*

и губернскому исполнительному комитету при разрешении земельного вопроса руководствоваться земельными законами и инструкциями, изданными третьим Всероссийским с‘ездом советов и Советом народных комиссаров, применяя таковые к местным условиям. С‘езд подчеркивает, что местные советы обязаны немедленно приступить к образованию земельных комитетов (там, где их нет), которые должны в первую очередь взять на учет все земли с находящимся на них живым и мертвым инвентарем“.

Далее, на с‘езде весьма оживленно обсуждался продовольственный вопрос. С‘езд правильно и ясно учел задачу богатейшей продовольствием Таврической губернии в отношении спабжения хлебом фронта и голодных пролетарских центров. Докладчик тов. Столяр („Поалей-Цион“) весьма выпукло противопоставил крайнюю нужду пролетарских центров, играющих решающую роль в развитии пролетарской революции,—продовольственному изобилию Таврии, собравшей в тот год обильный урожай; он нарисовал яркую картину той анархии, которая наблюдалась в период острой социальной борьбы и перехода власти из рук в руки: продовольственные грузы, адресованные в Петроград, Москву и на фронты, целыми поездами захватывались местными органами власти, стоявшими на точке зрения: „вся власть на месте—и никого я знать не знаю“. Докладчик обратился к с‘езду с горячим призывом срочно разработать решительные меры, необходимые для ликвидации хаоса и создания определенного порядка и системы в продовольственном деле.

С‘езд единодушно присоединился к предложению докладчика. Была принята резолюция, обязующая как губернский, так и исполнительные комитеты мест бороться самыми беспощадными мерами с продовольственной анархией. Снабжение пролетарских центров продовольствием с‘езд признал одной из основных задач революционной власти Таврической губернии*).

В заслушанных на с‘езде докладах с мест отмечалось, что натиск контр-революции во всей Таврии успешно отражен, и советская власть укрепляется, переходя на рельсы социалистического строительства. В докладах также подчеркивалась решающая роль

*) К сожалению, мы здесь не можем привести резолюции с‘езда по продовольственному вопросу, так как единственный находящийся в распоряжении Крымистпарта номер „Таврической Правды“, в котором напечатан отчет об этом с‘езде, слишком „сильно пострадал“ от жестоких событий крымской революционной истории. *Ю. Г.*

Севастополя и Черноморского флота в ожесточенной борьбе за власть*).

Чрезвычайный с'езд советов избрал Таврический Центральный Исполнительный Комитет из следующих товарищей: Жан Миллер, Гавен, Тарвацкий, Новосельский, Фирдевс, Коляденко, Лазарев, Семенов и Гоголошвили (первые семь—большевики, последние два—левые эсэры).

Таврическому Центральному Исполнительному Комитету чрезвычайный с'езд военно-революционных комитетов поручил в месячный срок организовать советский аппарат, реконструировать и укрепить советы на местах и в начале марта созвать первый учредительный с'езд советов всей Таврии.

4. Конструирование временного ЦИК'а.

На второй или третий день после избрания новый ТавЦИК устроил в Симферополе первое организационное заседание, на котором присутствовало всего 7 членов: Жан Миллер, Фирдевс, Лазарев, Новосельский и Тарвацкий от Симферополя, Коляденко и Гавен от Севастополя**).

---

*) Для характеристики привожу здесь выдержку из речи представителя симферопольского военно-революционного комитета тов. Жана Миллера, одного из популярнейших крымских большевиков в тот период: „Вновь избранный социал-соглашательский совет, из которого мы (большевики) недели две до восстания демонстративно ушли, оказался мертворожденным: он собрался один раз и умер. Положение в городе было ужасное; среди рабочих царила полная анархия. Контр-революция свила себе прочное гнездо в лице „совета народных предателей", штаба крымских войск и татарского парламента („Курултай"). И вот, в это время огромным собранием рабочих, охраняющимся красногвардейцами, был избран военно-революционный комитет. Этот комитет знал все, что делается в гнезде „народных предателей": он знал о плане предполагавшегося взятия Севастополя, о каждом шаге „народных предателей" давал он знать севастопольскому революционному комитету. *И Севастополь действовал, действовал великолепно.* Настали дни боя. Симферопольский военно-революционный комитет подготовился настолько, что наш план удался вполне, и вскоре Симферополь был чист от контр-революционеров. К 14 января симферопольский воен. ревком мог действовать уже, как полновластный орган, отражающий народные интересы; он пополнен был 9 севастопольцами. 16 человек были избраны от совета" („Известия Симферопольского совета" 31 января 1918 г.). *Ю. Г.*

**) Первое заседание ТавЦИК'а состоялось в Петроградской гостинице в кабинете т. Миллера. Нас, севастопольцев, которые в течение семи недель существования большевистской власти уже успели создать кое-какую систему в работе, очень поразила та невозможная для деловой работы атмосфера, какая господствовала в этой гостинице, где поместился симферопольский военно-революционный комитет. Коридоры в нижнем и верхнем этажах были набиты людьми—моряками, солдатами, обывателями, которые пришли сюда за пропусками, разного рода удостоверениями и разрешениями на право жительства, на право торговли и прочее, которые по неопытности товарищей

На этом заседании был сконструирован президиум ЦИК'а в следующем составе: председатель Миллер, заместитель председателя Гавен, он-же комиссар по борьбе с контр-революцией и военно-морским делам, и секретарь Фирцевс, он-же комиссар по национальным делам.

Тов. Новосельский был назначен комиссаром внутренних дел, тов. Колоденко—комиссаром финансов, тов. Тарвацкому не дали комиссариата в том предположении, что он будет проведен председателем симферопольского совета (впоследствии он действительно был избран председателем первого большевистского симферопольского совета).

Остальные комиссариаты сконструировались впоследствии следующим образом: комиссаром земледелия был назначен сначала землемер-народник Колосов, потом левый эсэр Корсунь; комиссаром путей сообщения левый эсэр Коробцов (теперь коммунист); комиссаром социального обеспечения—большевик Кац; комиссаром юстиции—Гоголашвили (левый эсэр); комиссаром почтеля—т. Поляческий; комиссаром народного просвещения—т. Петренко (большевичка); комиссаром труда —Шиханович, профессиональный работник, выдвинутый бюро красных профсоюзов; кандидатуру комиссара народного здравия выдвинул союз врачей (фамилии не помню).

В работе ТавЦИК'а было много недостатков, из них самым главным я считаю полное отсутствие какого-либо плана. Многие комиссары (особенно левые эсэры) были весьма слабыми работниками и весьма смутно представляли себе сущность, основные принципы советского строительства и поэтому не могли руководить работой губернских отделов. Почти полное отсутствие указаний со стороны всероссийского центра тоже очень сильно сказалось на работе таврического губернского органа власти. И понятно,

---

выдавались непосредственно Ревкомом за подписью самого председателя Мвллера или его заместителя. Царило Вавиловское столпотворение.

На другой день тов. Миллер заболел, переутомлеиный этой толкотней и суматохой. Мве пришлось взять ва себя оргавизацию аппарата Центральиого Исполнительного Комитета. Я сейчас же оставил Петроградскую гостивицу и отправился в Губерискую Земскую Управу. Здесь в просторвых и хорошо обставлеивых комиатах было тихо и спокойво. Кадеты, эсэры и меньшевики, которые до сих пор хозяйничали в Таврич. Земстве, куда то исчезли. Но канцелярские служащие в большинстве остались на месте и ожидали пришествия нового хозяина. Часть спецов (агрономы, ветеринары) тоже остались. Я приказал собраться в мой кабинет начальникам кавцелярий, старшим делопроизводителям и специалистам и приказал от имени новой власти иемедленно приступить к работе, напомивая, что политика пролетарской власти в период гражданской войвы „до жестокости тверда“ и противодействия и саботажа оиа ве потерпит. И они без возражения приступили к работе. Аппарат зашевелился.... *Ю. Г.*

что, не имея своего опыта и инструкций от вышестоящих органов, работали ощупью, учась на ошибках *).

Связи между ТавЦИК'ом и исполкомами не было почти никакой. Местные советы и исполкомы жили самостоятельно, соблюдая принцип: „вся власть на местах", а в случае каких-либо осложнений (какие имели место нередко) прибегали чаще всего к помощи севастопольского в.-р. комитета, который, имея в своем распоряжении довольно сильные кадры революционного войска, пускал в дело авторитет оружия. Сам ТавЦИК принужден был иногда прибегать к военной помощи Севастополя.

ТавЦИК и симферопольский в.-р. к. (впоследствии исполком) не чувствовали под собой в Симферополе прочного революционного фундамента. Они базировались почти исключительно на рабочих завода „Анатра", которые организовали численно небольшой, но хорошо дисциплинированный и в революционном смысле стойкий отряд красной гвардии, опирались также и на рабочих симферопольского жел.-дорожного депо. Рабочие мелких предприятий и верхушки профсоюзов были под доминирующим влиянием меньшевиков и вообще социал-мещанства. Так называемое „бюро красных профсоюзов", которое организовалось накануне учредительного с'езда советов, издавало профессиональную газету большевистского направления („Крымский Рабочий").

Не говоря о буржуазии, и вся мещанская обывательщина была настроена к советской власти весьма враждебно. Эта злоба подогревалась частыми массовыми обысками и из'ятиями, производимыми революционными отрядами. И надо признать, что одной из крупнейших ошибок в политике Тав.ЦИК'а в лице, главным образом, его председателя было то, что он разрешал отрядам производить самостоятельно (по усмотрению штабов) и помимо контроля судебных органов обыски, массовые из'ятия ценностей, что влекло за собой разложение в этих слабо дисциплинированных отрядах и озлобление среди населения.

В частности, необходимо упомянуть о стоявшем в Симферополе черноморском отряде Шмакова, который, занимаясь „экспроприацией буржуазии" в течение пяти-шести недель, совершенно разложился и стал опасной угрозой самому Тав.ЦИК'у. Тут Тав.ЦИК увидел, что в Симферополе нет в его распоряжении

*) Дней через десять после первого организационного заседания ТавЦИК'а сейчас по выздоровлении т. Миллера я вернулся в Севастополь, где руководил сначала областным в.-р. комитетом, потом военно-морским комиссариатом. *Ю. Г.*

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Цѣна № 20 коп.
На ст. ж. д. 22 к.

ПРИБОЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Органъ Крымскаго Союза Р. С.-Д. Р. П. (объединенной)

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА

Тарифъ объявленій

НОВОСТИ ДНЯ:

Германскій посланникъ угрожаетъ большевикамъ.
Въ Германіи возстало 20 000 солдатъ.
Разстрѣлъ большевиками польскихъ солдатъ среди разстрѣлянныхъ с.-д. интернаціоналисты.
Насилія большевиковъ надъ рабочими.
Голодъ въ арміи.
Открытіе сессіи Совѣта народныхъ представителей.
Въ Ѳеодосіи 4 убитыхъ и 15 раненыхъ. Эскадронцевъ 4 убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.
На югъ движется изъ Александровска отрядъ красногвардейцевъ.
Сегодня въ номерѣ статья КАРЛА КАУТСКАГО «Возстаніе большевиковъ».

№ 115. СИМФЕРОПОЛЬ. СУББОТА, 6-го января 1918 г. № 115.

Театральныя объявленія см. на 4-ой страницѣ.

Обманъ.

Итакъ, мирная конференція остались въ Брестъ-Литовской крѣпости, главной квартирѣ непріятельской арміи. Кикъ не разыгрывали представители правительства народныхъ комиссаровъ непреклонныхъ политическихъ дѣятелей, имъ пришлось склонить свои головы передъ ... Германіи и Австро-Венгріи, съ другой послѣ заключенія мира".

Протоколы этихъ „двухъ офиціальныхъ засѣданій", которыя произошли во время достигнутаго перерыва мирныхъ переговоровъ, и въ которыхъ, очевидно разсматривались ус- ...

... революціонерахъ спекулируютъ на темнотѣ обманутыхъ ими массъ, соединяются съ реакціонерами, капиталистами и генералами Германіи, и создаютъ въ Россіи всѣ благопріятныя условія для контрреволюціи. Но имъ, соглашателямъ и провозвѣстникамъ контрреволюціи, говорятъ объ интересахъ пролетаріата и революціи!

Телеграммы

За Учредительное Собраніе.

Голодъ въ ...

Отъѣздъ иностранцевъ.

„ПРИБОЙ".

Орган Крымского Союза РСДРП (об'единенной).

С августа 17-го года и, приблизительно, до марта 18 г. «Прибой» издавался в Симферополе. Приводимая здесь передовая «Прибоя»—«Обман»—показывает, в каком свете эта газета социал-демократов раз'ясняла массам смысл Октябрьской Революции, Брестского договора и деятельность коммунистов.

В апреле 18 г. издание «Прибоя» было перенесено в Севастополь. Восторженное отношение к изгнанию из Крыма «захватчиков-большевиков» и общая политическая линия дали «Прибою» возможность выходить и при германо-гайдамаках. Советская власть прихода 19 года, однако, не прикрыла «Прибоя». Прекратил он свое существование только при Врангеле в мае 20-го года.

такой реальной силы, которая могла бы укротить „опасного друга“, и принужден был обратиться за помощью в Севастополь. Таким образом, Тав.ЦИК ровял свой авторитет, и это создало атмосферу некоторого недоверия к губернскому центру, особенно со стороны севастопольцев.

Но были и положительные стороны в работе первого Тав.ЦИК'а. Здесь укажу только на один из основных положительных моментов. Это продовольственная политика. ТавЦИК, согласно постановлению чрезвычайного с'езда ревкомов, твердой рукой выкачивал хлеб у зажиточной части деревни, имевшей большие запасы, и перебрасывал его в голодные промышленные центры. Более трех с половиной миллионов пудов хлебопродуктов было отправлено на север из Таврической губернии в сравнительно короткий, трехмесячный период существования совласти в Таврии (половина января—половина апреля 18 года), и это количество продпродуктов, конечно, составило сравнительно большую величину в продовольственном балансе петроградского и московского промышленных районов в начальный, самый тяжелый период существования рабоче-крестьянской республики.

Но пролетариат Таврии оказал существенную помощь пролетариату остальной России в его борьбе за власть не только хлебом, но и революционным оружием. Роль организатора и руководителя вооруженными силами, согласно постановлению чрезвычайного с'езда военно-рев. комитетов, осталась за пролетарским Севастополем.

5. Роль Севастополя.

В работе революционных органов Севастополя попрежнему доминировали революционно-стратегические задачи. До половины марта здесь руководящую роль играл областной военно-революционный комитет, потом он был преобразован в военно-морской комиссариат (совет пяти).

В конце января внимание СВРК было обращено на Дон, Украину и на Кавказ. На первом месте стоял донской фронт, где отряды красной гвардии и моряки Балтийского флота, возглавляемые народным комиссаром тов. Антоновым-Овсеенко, готовили наступление на генерала Каледина.

Уже 22 января, т. е. немедленно после своей реорганизации, севастопольский областной военно-революционный комитет выпустил краткое воззвание, в котором, определив свою основную

задачу (организация и руководство борьбой с контр-революцией),—он кончает призывом на борьбу с „главным оплотом контр-революции—ордами генерала Каледина".

... «Мы уже имеем успех,—говорит воззвание,—контр-революционное выступление крымских татар, руководимых белым офицерством и возглавляемое буржуазией Крыма, раздавлено. Все центры Крыма в наших руках, совет народных представителей в Симферополе, а с ними и татарский парламент или Курултай—распущены. Везде на местах власть находится в руках советов, имея исполнительными органами свои военно-революционные комитеты. Однако, наши задачи еще не разрешены, наша цель еще не достигнута. Мы должны взять и сильнейшую крепость контр революции, мы должны задавить орды Каледина. На Дон! Скорее на Дон! Вот одно желание, которым горят наши революционные войска. Надо раздавить эту гидру контр-революции. Мы уничтожим этот последний оплот буржуазии. Вперед! Скорее вперед!».

Уже в январе был отправлен на донской фронт первый черноморский революционный отряд,—лучший отряд, находившийся в распоряжении севастопольского обл. в.-р. комитета. Во главе отряда стоял моряк т. Мокроусов. Отряд состоял приблизительно из 2.000 человек, главным образом, моряков Чернофлота; отряд имел артиллерию и бронепоезд, специально оборудованный на севастопольском портовом заводе.

Первый черноморский революционный отряд храбро дрался с бандами Каледина под Зверевым, ст. Александро-Грушевской и Новочеркасском и зарекомендавал себя одной из лучших частей в армии тов. Антонова.

Вслед за первым черноморским революционным отрядом, по предложению тов. Антонова, на Дон был переброшен десантный отряд, который под командованием т. Кассесимова высадился в районе Таганрога и участвовал в наступлении на Ростов.

В тот же период небольшие отряды перебрасывались на Украину против гайдамаков. Отряд тов. Лященко разгромил в Бердянске белогвардейцев, которые несколько дней держали в своих руках город и бесчинствовали.

Помощь пролетариату Северного Кавказа, который тогда отражал наступление генералов Корнилова и Филимонова, заключалась, главным образом, в отправке оружия из громадных запасов со складов Сухарной балки; так, например, Новороссийск, когда он был под ударом банд генерала Корнилова, получил от нас около 10.000 винтовок и десяти пулеметов, и городу Темрюку в помощь против Филимонова была отправлена батарея и около 2.000 винтовок.

Чтобы пополнить свои склады оружием, в.-р. комитет и Центрофлот послали несколько пароходов в Трапезунд, где находилась главная база Кавфронта, и оттуда было вывезено большое количество винтовок, пулеметов, патронов, грузовых машин и другого рода военное имущество.

Но грузинские социал-демократы предприняли провокационную попытку захвата наших судов, шедших с оружием из Трапезунда; наша флотилия открыла артиллерийский огонь и некоторое время держала в своих руках Батум.

6. Приезд т. Раковского и помощь румынскому фронту.

В последних числах января приехала в Севастополь комиссия по румынским делам в составе т.т. Раковского, председателя комиссии, и членов: Куля, моряка Железнякова и Спиро (последний—левый эсер). Совет Народных Комиссаров поручил этой комиссии организовать отпор наглому выступлению румынского буржуазного правительства, начавшему наступление в целях захвата Бессарабии и Одессы.

Комиссия по румынским делам избрала базой Севастополь. Чтобы заинтересовать моряков и рабочих румынскими делами, тов. Раковский 29 января выступил с большой речью в севастопольском совете. Нарисовав яркую картину предательского поведения румынского дворянского правительства, тов. Раковский обратился к морякам и рабочим с призывом выступить на помощь румынскому народу в борьбе со своим дворянско-генеральским правительством. Выступление т. Раковского сильно подняло революционный дух экспансивных моряков. Когда он, кончая свою речь, сказал: „Позволите ли вы, храбрые моряки, чтобы эти гнусные генералы Румынии, пользуясь разрухой в России, выступили против русской революции?"—в зале раздались сотни возмущенных голосов: „Не позволим, не позволим!"

После доклада была принята единодушно резолюция, выражавшая чувства братской солидарности румынскому пролетариату и его вождю т. Раковскому, и была заверена готовность севастопольского пролетариата и моряков Чернофлота всеми силами поддержать Российское рабоче-крестьянское правительство в его борьбе с румынскими захватчиками, стремящимися удушить пролетарскую революцию штыками малосознательных румынских солдат.

Военно-революционный комитет напряг все силы, чтобы организовать существенную помощь Румынскому фронту. В Одессу

была отправлена целая флотилия, состоящая из крейсеров, миноносцев, транспортов и другого рода мелких боевых единиц; было отправлено также довольно большое количество оружия для организации в прифронтовой полосе сухопутных войск*).

Но сформирование новых полков для Румынского фронта в Севастополе и других городах Крыма подвигалось очень туго, несмотря на усилия в.-р. комитета.

Причин тому было несколько: во-первых, самые активные, самые революционные моряки и рабочие ушли на Дон и Украину с отрядами Мокроусова, Кассесимова и других; во-вторых, те отряды, которые после очищения крымских городов от белогвардейщины оставались на некоторое время в этих городах для охраны революционного порядка, довольно быстро разложились и потеряли всякую ценность, как боевые единицы.

Севастопольский в.-р. комитет боролся решительными мерами против элементов разложения. Но в этой области ему немало мешали некоторые члены командного состава отрядов, которые подпали под влияние своих разлагающихся частей, а также некоторые видные совпартработники.

7. Варфоломеевская ночь в Севастополе.

Необходимо подробнее остановиться на одном событии, приведшем в содрогание буржуазию. Как народная молва, так и активные участники этого события прозвали его Варфоломеевской ночью.

Что такое Варфоломеевская ночь в Севастополе? В каких формах она проявилась?

На об'единенном заседании севастопольсвого совета, Центрофлота и представителей судовых и береговых комитетов от 26-го февраля по вопросу о севастопольских событиях 22-24 февраля официальный докладчик исполкома тов. Алексакис нарисовал

*) Интересен декрет, утвержденный 19 февраля 1918 г. вторым Черноморским с'ездом по этому поводу. Вот его текст: „Центральный комитет Черноморского флота, обсудив факт состояния войны между Российской республикой советов и буржуазным контр-революционным правительством Румынии, постановил: в виду того, что Российская республика советов находится в состоянии войны исключительно с буржуазным румынским правительством, а не с румынским народом, все румынские корабли как военные, так и коммерческие, находящиеся во всех портах Черного моря, считать конфискованными.

Центральный комитет Чернофлота со дня издания настоящего декрета передает все вышеуказанные суда в распоряжение Автономной Верховной Румынской коллегии для оказания помощи румынскому революционному движению и для передачи их румынскому временному революционному правительству, как только таковое будет составлено“. — *Ю. Г.*

следующую картину (см. „Известия Севастопольского Совета“ от 28 февраля 1918 г.).

В связи с немецким наступлением некоторые элементы в городе снова начали выступать против Советской власти. Это, очевидно, вызвало возбуждение среди товарищей матросов. По этому поводу на линейном крейсере «Борец за свободу» было созвано собрание представителей судовых комитетов, где и решено было не терять много слов и перейти к делу, т. е. заставить буржуазию снова опустить голову, которую она подняла под влиянием немецких успехов. Намечен был ряд действий вплоть до поголовного истребления буржуазии.

Исполнительный комитет совета военных и рабочих депутатов ничего об этом не знал. Исполнительному комитету сообщили, что на Графской пристани творится что-то неладное,—там собрались вооруженные матросы, которые никаких уговоров слушать не хотят, говоря, что время митингов прошло. Матросы разбрелись на отдельные отряды, которые решили действовать каждый за свой риск и страх. Исполнительный комитет хотел остановить это выступление и послал туда своих двух членов— т.т. Пожарова и Алексакиса, заставших отряды в сильно возбужденном состоянии. Среди собравшихся матросов слышались возгласы: «Нужно вырезать всю буржуазию в Севастополе»...

Аресты начались с 2—3-х часов ночи. Удалось провести организацию сортировочного комитета, который отделял одних арестованных направо, других налево. Все-же в ту ночь с 22 на 23 февраля было убито не менее 250 человек.

На том же заседании председатель севастопольского исполкома т. Пожаров дополнил вызсказанное т. Алексакисом, указывая, что когда к нему в комитет явились делегаты от вооруженного отряда и сказали, что их товарищи решили вырезать всех буржуев, он им ответил, что исполнительный комитет их не вызывал, что их спровоцировали и что такое явление недопустимо; в заключение он сам поехал к отряду.

«Я уговаривал товарищей матросов, указывая, что они задумали плохое дело. Такое выступление ничем не оправдывается и послужит не в защиту совета, а подорвет его власть и. т. д., но с ними говорить было трудно, так как они слушали постановление собрания на «Борце»; они нас не послушали и пошли. Тогда мы решили обратиться за помощью к здоровым элементам матросов, и это нам отчасти удалось, но грабежей и мародерства остановить не удалось. Словом, в своем заступничестве матросы оказали нам медвежью услугу».

Такова картина событий в Севастополе 22-24 февраля. Здесь для полноты картины необходимо добавить, что моряки в ночь с 21 на 22 февраля начали работу по очищению Севастополя от контр-революционного элемента; из тюрьмы ими было взято и расстреляно более 70 человек, обвиняемых в контр революции, в том числе первый председатель Курлутая и председатель

первого кабинета министров Крымского татарского правительства—Челебиев.

Из Севастополя эпидемия стихийного массового террора перебросилась в Симферополь, где в ночь с 23 на 24 февраля отрядом Шмакова было расстреляно около 170 человек офицеров и буржуев, и потом небольшими отголосками прозвучала и в других городах Крыма. Всего от стихийного террора погибло в феврале около 600 человек.

Кого же расстреливали моряки в эти тревожные дни, когда над всей Россией громко раздался голос Совнаркома, об'явивший, что „социалистическое отечество в опасности"*), что оно находится под ударом германского империализма, начавшего наступление на революционную Россию, что угрожает и внутренняя контр-революция, поднявшая голову в расчете на панику, порожденную в малосознательных массах наступлением германских полчищ?

В первую очередь они расстреливали лиц, заключенных революционными трибуналами в тюрьму и обвиненных в контр-революции и злостной спекуляции, политически неблагонадежных офицеров и, наконец, буржуев-спекулянтов. Во-вторых, лиц буржуазного класса, по преимуществу тех, которые отказались уплатить возложенный на них чрезвычайный революционный налог, так называемую, контрибуцию.

Критическое финансовое положение заставило органы революционной власти прибегнуть к чрезвычайным мерам. Еще 23 января севастопольский областной в.-р. комитет и исполнительный комитет издали декрет о чрезвычайном обложении буржуазии в размере 10 миллионов рублей. От буржуазии требовалось, чтобы она в двухдневный срок (потом срок был продлен) собрала путем самообложения 10 миллионов и внесла их в кассу финотдела исполкома. Сбор этого налога шел очень туго; всего было собрано разного рода ценностями только три с небольшим миллиона. Чтобы усилить пресс выжимания налога, исполком образовал несколько сборочных комиссий, в которых участвовали и более сознательные моряки. Тут последние на опыте убедились, что капиталисты и спекулянты ловко уклоняются от уплаты налога, скрывая ценности и счета своих предприятий, представляя фальшивые документы. Такое поведение буржуазии в момент величайшей опасности, кото-

*) См. приказ совета Народных Комиссаров под заглавием „Социалистическое отечество в опасности", опубликованный в Севастополе накануне Варфоломеевской ночи. *Ю. Г.*

рую переживало пролетарское государство, в момент, когда органы власти не могли уплатить жалованья рабочим, служащим и морякам, в виду тяжелого финансого кризиса, конечно, довело возмущение экспансивной массы моряков до такого состояния, что оно вылилось в стихийное массовое уничтожение злостных неплательщиков.

Это—одна из причин Варфоломеевской ночи; другую, главную причину, отмечает в своем докладе тов. Алексакис; это—выступление против Соввласти контр-революционных элементов в связи с германским наступлением.

Узнав о том, что мирные переговоры сорваны германским правительством, севастопольские меньшевики и эсеры вкупе с белогвардейцами решили, что наступил благоприятный момент для выступления против Соввласти. Ночью на 21 февраля вооруженная группа ворвалась в типографию Неймана, где печаталась „Таврическая Правда“ и отпечатала там от имени меньшевистской и эсеровской партии возмутительное воззвание с призывом выступить против „предателей народа—комиссаров“. В тот-же день на заседании совета впервые после двухмесячного „отсутствия“ появились меньшевистские и эсеровские лидеры (Канторович, Риш, Бируля и другие) и при обсуждении текущего момента в связи с опубликованием приказа Совнаркома РСФСР „Социалистическое отечество в опасности“—своими демагогическими речами и издевательством над принципами пролетарской революции довели матросскую массу до белого каления. В результате стихийное выступление приблизительно 3.000 моряков под лозунгом: „Смерть контр-революции и буржуям!“ и „Да здравствует Социалистическая Революция!“.

Севастопольский партийный комитет и исполком, застигнутые этим стихийным выступлением моряков врасплох, только к 24 февраля смогли решительными мерами ввести жизнь в нормальное русло*).

---

*) Необходимо отметить, что в моменв взрыва самые авторитетиые работвики не находились в Севастополе. Тов. Островская уехала в Москву в конце декабря и не вернулась. Тов. Спиро (в это время весьма популярный среди моряков) находился в Александровске. Я находился в Симферопольском округе, в Сарабузе, и сообщенне о „Варфоломеевской ночи“ получил только 23 февраля вечером. Я сейчас же ночью приехал и предложил исполкому созвать об'единенное заседание советов и представителей судовых команд и береговых частей, которое и состоялось 26 февраля. Это заседание весьма интересно с точки зрения изучения психологии масс в момент революционного потрясения. Моряки, после горячих выступлений ряда ораторов, убедившись, что

24-го февраля на заседании совета после выступления представителей парткома и военно-рев. комитета, осуждавших самосуды, было принято и опубликовано следующее постановление:

«Исполнительный комитет, дабы пресечь в корне все грабежи и насилия, постановил: 1) воспретить всякие самовольные обыски и аресты привлечением виновных к суду рев. трибунала, который должен налагать самые суровые наказания, 2) никаких самосудов не должно быть, 3) воспрещается во всякое время дня и ночи появление на улицах вооруженных отрядов и отдельных лиц, кроме патруля, 4) всем гражданам воспрещается появляться на улицах после 11 часов вечера, 5) всякие аресты будут производиться в присутствии члена исполнительного комитета.

Настоящее свое постановление исполнительный комитет решил твердо провести в жизнь и вполне уверен, что все революционные моряки и рабочие г. Севастополя в этом его поддержат всеми своими моральными, а, если потребуется, и вооруженными силами.

Исполнительный комитет совета военных и рабочих депутатов».

Самосуды прекратились.

Они внесли сильное разложение в ряды моряков и революционных отрядов, вызвали возмущение среди широких масс рабочих и сильно подорвали авторитет революционных органов власти.

Этой отрицательной стороны стихийного выступления матросских масс никто не отрицает. Но рассматривать эти события мы должны под углом зрения тогдашней тяжелой обстановки, когда тревожный лозунг—„социалистическое отечество в опасности"—вонзался в сердце каждого революционного борца—моряка, рабочего и крестьянина—и призывал к действию, к решительному выступлению против врага, притаившегося в подполье и ждущего благоприятного момента для нанесения удара пролетарской революции.

Ю. Гавен.

самосуды не укрепляют, а позорят революцию, чистосердечно признались, что они были введены в заблуждение. Врезалось в память выступление одного моряка, который, со слезами на глазах, дрожащим голосом заявил:—Мы виноваты, но клянусь честным словом моряка, что, когда я бросал в море офицеров и спекулятов, я думал, что делаю хорошее дело. И мои товарищи, которые принимали участие в расстрелах, думали, что они поступают, как честные революционеры. Судите вас всех—или никого не судите. Мы все одинаково виноваты.

И собрание единодушно клялось в том, что впредь самосудов не будет.

Ю. Г.

Первый период советской власти в Крыму.

Советская власть в Крыму просуществовала в 1918 году с 13-го января по 21-ое апреля, когда центральные органы Тавриды были эвакуированы из Симферополя и город был занят немецкими и украинскими частями. Севастополь еще продержался до 1 мая.

За это время советская власть пережила в Крыму два этапа развития: период ревкомов до 10-го марта и период Республики Тавриды с 10-го марта по 22-е апреля. Ревкомы в этот период были выборными организациями довольно аморфной конструкции: в состав их входили и большевики, и меньшевики, и эс-эры. Этот период в Крыму был использован нами для организации аппаратов советской власти во всех городах и уездах и подготовки с'езда советов Таврической губернии. Работа в Крыму обнимала также три северных уезда бывшей Таврической губернии: Мелитопольский, Днепровский и Бердянский.

В последних числах января был созван в Севастополе чрезвычайный с'езд представителей ревкомов и советов всей Таврической губернии, который избрал центральный орган, названный —„Центральный Исполнительный Комитет Советов". Туда входили товарищи: Миллер, Гавен, Тарвацкий, Фирдевс, Новосельский, Коляденко, Лазарев, Семенов, Гоголашвили; из них первые семь—большевики, а два последних—левые эс-эры.

Нужно заметить, что в этот период не существовало точно разграниченного понятия „ревком", „совет" и „исполком": многие ревкомы назывались советами, исполкомами и наоборот. Достаточно указать на то обстоятельство, что избранная чрезвычайным с'ездом совета девятка была названа ЦИК'ом, тогда как по существу эта девятка была областным ревкомом.

Главная социальная опора Соввласти в Крыму находилась в Севастополе и Симферополе, и работа была сосредоточена вокруг этих городов. Председатель областного ревкома был в то же время председателем симферопольского гор. совета.

Советы в 18-м году были настоящими источниками власти; это положение они утратили впоследствии.

Большевистская организация как по количеству, так и по качеству была небольшая и слабая, но имела она на рабочие массы исключительное влияние, граничащее с пламенным энтузиазмом. Количество ответственных работников, подготовленных к

административной или партийной работе членов партии было крайне ограничено. В Симферополе вся работа ложилась на плечи узкого круга ответственных работников, каковыми были тогда тов. Миллер, Тарвацкий, Новосельский, Фирдевс, Новосельская, Шаталов. Позже круг ответственных работников расширили прибывшие из Севастополя, Одессы и других городов товарищи: Слуцкий, Куль, Рымша и другие.

Сама симферопольская организация насчитывала максимум до 200 человек. Общие собрания никогда больше этого числа членов партии не привлекали. Самая мощная ячейка находилась на заводе „Анатра“ и на железной дороге. Вообще завод „Анатра“ в 18-ом году сыграл крупную роль в большевистском движении, превратившись в период подполья в социальную базу большевиков в Симферополе. Были ячейки и в других профсоюзных организациях, как, например, в союзе „иглы“, „деревообделочников“, но их было мало и они были крайне слабы.

Работа среди национальных меньшинств почти отсутствовала. Большевиков из национальных меньшинств было крайне мало: чуть ли во всем Крыму было всего в организации один татарин, пишущий эти строки. Работа партийных комитетов не была дифференцирована. Не было современных агитпропов, оргинстров и других отделов по отраслям партийной работы.

Вооруженную силу советской власти составляли партизанские отряды, весьма немногочисленные, пестрые и текучие по составу. В Симферополе стоял Черноморский отряд, прибывший из Севастополя во главе с начальником отряда Шпаковым.

Эти отряды очень быстро разлагались, как только простаивали на одном месте некоторое время без боя; так случилось и с Черноморским отрядом, который быстро разложился по занятии города Симферополя и чуть было не сыграл контр-революционную роль*).

Дело в том, что отряду было предложено выступить на фронт, кажется, на Одесский. Отряд же не хотел покидать Симферополя; он не желал даже вернуться в Севастополь. Расположившись в Европейской гостинице, отряд усиленно занялся неор-

*) В разложении отряда был виноват отчасти и ТавЦИК, который, с одной стороны, не учел вредного влияния на отряд факта расположения его в Европейской гостинице и разрешения самостоятельных обысков и из'ятий— и с другой—дважды отменял данный военно-морским комиссаром т. Гавеном приказ о немедленном выступлении отряда в Севастополь для направления его на румынский фронт.

Примеч. редакции.

ганизованными обысками, взиманием контрибуции, из'ятием ценностей и товаров в магазинах и домах и, конечно, повальным пьянством. Политработы в отряде не велось никакой. Предписание выехать в Севастополь для выступления на фронт было неожиданным и неподготовленным, и вот начинается брожение, которым пользуются некоторые подозрительные элементы, стоящие во главе его, и возникает план захвата советской власти в Симферополе и в Крыму путем овладения симферопольским советом, поставив во главе его начальника отряда Шмакова.

Не помню точной даты, но свежо в памяти то ужасное и необычайное заседание симферопольского совета, когда должен был произойти первый удар этого заговора. Заседание было назначено, кажется, на десять часов утра. Уже рано утром Черноморский отряд оцепил Пушкинскую улицу, начиная от Европейской гостиницы, до Гоголевской улицы. Заседание совета было назначено в здании бывшего Дворянского театра. Никого не пропускали по смежным улицам. Все выходы и входы театра были заняты также вооруженной силой. Таким образом, весь совет был в состоянии неоформленного еще арестом пленения. На сцену, где сидел президиум в составе тов. Миллера, Тарвацкого и других, были введены вооруженные партизаны в числе 10-12 человек. В течение всего продолжительного заседания совета до шести-семи часов вечера они угрожали тов. Миллеру взять его „на мушку", как они выражались, при чем они вызывающе щелкали затворами и наводили курки на него во время самого заседания. Очевидно, решено было спровоцировать совет на столкновение. Этого им не удалось. Отряду не удалось также заставить путем перевыборов избрать Шмакова председателем совета. Заговорщики почему то заколебались и не решились применить оружие. Эта первая попытка переворота была сорвана. После были еще одна-две попытки со стороны отряда навязать Шмакова (между прочим, большевика) председателем симферопольского совета и однажды это удалось сделать на одном из заседаний. Однако же, отряд должен был выступить в путь, получив категорический и угрожающий приказ из Севастополя.

Этот отряд впоследствии был направлен на Одесский фронт, где он целиком погиб, попав под обстрел с двух сторон. Насколько

мне помнится, спаслось только 15 человек, бежавших с фронта, в том числе и Шмаков*).

Одной из существенных забот Совласти в этот период было изыскание финансов путем наложения контрибуции на буржуазию. Дензнаки из Москвы поступали крайне слабо или совсем не поступали. Это была совсем нелегкая работа. Нужна была жестокая твердость для достижения хотя бы и незначительных результатов. Некоторые буржуа не хотели по принципиальным соображениям платить контрибуцию даже под страхом расстрела. Так, например, был арестован один татарин Абдураман Меметов Аю-Кулак (Медвежьи уши). На него была наложена контрибуция в 15 тысяч. Он отказывался категорически внести какую бы то ни было сумму. Арестованный, он продолжал вызывающе говорить: „Я этим паршивцам не дам ни копейки!" Родственники и знакомые его собрали 8 тысяч и внесли за него. Оставалось еще внести семь тысяч. Тем не менее, он не только не хотел внести остальной суммы, но даже выругал своих родственников при свидетелях за то, что они внесли за него 8 тысяч рублей.

При таком упорстве буржуазии в отдельных случаях приходилось применять крайние репрессии. Так, например, однажды все неаккуратные плательщики контрибуции были собраны в театре и им было об'явлено, что они все арестованы и будут выпущены только при условии внесения причитающейся с них контрибуции. Этот метод дал реальный эффект. В Симферополе по взысканию контрибуции и из'ятию ценностей у буржуазии работала комиссия в составе т.т. Чистякова, Акимочкина и Корецкого.

В первых числах марта был созван первый с'езд советов Таврической губернии. Насколько мне помнится, с'ехалось до 700 человек делегатов. Представлены были также Мелитопольский, Днепровский и Бердянский уезды. Татар на с'езде участвовало до 120 человек, несмотря на то, что советская власть установилась в Крыму недавно, после борьбы с Курултаем, и мы своей работой еще не проникли в крымскую деревню. Это еще раз показывает, насколько Курултай был мало популярен среди крестьянских татарских масс.

---

*) Большинство отряда, разбитое немцами, сражалось под руководством т.т. Лященко и Зедива, при чем первый геройски погиб в бою. Что касается Шмакова, то по возвращении в Крым он был по приказу т. Гавена арестован и посажен в симферопольскую тюрьму, откуда бежал во время занятия города немцами.

Примеч. редакции.

Во главе организационной комиссии по созыву с'езда стоял тов. Коробцов, лев. эс-эр, ныне коммунист. Самыми важными вопросами на с'езде был вопрос об отношении к Брестскому договору, об'явление Крыма без трех северных уездов Таврической губернии, отходящих к Украине, согласно Брестского договора, Республикой Тавриды, сконструирование ЦИК'а и организация Совнаркома.

В это время советская власть в Москве уже подписала Брестский договор, и это было началом разногласия с левыми эс-эрами; с другой стороны, не все большевики крымской организации стояли на официальной точке зрения по этому вопросу. Рабочие и крестьянские массы тем более не были подготовлены к правильному пониманию этого договора. Нужно было во что бы то ни стало завоевать решительное большинство на с'езде. Сила большевиков и эс-эров сравнительно с огромным общим составом с'езда была крайне слаба.

С первых дней началась борьба с левыми эс-эрами за большинство на с'езде. Эта борьба велась прямо при регистрации делегатов, которых во время заполнения анкет относили, как сочувствующих, то к большевикам, то к левым эс-эрам. Мне удалось все 120 человек татар убедить подать голоса за большевиков при голосовании резолюций. Это было достигнуто путем выделения татарской фракции, которую приходилось подготовлять заранее к вопросам, стоящим на повестке дня.

С левыми эс-эрами и меньшевиками пришлось из-за татар выдержать большую борьбу. Помню, как левые эс-эры послали к татарам какого то студента, казанского татарина, и тов. Гоголашвили, которых татары не знали. Большевики все же овладели на с'езде большинством в 450 человек из 700, а по отдельным вопросам они собирали большее количество голосов.

Левые эс-эры были, конечно, против подписания Брестского мира. Но с'езд их не поддоржал, став на нашу точку зрения.

Левые эс-эры также были и против выделения республики Тавриды. В этом вопросе они также провалились. Таким образом, обладание решительным большинством с'езда дало нам возможность провести все вопросы под своим углом зрения.

Одним из больных вопросов был также вопрос о центре будущей республики. Севастопольцы (большевики и левые эс-эры совместно) настаивали решительно на том, чтобы Севастополь был избран республиканским центром, против чего были все делегаты

не-севастопольцы; в осебенности Севастополь, как центр, был не удобен для северных уездов Крыма, а также трех внекрымских уездов.

Несмотря на постановление с'езда советов, севастопольцы после продолжали своим поведением и отношением не признавать Симферополя.

Из-за их упорства военный комиссариат должен был находиться в Севастополе, чем фактически монополизировалась защита и охрана Крыма севастопольцами, и из ведения Совнаркома изымались военные вопросы, что и продолжалось в действительности вплоть до падения Республики Тавриды.

В результате с'езда советов Крым был об'явлен Республикой Тавриды и были избраны областные органы власти. Был составлен ЦИК и Совнарком. В состав ЦИК'а входило 20 чел век, из коих было 12 большевиков и 8 левых эс-эрон. Вот приблизительный список членов ЦИК'а: председатель—Жан Миллер—больш., секретарь—Фирдевс—большевик, двое заместителей председателя, Семенов—левый эс-эр и Белоцерковец—большевик. Дальше—Маринов, член президиума. Члены ЦИК'а: Гавен, Финогенов, Новосельский, Тарвацкий, Коляденко, Новосельская, Пахомов, Шиханович. Левые эс-эры: Быков, Коробцов, Гоголашвили, Акимочкин, Макаров, Корсунь и еще двое, фамилии которых не помню. Совнарком был составлен в лице следующих товарищей: председатель—тов. Слуцкий (он прибыл после с'езда на первое заседапие ЦИК'а и был кооптирован в состав ЦИК'а); наркомвнудел—тов. Новосельский, заместитель его—тов. А. Елагин, наркомпрос—тов. Петренко, заместитель—Новосельская, наркоминдел и наркомнац—Фирдевс, он и заместитель секретаря КрымЦИК'а, наркомпуть—Коробцов, наркомсобес—Макаров, наркомзем—Акимочкин, наркомфин—т. Коляденко, заместитель его—тов. Кузанов (беспартийный), наркомпочтель—Урбанский, паркомтруд—Шиханович; наркомат РКИ не был организован; а вместо ЧК существовала следственная комиссия в составе пяти человек, во главе с Компанийцем, оказавшимся впоследствии провокатором; он был как будто расстреляп в Ейске, как мне об этом сообщил тов. Миллер в Москве при встрече. В состав этой следственной комиссии входил и я до организации Трибунала; впоследствии при организации Трибунала я ушел из ЧК, поставив вопрос о снятии Компанийца из ЧК по подозрению его в том, что он бывший жандармский офицер, что и оправдалось потом. Во главе Трибупала стоял тов. Шаталов. Совнархоз не

был организован вначале. Во главе наркомпрода стоял т. Столяр, впоследствии т. Федосеев.

Главной работой СНК в последнее время было создание органов власти. Это была очень трудная задача по тем временам, когда в Крым не попадали ни центральные газеты, ни журналы, ни декреты, ни инструкции, ни положения. Нужно было почти всю организационную структуру Соввласти создавать ощупью в порядке местного творчества и инициативы.

Крайне медленно, осторожно был создан комиссариат по мусульманским делам в Симферополе. Предполагалось создание отделов и в уездах. Организовался комиссариат по армянским и польским делам. Во главе польского комиссариата стоял весьма солидный старый коммунист т. Бурхарт.

Второй важнейшей заботой СНК была защита и оборона Крыма. Дело в том, что в скором времени после 10-го марта, после об'явления Крыма Республикой Тавриды, немцы, несмотря на подписание Брестского мира, стали очень успешно и с чрезвычайной быстротой продвигаться вглубь Советской Украинской Республики. С этого момента и над Республикой Тавриды повис Дамоклов меч и нужно было ожидать падения Соввласти и в Крыму.

По этому вопросу в ОК и СНК не было единой точки зрения. Я, тов. Миллер и Тарвацкий легко допускали возможность занятия Крыма немцами и отсюда делали соответствующие выводы, ставя вопрос о правильно-организованной и своевременно подготовленной эвакуации. Тов. Новосельский, Слуцкий и некоторые другие товарищи говорили: „немцы подавятся и тем, что захватили, и не смогут добраться до Крыма“. Отсюда делались выводы о перенесении центра тяжести работы на организационное укрепление Соввласти.

Благодаря последней точке зрения, которая была еще подкреплена весьма популярной в то время лево-эсеровской позицией— воевать до последней капли крови, эвакуация Крыма не была подготовлена. Многим думалось, что немцы или сами остановятся, или их остановят, или, наконец, их армия разложится, пока она докатится до Крыма. Все эти предположения оказались неправильными. Немцы до Крыма все-таки дошли с головокружительной быстротой. Мы не подготовились к правильной эвакуации, тем более, что при известии о приближении немцев здесь начались внутренние осложнения.

Осложнения эти носили характер внутреннего развала Совввласти. Первым зашатался Севастополь—эта социальная база Соввласти. Там произошли перевыборы совета, и большевики потерпели на выборах поражение, в результате чего совет и исполком очутились в руках меньшевиков и правых эс-эров. Новый исполком в своем первом заседании наложил арест на суммы, предназначенные для уплаты жалованья красноармейцам, находящимся на Перекопе, и постановил их выдать, как дополнительную плату, рабочим.

Не успели покончить с этой бедой, как то же самое произошло в Евпатории. В Симферополе стала сильно проявлять себя антисемитская агитация. Произошли волнения на почве продовольственного вопроса и погромной агитации. Во время этих волнений был убит продкомиссар тов. Глазов.

Но все это было меньшим испытанием сравнительно с тем, что произошло в рядах армии. Под влиянием антисемитской агитации и паники в виду наступления немцев предназначенные для защиты Перекопа части тоже стали проявлять признаки разложения. Частям симферопольского гарнизона было предложено отправиться на фронт, а начальнику их тов. Хацько было приказано заняться дальнейшим формированием новых частей. Придравшись к тому, что Хацько остается в Симферополе, а не едет на фронт, темные элементы, работавшие подпольно, убили тов. Хацько в то время, когда он сидел в одном из номеров гостиницы „Россия" по Екатерининской улице. Назначенное следствие установило виновных в числе 72 человек.

Из них пятеро были признаны главными виновниками убийства тов. Хацько. Было постановлено их расстрелять. Выполнение приговора было возложено на тов. Мурзака, коменданта города. Он был вызван тов. Миллером, который ему дал выписку из протокола заседания за подлинными подписями и инструкцию о проведении расстрела. Мурзак не исполнил поручения. Все эти обстоятельства стали известны отправившемуся на фронт отряду, и в нем началось после этого брожение. Отряд целиком снимается с фронта, возвращается в Симферополь и, остановившись в 3—5 верстах от города, посылает делегатов в Совнарком с изложением причин своего возвращения и программы предстоящих его операций в городе. Они сводились в общих чертах к следующему: во-первых, они требовали наказания тех, кто постановил расстрелять убийц Хацько, во-вторых, передачи на полную милость отряду

Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ)

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

ТАВРИЧЕСКАЯ ПРАВДА

Органъ Таврическаго Губернскаго Комитета Р. К. П. (большевиковъ.)

РЕДАКЦІЯ.

Пріемъ по дѣламъ редакціи ежедневно съ 11 час. утра до 1 часу дня.

Адресъ редакціи Екатерининская № 3, тел. № 65

Условія подписки.

Въ Севастополѣ . . . . 4 руб. въ мѣсяцъ

Въ Провинціи . . . . 4 р. 50 к. „

Адресъ конторы Екатерининская № 3, № тел. 65

№ 52 Ежедневная газета Четвергъ, 11-го (29) Апрѣля 1918 г. № 52

Соглашатели и революція.

II.

Отечество для русскаго рабочаго прежде и теперь.

„Таврическая Правда“.

Орган Таврического Губкома РКП (большевиков). Постановление об издании его было вынесено на первой губерн. конференции большевиков в ноябре 1917 года, но выполнить его организация не имела сил и средств. Первый номер «Таврической Правды» вышел в Севастополе в 20-х числах января 1918 г. В редактировании ее принимали участие т.т. Гавен, В. Басенко, Яковенко и Н. Александрова. Выходила «Таврическая Правда» ежедневно вплоть до падения Севастополя. Последний номер был выпущен 30-го апреля, накануне вступления немцев.

города на три дня; дальше, разоружения еврейского отряда, несшего охрану тюрьмы и некоторых важных пунктов города; выдачи отряду риса, сахара, табака, белья и денег; освобождения арестованных по делу Хацько.

Тов. Миллера не было в Симферополе, он выехал в то время в Москву вместе с видным левым эс-эром Спиро, официально за деньгами, на самом же деле с целью ареста Спиро, уполномоченного ЦК левых эс-эров в Крыму.

В областкоме было решено не уступать ни в одном пункте отряду, которому надлежит под угрозой революционной ответственности его начальников предложить категорически вернуться на фронт; в город отряда не пустить, если бы даже пришлось применить оружие; немедленно же собрать остатки всех вооруженных сил, призвав всех рабочих к защите Соввласти, и открыто разоблачить погромные тенденции отряда.

Пока велись переговоры с уполномоченными отряда, последний успел подступить к городу, очевидно, думая застигнуть нас врасплох. Нами был тогда образован чрезвычайный штаб. Наши части заняли эскадронские казармы и бывший штаб крымских войск, где находятся теперь кавкурсы. По прямому проводу затребованы были силы из Севастополя, откуда выслали с некоторым опозданием два или четыре броневика, во главе с тов. Басенко. Совнарком, ЦИК, ОК, симферопольский совет и все организации перебрались в штаб, покинув Петроградскую гостиницу и перейдя на военное положение. Выделены были товарищи по всем заводам для вооружения рабочих.

В конце концов, отряд вынужден был снова направиться на фронт. Перед от'ездом, проходя мимо тюрьмы, отряд оцепил ее, освободил убийц Хацько и еще много всякого уголовного сброда, которых он взял с собой на фронт.

Контр-революция стала отныне открыто ориентироваться не только на внутренних врагов Соввласти, но и на самую армию, которая призвана была защитить власть. Работа пошла открыто и повсюду. От этого морального удара Советская власть не смогла оправиться больше до самой эвакуации. Хотя после этого инцидента власть продержалась еще недели две с лишним, но прежнее положение было окончательно и безвозвратно утеряно, дела запутались, образовались пробки во всех учреждениях, пошел целый ряд трений и разногласий. Появились на сцене и официальные контрреволюционеры в лице каких то уполномоченных украинской рады,

Открыто пошла агитация во флоте о задержании Черноморского флота в Севастополе и передаче его Украине в случае эвакуации. Во флоте было много украинцев и эта агитация нашла довольно подготовленную почву.

Я помню заседание в Севастополе 18-го апреля в здании морского собрания за три дня до эвакуации; на это заседание выехали тов. Слуцкий, Новосельский и я; даже здесь на официальном собрании моряков открыто выступали сторонники украинской рады. Председателем собрания был тов. Шишко, видный левый эс-эр. До нашего приезда он делал доклад и обрисовал положение, как принято было в Севастополе, в таком духе, что все обстоит благополучно: Перекоп укреплен, как Верден, немцы очень далеко и до Крыма не доберутся, сил много и так далее. Когда же тов. Слуцкий, Новосельский и я в своих выступлениях стали призывать собрание приготовиться к защите Севастополя и Советской власти и немедленно взяться за организацию обороны эвакуации,—собрание было поражено *).

В общем и целом наше выступление встретило довольно теплое отношение, благодаря откровенности в освещении вопросов и отсутствию казенного оптимизма. Результатом нашего выступления было то, что в создавшееся положение была внесена необходимая ясность и люди могли теперь ориентироваться в своих мыслях и чувствах. Желание огромного большинства собрания было—защищаться до последней возможности и отстоять все, что возможно. Был нанесен чувствительный удар украинофильским тенденциям среди моряков, ибо сторонники рады произвели на собрании некоторые выступления, в которых они потерпели поражение.

За несколько дней до эвакуации был убит командующий перекопским фронтом Приклонский, по отзыву знавших его товарищей, один из лучших спецов. Он был убит разложившимися частями на фронте на почве агитации темных элементов. Как я уже указывал выше, эвакуация Крыма не была подготовлена исподволь в связи с тем, что последний месяц советские органы

---

*) Дело обстояло несколько иначе: доклад о благополучном положении на Перекопе делали не севастопольцы, а делегаты, прибывшие с перекопского фронта. Точно также поразил собрание не председатель СНК тов. Слуцкий, якобы призывавший к обороне „беспечный“ Севастополь, а член военно-мор. комиссариата т. Ермолин, огласивший телеграмму о взятии Перекопа и Армянска и отступлении красной армии. Слуцкий же успокаивал собрание, сомневаясь в достоверности телеграммы (Отчет об экстренном собрании моряков в № 157 газеты „Прибой“ от 20 апреля).

Примеч. редакции.

были исключительно заняты тушением внутренних пожаров, возникавших то там, то здесь. Кроме того, отношения с Севастополем были до крайности обострены, это срывало организационную работу и много энергии уходило на улаживание бесконечных конфликтов.

Конечно, Соввласть не могла удержаться в Крыму в 1918 г. после падения Соввласти на Украине. Речь могла итти только о правильной организованной эвакуации, т. е. спасении от пожара того, что можно было спасти. Но и эта задача из-за целого ряда причин была совершенно не разрешена и эвакуация Соввласти из Крыма была во всех отношениях хаотической и привела к катастрофе в виде гибели чуть ли не всего состава совнаркома.

Для эвакуации была избрана комиссия, во главе которой стоял тов. Коробцов; но комиссия была создана слишком поздно чуть ли не 17—18 числа, когда немцы стояли уже у Перекопа.

19-го апреля ночью после занятия немцами Джанкоя на заседании ОК и совнаркома было решено эвакуировать 21-го центральные органы: Совнарком, ЦИК, ОК, Симферопольский совет и прочее. Постановление это разрешало товарищам эвакуироваться, добывая средства передвижения по своему усмотрению. Совнарком должен был эвакуироваться в Новороссийск и там продолжать работу, требуя от немцев точного выполнения Брестского мира.

Сначала было решено Совицкому выехать в Новороссийск через Керчь; я с тремя другими товарищами выехал в Керчь через Феодосию 20 апреля. Потом, оказывается, это решение было отменено и члены Совнаркома, ЦИК'а и ОК направились в Ялту через Кокозы, обходя Севастополь, как было решено на заседании ОК. Из Ялты тов. Слуцкий, Новосельский, Тарвацкий, Коляденко, Акимочкин, Семенов, Финогенов направились на Алушту, думая перебраться в Феодосию и Керчь, но между Биюк-Ламбатом и Алуштой восставшими татарами и остатками крымского драгунского полка была устроена засада; все ехавшие на трех машинах были арестованы и перевезены в Алушту, где и были расстреляны алуштинским татарским национальным комитетом. Погибли т.т. Слуцкий, Новосельский, Тарвацкий, Коляденко и Акимочкин, который умер немного позже в госпитале. Случайно из-под расстрела спасся тов. Финогенов и не смертельно раненый т. Семенов. Тов. Финогенов прибыл потом в Екатеринодар, где находились тогда я, Шиханович, Белоцерковец и Маринов; он нам

рассказал о последних часах наших погибших товарищей. Сам Финогенов был в состоянии полной невменяемости.

При эвакуации Соввласти татары на Южном берегу снова восстали и началась резня между ними и греками, которые, в свою очередь, причинили массу насилий в первые дни установления Соввласти. К тому же спустились с гор бежавшие туда остатки белогвардейцев драгунского полка. Все это смешалось в одно целое и вступило в борьбу с Советской властью при эвакуации.

Наши части, эвакуированные из Севастополя в Ялту, видя такое положение, спустили десант в Алушту и началась форменная война между татарами и уходящей Соввластью. Наши десантные части тогда дошли до самого Мамут-Султана в 12 верстах от Симферополя. Все татарское население Алушты и прилегающего района убежало в горы, леса и в Симферополь.

При таких условиях закончился первый период Соввласти в Крыму.

И. Фирдевс.

Революционная работа в Крыму.

1. Период с 16 августа 1917 г. по 15 января 1918 г.

16 августа 1917 года я приехал в Крым с юго-западного фронта с авиационным отрядом школы летчиков-наблюдателей, как инструктор моторно-механического цеха, в чине нестроевого старшего унтер-офицера. Вел я там работу, как председатель солдатского комитета и председатель подпольной ячейки большевиков; секретарем обоих органов был В. Матвеев, расстрелянный впоследствии деникинцами в 1919 г. на ст. Семь Колодезей.

В ячейке авио-отряда нас было трое: я, Матвеев и Лев Гехтман. По приезде в Евпаторию я был весьма заинтересован узнать, какие имеются в городе политические организации. На другой же день я узнал о здании Пушкинской аудитории. Пройдя туда, я попал на общее собрание совета р., к. и с. депутатов, где я почерпнул все мне необходимое. Я постарался встретиться там с одним из руководящих работников в совете. Это был американский эмигрант Жан Миллер; от него я узнал, что в совете товарищей из партии левого течения сравнительно мало при большом количестве правых: офицерства, духовенства, помещиков и целого ряда их прихвостней.

Первые шаги моей политической работы в Крыму заключались в знакомстве с Жаном Миллером и еще целым рядом других товарищей, как-то: Поплавским, Турецким, В. и А. Елагиными, С. Немичем, с которыми я и вошел в связь. В тот момент совершенно открыто работать нам нельзя было, но везде и повсюду, на массовках и собраниях, мы выдвигали вопросы нашей партии социал-демократов большевиков.

Я был тогда представителем от солдат, пользовался авторитетом и выполнял поэтому возлагаемые на меня задачи успешно. С 10 сентября 1917 года наша работа пошла шире. Наша фракция переселилась из помещения Пушкинской аудитории в здание гостиницы Бейлера, откуда и продолжала действовать. Я оказывал услуги, в частности, по предоставлению передвижных средств. После усиленных работ наша партия стала увеличиваться и качественно улучшаться. Не могу не отметить товарищей, выделяющихся по работе, нашей евпаторийской организации: т.т. Караев, Михайленко, Мася Гриншпун, Демышев, Познанский, из школы воздушного боя — т. Очкин.

Наступила подготовка кампании по выборам в учредительное собрание. Из нашей фракции большевиков были назначены инструкторами по проведению данной кампании в уезде — я и Матвеев. Наша фракция проводила работу по определенным заданиям из Симферополя; нужно было проводить кампанию или хотя бы агитировать за список № 3 (большевиков). Конечно, на местах провести данную работу было очень трудно и рискованно. Например, в Донузлавской волости во время проведения общегражданского собрания 5 ноября раз'яренная толпа, подготовленная контр-революционной агитацией помещиков П. П. Бендебери и Белона, готова была меня и Матвеева растерзать, и только боязнь перед остальной батрацкой массой, находившейся там же, не дала учинить самосуда.

15 ноября 1917 года евпаторийская организация с.-д. большевиков командировала меня в Москву и другие местности Севера с целью ознакомления с положением нашей работы в центре после Октябрьской революции. В это время в Крыму шла борьба за власть и верх одержало автономное краевое правительство Курултая во главе с Челебиевым, полковником Макухиным и другими.

5-го января 1918 года я прибыл из командировки и принялся усиленно за работу. 6 января на общем собрании совета р., к.

и с. депутатов под председательством Жана Миллера был выдвинут вопрос об организации красной гвардии. Открылись весьма бурные прения, и сражение левых с правыми продолжалось до трех часов ночи; все же при голосовании вопрос был провален, так как нас было от фракции большевиков 7 человек, а их, т. е. правого течения, было 142.

7 января 1918 года на общем собрании с.-д. партии большевиков в присутствии 70, приблизительно, членов был поставлен вопрос о моей поездке. Перед концом собрания президиуму было сообщено, что мы будем через 10 минут все подвергнуты аресту; собрание было распущено, и постепенно все члены фракции незаметно покинули зал, выходя через задний ход. Через 15 минут после донесения в зале никого уже не оставалось, кроме регистраторши с малолетней сестрой и сторожа здания. В этот момент все здание гостиницы Бейлер, где проводилось собрание, было окружено кавалерией эскадронцев, до 85 человек. Ворвавшись в помещение, они там никого не нашли, кроме вышеуказанных лиц; при обыске они ничего не обнаружили и обратились к регистраторше с вопросом, где находится список большевиков; та ответила незнанием, передав вместе с тем незаметно список членов фракции своей малолетней сестре, которая и скрылась с ним.

На другой день утром было сделано экстренное заседание президиума нашей фракции, где был поставлен вопрос об организации красной гвардии под руководством наших товарищей. Мы имели в виду захватить власть, после чего создать руководящий орган—военно-революционный штаб. На этом заседании вопрос был решен окончательно, были выдвинуты ответственные товарищи для организации отряда и командования им; эта задача была поручена мне и еще одному товарищу.

Немедленно был составлен отряд из 28 человек, вооруженных разным имеющимся у членов фракции оружием. Через пару дней мы приступили к исполнению задания. С разных сторон одновременно подступая к помещению 6-й береговой батареи, мы ее окружили и разоружили без сопротивления, так как фракция с нею имела связь; забрав необходимое для нас оружие и выставив охрану, мы оттуда направились к первой береговой тяжелой артиллерийской батарее. Проведя и там разоружение и выставив караул, мы двинулись разоружать главный офицерский штаб евпаторийской караульной роты. Выполнение этих задач было для

нас весьма рискованным, но мы надеялись на поддержку Черноморского флота, который по радио обещал подойти на помощь еще 9-го января, но почему то не прибыл, и связь с ним прервалась. При подступе к штабу офицеры оказали нам сопротивление. В то же время на наш тыл напали эскадронцы; мы не были в состоянии сопротивляться и через 15 минут были смяты, разоружены и взяты в плен. Немедленно я и мой помощник были отделены и совершенно изолированы от отряда. Нас провели под усиленным конвоем на дачу Новицкого, где нам хорошо впаяли по офицерским приемам и бросили в пустую комнату, куда ежеминутно приходили офицеры, издеваясь над нами и добиваясь плана нашей работы.

Когда фракция узнала о нашей участи, она срочно поручила члену фракции—председателю исполкома т. Караеву—отправиться разыскать нас и узнать, что с нами сталось. Прибыв в штаб евпаторийской офицерской роты, он обратился с требованием нашего освобождения, но ему дали короткий ответ: до ночи продержали в заключении, а потом, скрутив руки и ноги и притянув их веревкой к голове, живым зарыли в песок на берегу моря.

В ночь на 15 января у золотопогонников была сильная тревога; оказалось, что это было их отступление. Около двух или трех часов ночи нас вывели во двор под конвоем, но последний вскоре исчез, и мы, воспользовавшись всеобщим смятением, незаметно скрылись.

2. Период с 15 января по 30 апреля 1918 г.

В пять часов утра 15 января я прибежал в свою квартиру. По пути я заглянул в гостиницу Бейлера, но там никого не нашел из членов фракции, а на улицах города видел только убегавших офицеров. На рассвете я поспешил к Матвееву на Бакчалык. Выйдя на берег моря, я увидел на горизонте какой-то дымок. Через некоторое время, с восходом солнца, подошли два траллера и начали обстреливать из орудий те пункты города, где находились штабы белогвардейцев. Но было уже поздно. Под грохот орудий быстро сбежались на берег моря члены фракции большевиков и выкинули красный флаг.

Через час подошло военное судно крейсер „Румыния“ под командой комиссара крейсера т. Куликова. С высадившимся десантом мы начали разыскивать оставшихся офицеров. Правительственным органом мы об'явили военно-революционный штаб, во

главе которого были члены президиума нашей фракции. Начальником штаба был В. Матвеев.

Началось вылавливание оставшихся наших врагов: эта работа продолжалась до 17 января.

Старый социал-предательский совет был распущен; был создан новый совет, но немало и туда влезло меньшевистского элемента и других партий мелкой буржуазии. Так мы прожили до последних чисел февраля 1918 года. По образовании военно-революционного штаба создалась красная гвардия—пеший отряд из 120 человек и при нем эскадрон кавалерии в 25 сабель. Все органы власти финансировались из средств, добытых контрибуцией, которая была наложена на буржуазию Евпаторийского уезда.

В средних числах февраля военно-революционным штабом был отправлен первый отряд красной гвардии на Дон против Каледина, а в последних числах февраля был отправлен второй отряд в распоряжение Крымского центра; в отрядах было до 150 человек, но через две недели последний отряд без серьезных причин возвратился обратно. В середине марта, реорганизовав этот отряд, мы отправили его на фронт Перекопского направления. Командиром отряда был назначен С. Немич, помощником Мурзаев, комиссаром Майборода, начштаба отряда—Валькевич. Я же был в тот момент председателем комитета евпаторийского отряда красной гвардии.

Прибыв в Перекоп в распоряжение начальника боевого участка укрепрайона тов. Приклонского и пробыв там безрезультатно неделю, по чьей то инициативе отряд самовольно ушел из-под Перекопа через Симферополь в Евпаторию, несмотря на то, что начальник крымского военно-революционного штаба т. Богданов и председатель севастопольского совета т. Пожаров старались его уговорить.

В Евпатории в это время был организован т. Демышевым союз отпускных и уволенных воинов. Союз достигал численностью до тысячи членов. Исполком поставил себе цель: использовать союз, как вооруженную силу, для охраны города и для общественных работ, так как безработица сильно развивалась. Но в президиум и вообще в союз прошло немало белогвардейского элемента, который настраивал массу союза против нас, призывая ее к свержению власти советов и против военно-революционного комитета. Союз пришлось об'явить распущенным и даже пришлось к неко-

торым членам его применить суровые меры наказания, как, например, к Гончарову, Жижко, Пинцову.

По прибытии отряда в Евпаторию между местными властями и отрядом возникло недоверие. Но все-таки до недоразумений дело не дошло: инцидент ликвидировали Поплавский и приехавшие представители ТавЦИК'а т.т. Турецкий и Финогенов. Через три дня наш отряд был переорганизован по заданиям исполкома и 23 апреля под командованием Майбороды и моим, как комиссара отряда, в количестве 320 человек выступил против нашествия немецко-гайдамацких полчищ.

Мы уже не успели на подступах к Крыму встретить противника, и пришлось укрепиться на железнодорожном полустанке Булганак и станции Альма, где и вели оборону и задерживали наступление противника. Нам пришлось пять суток без всякой помощи с жалким отрядом выдерживать натиск противника. Несмотря на мое поранение, я не выходил из строя и командовал отрядом до 29 апреля. В течение этого времени я потерял немало стойких бойцов из своего отряда; 29 апреля я был сменен с позиции боевого участка Альма, согласно приказа штаба командфронта за подписями Гавена и Шашко. Нас сменил отряд черноморских матросов в числе шестисот человек под командой Василевского. Я же с отрядом был отведен на отдых в г. Бахчисарай, откуда и выступил в тот же день для усмирения татар в район Коуш, Шуры и других селений, согласно приказа командфронта. Я взял в свое подчинение конный отряд Бахчисарая под командой т. Ракитского.

При начале данной операции по ликвидации повстанцев мною было получено донесение от отряда Василевского, что Альма занята противником, а поэтому мне предлагается срочно отступить, иначе я буду отрезан. Я закончил операцию и вернулся на станцию Сюрень, где и погрузился на эшелон по распоряжению командфронта и отбыл в Севастополь. 30 апреля я с отрядом прибыл в Севастополь на Графскую пристань, откуда и погрузился на транспорт „Юпитер“ № 85.

Некоторые отряды уже были погружены; правительственные же учреждения находились на транспорте „Оксюз“. Перед самым вступлением немцев в Севастополь погрузился и черноморский отряд. Не желало эвакуироваться с нами человек 20 кавалеристов моего отряда во главе с командиром отряда т. И. Петриченко, которые,

прощаясь с нами, сказали: „Мы уйдем в подполье и там будем действовать и помогать вам“.

Скоро началась в городе ружейная и пулеметная перестрелка, и суда получили распоряжение отойти на Новороссийск. Северная сторона была уже занята противником, и мы подверглись артиллерийскому обстрелу.

3. Период подпольной работы: 2 дек. 18 г.—28 янв. 1919 г.

2 декабря 1918 года я получил назвачение работать подпольно в Крыму. Получив задание и план работы, я двинулся из Курска, пробрался через границу вемецко-гайдамацкого фронта Украины в Белополье, откуда направился в Крым. По дороге я подвергался неоднократно обыску, но все прошло благополучво. По прибытии в г. Симферополь я связался с подпольным обкомом РКП. Я узнал, что властью деникинцев были заключены в тюрьму неуспевшие отступить в 18 году т.т. Матвеев, Юрий, Семен, Варвара и Татьяна Немичи, Андреади с женой Антониной Немич, Демышев, Кебабчьянц, Зуйков, Грубе и Корнилов. Как известно, они при отступлении белых в апреле 19 года были вывезевы ва станцию Семь Колодезей и расстреляны. Узнал я также, что при уходе наших войск в 18 году на ст. Сарабуз был пойман и расстрелян председатель „революционной девятки“ Евпатории т. Познанский.

Мне было вменено в обязанность областным комитетом заняться организацией подпольных военных отрядов. Я связался с одним из крупных отрядов, находившимся в Евпаторийской скале, в Орта-Мамайских каменоломнях; в нем было до 50 человек, оставшихся после эвакуации из Севастополя в 1918 году. Командиром был И. Петриченко, гражданин поселка Орта-Мамай. Был еще отряд под Керчью в Ак-Манайской каменоломне, но с тем связи установить ве удалось; был еще целый ряд мелких отрядов, только еще начинавших в то время организовываться, с которыми был связан Севастополь: городской летучий отряд с т.т. Дзюненко и Малетским, мелитопольский отряд в составе 13 человек под комавдой Лобанова, сакский отряд в 25 человек, державший связь через т. Дзюненко, симферопольский кавалерийский отряд под командой Лищенко. Все эти отряды подчиневы были через своих командиров ОК.

Я был связан с охраной крепости Севастопольского порта, откуда извлекал всевозможные военные припасы. Отряды особен-

ной активности не проявляли, за исключением одного—в Евпаторийских каменоломнях, каковой был назван, по желанию товарищей, находившихся там, „Отрядом Красной Каски“.

4. Отряд „Красной Каски“.

В апреле 1918 года при отступлении советской власти из Крыма из евпаторийского отряда красной гвардии не пожелали эвакуироваться около 20 человек, в том числе и Иван Петриченко. Они ушли в подполье и начали организовываться; спачала собрались более активные работники, связались с евпаторийским союзом строительных рабочих, через каковой и снабжались всем необходимым. В особенности содействовали им товарищи М. Мацаков и Михайленко.

30 декабря я проник в отряд „Красной Каски“. Я там увидел больше половины старых бойцов своего бывшего отряда; побеседовав с пими об их целях, я выяснил, что они собрались для того, чтобы организованным путем при подступе к Крыму красных выступить и захватить власть в свои руки; ОК это было известно и план их был одобрен. Отряд содержался самостоятельными средствами; при отряде в скале была создана ружейная мастерская для исправления оружия и заготовки патронов; руководителем мастерской был т. Харлампий Общий.

5 января евпаторийским подпольным упарткомом, состоявшим тогда из т.т. Гидалевича, Мацакова, Левдика-Занаревского, Чиркова, Доцника, Соглобова и Гринберг, было постановлено, чтобы все члены комитета посещали данный отряд и устраивали там лекции на политические темы. К началу января состав отряда доходил до 250 хорошо проверенных товарищей.

6 января центральный орган деникинской власти в Крыму узнал о существовании данного отряда и начал принимать меры к его ликвидации. 8 января были двинуты первые силы белых. Из Севастополя был отправлен эшелон с пехотой до 500 человек, артиллерийская смешанно-калиберная батарея из 4-х орудий и отряд кавалерии кубанцев в 150 человек. Все они были двинуты в Евпаторию. Кроме того, одновременно из Севастополя выступил под Евпаторию греческий миноносец „Пантера“.

Я, находясь в Симферополе, узнал о переброске войск на наш отряд и срочно сообщил нашему штабу о всем происходящем; нами было созвано срочное заседание и были приняты меры к недопущению противника быстро продвигаться к Евпатории.

Было поручено т. Дзюненко взорвать эшелон с войсками белых. Дзюненко отправился к железнодорожной будке в 3-х верстах от полустанка Кара-Кият, где и заложил снаряд, но нас постигла неудача, и поезд прошел дальше.

Прибыв в Евпаторию, войска начали действовать. Обложив лавой всю площадь каменоломен, где находился отряд „Красной Каски", они изолировали все население, а проходящих или проезжающих к каменоломням арестовывали и безо всяких следствий расстреливали. 17 января силы противника примкнули вплотную к скале и начали производить операцию. Миноносец с моря через город бил из тяжелых орудий; от Майнакской грязелечебницы били по скале из 6-ти и с вокзала из 2-х трехдюймовок; открыли ураганный артиллерийский огонь и с подступа к кладбищу поселка Орта-Мамай. Конечно, жители Орта-Мамая были вынуждены искать убежища и все с худобой и кое-какими вещами домашнего обихода ушли в скалу. Осада в скале отряда „Красной Каски" продолжалась с 17-го по 21-ое января 1919 года. От скалы на огонь врага неслись в ответ залпы, что и заставляло цепи противника колебаться и отступать.

Наступление белых велось по следующему плану: впереди боевой цепи были высланы мирные жители окружающих скалу селений, совершенно невооруженные, а за ними части белых, смешанные с евпаторийской буржуазией, вооруженной разного рода оружием, а сзади шли резервы для подкрепления в случае неустойки. Всего со стороны противника было выставлено до 1.200 человек. Я в это время был в Симферополе. Я знал, что отряд не устоит против противника, но был бессилен и не мог оказать ему помощи. Военное совещание также было не в силах дать поддержки, так как материальных рессурсов не было, а свободных отрядов для переброски на помощь скале в распоряжении совещания не имелось.

18 января утром во время вылазки из скалы в один из отдушников для рассматривания позиционной площади командир отряда т. Петриченко был поранен бомбой, каковая разорвала ему лицо, а через несколько часов была ранена в грудь и его жена. Узнав о происшедшем с командиром, отряд впал в панику. Противник воспользовался случаем, произвел нажим и отрезал отряд от колодца, из которого отряд снабжался водой. Через сутки из-за этого много людей стало падать от жажды, так как запаса воды не имелось. Противник стал применять удушливые

газы, рвать скалу динамитом и пироксилиновыми шашками и продолжал бить из орудий. Здания селения Орта-Мамай были разрушены, имущество жителей разграблено белыми и скот уведен. Отряд „Красной Каски“ все же продолжал сопротивляться. Бойцы умирали на своем посту.

Так продолжалось целые сутки.

20 января утром раздался сверху скалы у центрального входа какой то голос: „Жители, выходите, ничего не будет!“ Тогда колеблющиеся мирные жители с малолетними и грудными детьми, старики и старухи и разного рода калеки стали вылезать из центрального выхода скалы, измученные и тощие, как скелеты. По выходе из скалы их окружили тесным кольцом войска белых, поставили под прямым углом два пулемета и всех вышедших, в количестве 81-го человека, скосили пулеметным огнем, а потом пристреливали и прикалывали с руганью, заставляя мирных жителей стягивать убитых в груду и забрасывать камнями. После этого принялись разыскивать командира отряда и вытащили его из скалы полумертвым вместе с женой. Они еще были живы; на расспросы белых они ответили отказом, после чего были пристрелены и брошены в общую кучу.

Остатки отряда после всего происшедшего ушли вглубь скалы, а потом по ночам стали постепенно вылезать, рассыпаться по Крыму и уходить вновь в подполье. Живыми были взяты в плен лишь трое, которые, обратившись к белым, просили их пощадить, за что обещались указать место нахождения подпольных организаций и квартиры подпольных работников, но по дороге в Симферополь и они были расстреляны белыми. 21-го января отряд „Красной Каски“ был совершенно ликвидирован белыми.

Подпольная работа после этого перебросилась на союз строительных рабочих города Евпатории, но велась она слабо. После падения отряда трудно было проводить работу, так как везде и всюду проводился белыми террор над подозрительными лицами. Были произведены усиленные аресты среди подпольных работников, и нам пришлось сделать перерыв в нашей подпольной работе. Я был вынужден выехать из Крыма в Советскую Россию.

5. Период легальной работы с 26 марта до 27 июня 1919 г.

В последних числах марта 1919 г. наши войска перешли Перекоп. Сбив деникинцев, они подошли вплотную к Юшуньским позициям, где и столкнулись с крупными силами противника; там

были и греки и цветные войска. Перекопская группа смяла противника, и остатки белых были обращены в бегство. Под Керчью они укрепились на позициях у Ак-Маная и Дальних Камышей, где и стояли вплоть до отступления нашего из Крыма в конце июня того же года.

Противник на этом участке сконцентрировал все свои силы, прикрывавшиеся с моря флотом международного капитала. Я был командирован для работы в тыл противника в гор. Керчь, но вскоре подвергся преследованию и был вынужден выехать в советскую часть Крыма.

В средних числах июня наши части были сбиты противником, и нам пришлось оставить Крым. Как раз перед эвакуацией пришел заграничный пароход и выгрузил эмигрантов из Франции. Это были солдаты русской армии, отправленные во Францию в русско-германскую войну.

В момент эвакуации я был в Евпатории. Евпаторийский комитет РКП сконцентрировал все уездные организации и воинские части и решил организованным путем отступать самостоятельно на Перекоп. Под Армянским-Базаром нашим частям начальник Перекопского боевого участка т. Марко-Яшвилли приказал перейти в наступление, но так как наступление было предпринято без всякого плана, то под Юшунем и Карт-Казаком мы были разбиты и окончательно оттеснены за пределы Крымского полуострова.

Александр Находкин (Терпигорев).

Большевистский переворот и первые шаги советской власти в Феодосии*).

Волна революции докатилась до Крыма лишь в январе 1918 г. До этого времени, как известно, Крым приобщился к русской революции, так сказать, пассивно.

Нарастание стихийной революционной волны в Крыму почувствовалось лишь в самом конце 1917 года. Этому нарастанию революционной волны содействовали всеми силами большевистские

*) Фактическая сторона феодосийских событий изложена правильно, и поэтому редакция считает возможным напечатать статью тов. Ковстансова, несмотря на то, что в освещении фактов проглядывает иногда несвойственная пролетариату идеология.

Редакция.

организации, которые начали возникать в городах Крыма, начиная приблизительно с мая 1917 года.

В Феодосии большевистская организация начала создаваться уже в апреле 17-го года и к июню она совершенно оформилась. Организация состояла почти исключительно из солидных железнодорожных рабочих лишь с небольшой примесью интеллигенции; число членов организации не превышало первое время 50. Организация, начиная с конца мая, имела регулярные собрания (в постоянном помещении с вывеской в поселке Сарыголь).

Надо сказать, что собственно в деле советского переворота в Феодосии эта организация непосредственной и руководящей роли не играла: переворот произошел 2 января 1917 года неожиданно, без организованной подготовки, совершенно стихийно.

После происшедшего 2 января переворота в Феодосии у власти первое время оказалась не большевистская организация и даже не рабочий пролетариат, а деклассированный солдатский и матросский элемент. Это обстоятельство об'ясняется тем, что и самый переворот был произведен именно этим элементом, и в дальнейшем последний представлял собой самодовлеющую силу, которой первое время организации советской власти нечего было противопоставить. Понятно, что общественные инстинкты этого деклассированного элемента, несмотря на всю его революционность, вскормленную старым режимом, представляли собой нечто совершенно неопределенное, случайное, колеблющееся и далеко не совпадающее с теоретическими представлениями большевиков.

Таким образом, Феодосия приняла советское крещение раньше (почти на две недели) других городов Крыма, кроме Севастополя. Так, в Симферополе советская власть установилась 14 января, в Евпатории—15 января, в Ялте—18 января, в других городах и местечках несколько позже, в Феодосии же к этому времени уже работал военно-революционный комитет, так что телеграмма Жана Миллера, посланная из Симферополя 15 января с известием о победе большевиков в Симферополе, застала в Феодосии уже формально установившуюся большевистскую власть.

Началом переворота в Феодосии послужило вооруженное столкновение между солдатами 35 запасного полка, квартировавшего в Феодосии, и частью местными рабочими, с одной стороны, и татарскими эскадронцами, незадолго до того введенными в город,—с другой. Татарские эскадронцы были введены в город по распоряжению контр-революционного буржуазно-националистического

„Крымско-татарского правительства“, фактически захватившего перед тем окончательно власть в Крыму и окончательно подчинившего себе другую местную буржуазную организацию „Совет народных представителей“, не имевшую под собой никакой почвы и никакой опоры в широких массах населения. Татарские эскадровцы несли в Феодосии (как и в других городах Крыма) полицейскую службу у „Крымско-татарского правительства“.

Поводом к столкновению с ними послужило следующее обстоятельство: желая для утверждения своей власти обеспечить за собой солидную и единственную в Крыму военную силу, „Крымско-татарское правительство“, с одной стороны, стягивало в Симферополь мусульманские войсковые части из бывшей царской армии, а с другой—разоружало и распускало по домам не-мусульманские войсковые части, находившиеся в городах Крыма.

Солдаты, ничего не имея против роспуска, были недовольны разоружением и желали возвращаться домой, сохранив оружие. Недовольство солдат 35 запасного полка, стоявшего в Феодосии, поддерживалось и питалось тем обстоятельством, что все демобилизуемые части 5-го кавказского корпуса, проходившие через Феодосию, возвращались домой с оружием. Это недовольство вызвало глухое брожение среди солдат 35-го запасного полка и подготовило почву для столкновения.

2-го января 1918 года в 11 часов утра был назначен в казармах 35-го запасного полка митинг по поводу указанного разоружения увольняемых домой солдат. В митинге, согласно решению, принятому в союзе портовых рабочих, должны были принять участие и портовые рабочие; от большевистской организации также на митинг должны были явиться представители. Митинг вышел неорганизованным и свелся к перебранке между солдатами, требовавшими оставления у них оружия при увольнении домой, и офицерами, доказывавшими, что, „по правилам“, увольняемыми солдатами оружие должно возвращаться.

Митинг закончился тем, что кто-то из солдат крикнул: „Забирай винтовки из цейхгауза, товарищи!“ И вся толпа бросилась, сшибая с ног друг друга, из помещения митинга в двор казармы, прямо к оружейному цейхгаузу. Двери цейхгауза моментально были высажены, и начался разбор винтовок солдатами; вместе с солдатами вбегали в цейхгауз и разбирали винтовки также и бывшие на митинге немногие портовые рабочие. Захватившие оружие солдаты начали строиться тут же на дворе казармы перед цейхгаузом под

командой явившихся на место действия офицеров и командира 35 зап. полка (капит. Брожевского), очевидно, с тем, чтобы в порядке отправиться по казармам. Но не прошло и 15 минут, как во двор казармы влетели с гиком конные татарские эскадронцы (человек 20). В'ехав на средину двора, они остановились как раз против строившихся около цейхгауза солдат.

Произошло замешательство... Раздался выстрел... затем — другой... Эскадронцы быстро спешились, солдаты вбежали в помещение цейхгауза, и началась перестрелка. Офицеры исчезли. Перестрелка на дворе казармы тянулась часа два. Наконец, эскадронцы, среди которых было несколько убитых, начали отступать, сначала медленно со двора казармы, затем они были выпровождены за город и ушли по направлению Старого-Крыма.

После этого столкновения в городе воцарилась паника, наступило безвластье. Брошенный после перестрелки с эскадронцами оружейный цейхгауз был за ночь окончательно разграблен жителями городских слободок.

В тот же вечер 2 января в городе была сделана первая попытка образовать временный революционный комитет, в который вошли совершенно случайные элементы: меньшевики, эсеры; большевики в нем принимали участие эпизодически, нерегулярно. Этот комитет просуществовал недолго — всего несколько дней — и создался он, главным образом, в виду опасности нового нашествия эскадронцев и нового кровавого столкновения с ними.

Скоро стало известно, что, как только Симферополь получил извещение из Феодосии о столкновении, происшедшем между татарскими эскадронцами и солдатами 35-го запасного полка и рабочими, и об отступлении эскадронцев за город, там было немедленно отдано распоряжение о высылке из Симферополя на Феодосию нескольких значительных свежих отрядов эскадронцев. И вот, в виду угрозы этого нашествия, экстренно образовался комитет, который и старался принять меры для предотвращения нового столкновения, и, будучи составлен из элементов обывательски мещанского типа, он, конечно, не мог измыслить и принять других мер, кроме бесплодных попыток вразумить и урезонить „Крымско-татарское правительство“ и начальников идущих на Феодосию эшелонов эскадронцев в том, что в Феодосии „все благополучно“, „порядок и спокойствие“ восстановлены и что введение в город новых эскадронцев может вызвать новое кровопролитие и возбудить национальную вражду между татарским и русским населением.

С этой целью в Симферополь был отправлен ряд телеграмм и 3-го января были снаряжены три депутации для переговоров с начальниками движущихся на Феодосию эшелонов эскадронцев.

Нечего и говорить, что все эти попытки обывательского комитета примирить непримиримое и урезонить воинствующую буржуазию ни к чему не привели. Телеграммы комитета остались без внимания, а депутациям офицеры, командующие эшелонами эскадронцев, заявили, что им штабом крымских войск дана определенная боевая задача, которую они должны выполнить во что бы то ни стало, и поэтому они знать не хотят никаких комитетов и никаких депутаций.

Тогда, по совету большевиков, были посланы телеграммы в Севастополь военно-революционному комитету с сообщением о событиях в Феодосии и с просьбой о присылке миноносца для поддержания рабочих. Не довольствуясь посылкой телеграммы, большевистский комитет в тот же день решил отправить своего представителя (секретаря Констансова, к которому уже по дороге присоединился член комитета Дауге) в Севастополь с поручением настаивать перед военно-революционным комитетом и Центрофлотом на немедленной посылке в Феодосию десантного отряда для усиления и поддержки рабочих и солдат Феодосии.

Между тем, эскадронцы уже подходили к городу. 4 января утром командир эшелонов эскандронцев пред'явил городу и рабочим ультиматум: в 24 часа выдать оружие, после чего должно было состояться вступление эшелонов в город и наказание виновных в неисполнении приказа.

Положение в городе создалось чрезвычайно тревожное. Но 4-го же января был отправлен из Севастополя миноносец „Пронзительный" с представителями Центрофлота и военно-революционного комитета во главе с тов. Мокроусовым, который и прибыл в Феодосию к вечеру 4 января.

По прибытии в Феодосию представители миноносца тотчас вступили в переговоры с татарскими эскадронцами. Эти переговоры не привели к положительным результатам, и с миноносца также были посланы телеграммы Центрофлоту и военно-революционному комитету с требованием присылки десантного отряда.

Однако, вследствие антагонизма между севастопольским военно-революционным комитетом и „беспартийным" Центрофлотом, руководители которого не имели определенной политической физиономии и старались лавировать, держа нос по ветру,—посылка десантного

отряда, которого требовал военно-революционный комитет, затормазилась, и только после того, как прибыл в Севастополь представитель феодосийской большевистской организации (Констансов) и выступил на экстренном собрании Центрофлота с докладом о положении в Феодосии и настоятельно потребовал отправки десантного отряда,— посылка миноносца с десантом была решена окончательно четвертого вечером. Отправка десанта в 150 человек матросов должна была состояться на другой день (пятого) в 5 час. утра.

Представителям феодосийской большевистской организации пришлось дежурить всю ночь в помещении военно-революционного комитета (быв. дворец командующего Черноморским флотом) в ожидании посадки десантного отряда на миноносец. Наконец, ранним утром 5 января состоялась посадка отряда на миноносец „Хаджи-Бей“. Но, когда все было готово к отплытию, оказалось, что машина миноносца не действует; отряд со всем снаряжением был перегружен на другой миноносец „Феодонисий“; перегрузка отряда и снаряжение заняло большую половину дня 5 января, и только к вечеру (около 6 ч.) 5 января миноносец „Феодонисий“ отплыл в Феодосию.

Переход от Севастополя до Феодосии продолжался около 4 часов и чуть не закончился катастрофой: уже в виду Феодосии на миноносце загорелась сажа в трубе, весь миноносец заволокло едким дымом, кто-то крикнул: „пожар, спасайся!“ Матросы бросились к спасательным кругам... но в это время дым начал рассеиваться: кочегарам удалось остановить пожар, и миноносец „благополучно“ продолжал дальнейший путь и около 10½ час. вечера вошел в феодосийскую бухту. Этот эпизод, как и вся процедура отправки десантного отряда, показывает, каковы были организация дела и порядки в революционном Черноморском флоте в конце 17 и начале 18 г.г.

По прибытии в Феодосию отряд тотчас вошел в контакт с местным штабом красной гвардии и выступил на позиции за город. Эскадронцы, которые подходили было уже к самому городу и даже начали рыть окопы и вообще приготовляться к наступлению, узнав о прибытии матросского десанта, отступили на Старый-Крым и не тревожили Феодосии вплоть до 14-го января, когда окончательно рухнула под напором стихийно-поднявшейся революционной волны симферопольская об‘единенная буржуазно-татарская власть в лице „Курултая“ и „совета народных представителей“.

Как только для Феодосии исчез с горизонта вопрос о нашествии эскадронцев и борьбе с ними и связанная с ним опасность возбуждения национальной вражды между татарским и русским населением, — почувствовалась необходимость сосредоточить все внимание на организации власти и порядка в городе. Жизнь в городе совершенно замерла: почти все городские учреждения перестали функционировать, магазины закрылись, базар не работал, улицы опустели, милиция исчезла, порядок в городе слабо поддерживался самими рабочими; в городе постоянно раздавались отдельные выстрелы, начались грабежи...

Власть в это время номинально находилась в руках первого революционного комитета, который образовался тотчас после вооруженного столкновения солдат и рабочих с татарами-эскадронцами 2-го января и состоял, как сказано выше, из случайных элементов.

Большевистская организация в этот момент работала самостоятельно (напр., по вызову десантного отряда из Севастополя) и систематического активного участия в работе комитета не принимала. Вот почему этот первый революционный комитет в Феодосии в действительности не имел никакой силы и не оказывал на развивающиеся события решающего влияния.

Наряду с комитетом и одновременно с ним в эти дни образовался штаб красной гвардии, которым руководили несколько офицеров большевиков, принадлежащих к феодосийской большевистской организации: т.т. Федько, Филопюк, Демьяненко. Штаб почти не считался с революционным комитетом, действовал совершенно независимо и был в действительности больше хозяином положения, чем революционный комитет. При таком положении вещей, естественно, необходимо было прежде всего позаботится о скорейшем создании правомочного военно-революционного органа, который устранил бы разлад в деятельности революционного комитета и штаба красной гвардии, об'единил бы их и, пользуясь полным авторитетом в глазах рабочих, солдат и населения города, мог бы восстановить порядок и нормальное течение жизни.

Решено было тотчас организовать правильные выборы в новый военно-революционный комитет. На состоявшихся выборах прошли в большинстве большевики. Комитет состоял приблизительно из 60 человек, главным образом, рабочих; из интеллигенции в комитет прошло 6 или 7 человек (2 врача—большевик и эсер, 2 учителя, из них один большевик, 2 офицера большевика и т. д.).

Комитет разделен на 7 или 8 комиссий и президиум. Президиум комитета состоял исключительно из большевиков (председатель—Констансов, тов. председателя—Федько, секретарь—Дауге (Даугул).

Приступив к работе, новый выборный военно-революционный комитет столкнулся на первых же порах своей деятельности с невероятными затруднениями, частью лежавшими в общих условиях, обстановке и характере исторического момента, а частью—в самом комитете. Прежде всего, в самый комитет проникло несколько человек меньшевиков, эсеров и просто контр-революционных элементов, которые, не будучи в состоянии сорвать деятельность комитета, всеми силами старались тормазить его работу. С другой стороны—среди рабочих, вошедших в состав комитета, мало было людей, сколько-нибудь развитых, понимающих задачи момента; мало было людей, даже просто сознающих свою ответственность и серьезно относящихся к добровольно принятым на себя обязанностям. На отношении к делу и поведении многих лежала печать легкомыслия, бесшабашности и иногда ясно выступало стремление использовать свое положение в направлении личных выгод, не считаясь с революционно-общественными интересами.

Это, так сказать, внутренние причины, лежавшие в самом военно-революционном комитете и мешавшие ему развернуть продуктивную деятельность. Но был и целый ряд внешних обстоятельств, содействовавших созданию таких условий и обстановки, которые ставили деятельности комитета непреодолимые препятствия. Начать с того, что с избранием военно-революционного комитета не установилось единства власти в городе. Образовавшийся в первые дни переворота, еще до избрания военно-революционного комитета, штаб красной гвардии продолжал существовать рядом с комитетом и, хотя во главе этого штаба стояли большевики (Федько, Филонюк), члены феодосийской большевистской организации,—но они не были в состоянии направить действия солдатской массы сообразно действительным интересам революции и указаниям, исходящим от ревкома и парторганизации, и оказались вынужденными плыть по течению.

Красная гвардия в Феодосии, образовавшись, как сказано выше, независимо от военно-революционного комитета и ранее его, действовала совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакой власти и не давая никому отчета в своей деятельности, производила массовые обыски, аресты, реквизиции, розыски

„контр-революционных“ офицеров и т. д. Понятно, что такая деятельность, идущая помимо военно-революционного комитета, вносила полную анархию и нарушала общественный порядок. Наряду с красной гвардией и почти одновременно с ней в Феодосии сконструировался еще „Интернациональный полк“, который имел много общего с красной гвардией: он также никому не подчинялся, производил аресты, обыски, реквизиции и т. п.

Кроме красной гвардии и Интернационального полка, одновременно с ними действовали в городе еще несколько отдельных отрядов, находившихся под командой различных „начальников“ и преследовавших какие-то особые, неизвестные комитету цели. Возникновение этих отрядов в Феодосии об‘ясняется тем обстоятельством, что через Феодосию эвакуировались воинские части 5-го Кавказского корпуса, а также большинство различных революционных и партийных организаций из Одессы. Среди этих отрядов были анархистские отряды (напр., эвакуировавшийся из Одессы анархистский отряд под командой быв. фельдшера Лазарева), некоторые отряды состояли из черноморских матросов. Все эти отряды также, ни с кем не считаясь, производили различные реквизиции, аресты и, не довольствуясь тем, что добывали „собственными средствами“, они от времени до времени присылали в военно-революционный комитет депутатов с требованиями больших сумм денег на содержание отрядов.

Что касается красногвардейцев и Интернационального полка, то они, совершенно не подчиняясь, как сказано, военно-революционному комитету и не считаясь с его рессурсами, в то же время считали, что комитет обязан выдавать им полное содержание: и аммуницию, и пищу, и громадное жалованье (300 р. в месяц на всем готовом) и постоянно грозили комитету в случае неисполнения их требований расправиться с комитетом (что они впоследствии и исполнили) и добыть нужные средства собственными силами.

Военно-революционный комитет оказался совершенно в безвыходном положении: с одной стороны, он принципиально считал невозможным беспрекословно удовлетворять ничем несдерживаемые требования отрядов, с другой — в его руках не было таких средств, которые необходимы были для удовлетворения этих требований; контрибуции, налагаемые на буржуазную часть населения, давали относительно ничтожные суммы и поступали с большими затруднениями; увеличивать без конца контрибуции и фор-

сировать их взимания комитет по целому ряду принципиальных соображений считал неправильным и бесцельным; что же касается феодосийских банковых отделений, то сколько-нибудь значительных сумм там не было: уже через 2 недели после переворота город (и комитет, и банки, и население) оказался совершенно без денежных знаков.

В распоряжении военно-революционного комитета не было и силы, на которую он мог бы опереться для утверждения своего авторитета, для защиты населения и общественного порядка. Красная гвардия, которая по идее должна была служить именно этой силой, быть исполнительным органом военно-революционного комитета, на деле представляла собой самодовлеющую силу, не только не подчиняющуюся директивам военно-революционного комитета, но стремящуюся последний подчинить себе и своим собственным целям.

Тяжелые условия, в которых протекала работа военно-революционного комитета в Феодосии, не могли, конечно, не отразиться на его деятельности и на состоянии его членов; эти условия влияли угнетающим образом на психику членов комитета, подрывали их энергию: многие члены комитета, видя свое бессилие и сознавая свою беспомощность, перестали посещать комитет, комиссии его пустовали, и лишь в дни получения жалованья все являлись, и помещения комитета оживлялись. В городе широкой волной разлились грабежи, открытые и замаскированные (реквизиции). Такие же явления замечались и в уезде: в комитет постоянно поступали жалобы и сообщения о разгромах и расхищениях имений, об'явленных военно-революционным комитетом национализированными. В уезде появились самозванцы, которые от имени в.-р. комитета облагали население контрибуциями и затем скрывались с собранными деньгами (Судак).

Многие ответственные должности в городе каким-то образом, помимо военно-революционного комитета, оказывались в руках неизвестных комитету несоответствующих назначению людей, иногда прямо темных личностей, которые часто получали эти должности, помимо комитета, непосредственно из рук штаба красной гвардии.

Помимо комитета, создавались целые отрасли управления и новые должности, совершенно не вызываемые требованиями жизни и запросами текущего момента. Так, „начальником технической части“ оказался севастопольский матрос, который занимался только

тем, что реквизировал направо и налево (без ведома, конечно, комитета) все, что попадалось под руку, для устройства якобы проектированного им (без просьбы комитета) „комитетского гаража“ и кончил тем, что, когда комитет не дал своей санкции на реквизиции и отказал ему в выдаче общего мандата на реквизицию всяких „технических, механических, оптических и химических инструментов и продуктов“, как он требовал, он присоединился к недовольным комитетом и явился одним из инициаторов низвержения его.

Комиссаром железной дороги вдруг об'явился совершенно неизвестный комитету какой то жел.-дор. чернорабочий, назначенный на этот пост штабом красной гвардии, который тотчас по назначении явился в комитет и потребовал от него, чтобы ему был выдан общий мандат на всевозможные обыски и аресты „буржуев“; когда ему в таком мандате было отказано, он тут же на заседании президиума комитета, указывая на полномочия, данные ему красной гвардией, грозил расправиться с комитетом. Комиссаром феодосийской тюрьмы оказался какой-то суб'ект с университетским значком на солдатской шинели, который скоро оказался замешанным в ограблении татарских имений в уезде и относительно которого так и не выяснилось, каким образом он попал на пост комиссара тюрьмы.

Орган борьбы с преступностью—следственная комиссия, состоявшая из людей неподготовленных (особенно при столь трудных условиях работы и неприспособленных, но идейных и искренне желавших работать), оказалась совершенно бессильной что-либо сделать: ее постановления не исполнялись и открыто игнорировались вооруженными отрядами; кроме этого, следственная комиссия оказалась почти парализованной, так как в ее распоряжении не было даже средств передвижения: все автомобили в городе были реквизированы штабом красной гвардии. Таковы были в общих чертах условия и обстановка работы феодосийского военно-революционного комитета в начале 1918 года.

Большевистская организация в этот период почти перестала собираться, так как большинство членов ее были поглощены работой по военно-революционному комитету. Несколько раз организация собиралась лишь для обсуждения вопроса об эксцессах, творимых в городе „боевыми отрядами“. По этому поводу организацией несколько раз выносились протесты, которые частью

направлялись в военно-революционный комитет, частью же прямо расклеивались на заборах и уличных столбах.

Скоро, вместо меня, председателем военно-революционного комитета был выбран севастопольский матрос тов. Пелюхия, прибывший в Феодосию на одном из миноносцев — „Пронзительном“ или „Феодонисии“ в составе десантных отрядов, посланных для поддержания рабочих и солдат против татарских эскадронцев. Этот товарищ Пелюхня оставался в президиуме феодосийского ревкома вплоть до выборов первого совдепа и вошел в президиум совдепа; впоследствии он был арестован в Феодосии немцами, предназначен к высылке в Германию в концентрационный лагерь, но затем после 4-хмесячного содержания в тюрьме (я с ним сидел в одной камере) был выпущен немцами на свободу (за отсутствием в его деяниях, по заключению суда при главном немецком командовании, чего-либо преступного: как известно, немцы в Крыму за идейное участие в русской революции и даже за идейную принадлежность к большевистской партии не судили, — они привлекали к суду и осуждали исключительно за фактические убийства и грабежи). По уходе немцев из Крыма т. Пелюхня был вновь арестован белогвардейскими офицерами и замучен ими в Феодосии (в Карантине в декабре 1918 года). Между прочим, когда тов. Пелюхня был арестован немцами на основании доносов и было пред'явлено обвинение в участии в убийствах и грабежах, — со стороны обывателей г. Феодосии была подана главному немецкому командованию петиция за подписью нескольких сот граждан, в числе которых было много подписей рабочих, с протестом против этого обвинения и с заявлением, что т. Пелюхия не только сам не участвовал в убийствах и грабежах, но всегда, иногда с риском для собственной жизни, защищал население от всевозможных насилий, с чьей бы стороны они ни грозили населению.

Первый выборный феодосийский военно-революционный комитет, возглавляемый сначала мной, а затем тов. Пелюхней, просуществовал недолго, не более 2 недель: 16 января 1918 г. он был низвергнут красной гвардией и Интернациональным полком под главным руководством солдата Склярова, незадолго перед тем прибывшего в Феодосию из Петрограда с мандатом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с целью, как значилось

в мандате, укрепления советской власти на Юге России*). В помощниках и пособниках у солдата Склярова недостатка не было: к его услугам была вся красная гвардия, Интернациональный полк и целый ряд „начальников", недовольных комитетом. Ближайшими его помощниками явились: вышеупомянутый „начальник технической части" матрос Федоров, один из „начальников" Интернационального полка вольноопределяющийся Корниенко (впоследствии расстрелянный немцами по обвинению в бандитизме), комиссар жел. дороги (о котором сказано выше) и некоторые другие.

Недовольные комитетом „начальники" и „комиссары" нашли полную поддержку в красной гвардии и Интернациональном полку, которые тоже были недовольны комитетом за неисполнение последним их требований по увеличению жалованья и выдаче аммуниции.

Утром 16 января 1918 года все общественные учреждения оказались занятыми красногвардейцами и солдатами Интернационального полка, часть членов военно-революционного комитета была арестована и посажена в тюрьму, президиум комитета был смещен и Скляров стал во главе президиума.

Таким образом, на смену выборному военно-революционному комитету явился новый, по счету третий, во главе со Скляровым. Почти весь президиум низвергнутого комитета вошел в состав нового: все свелось к тому, что во главе комитета, вместо т. Пелюхви, стал Скляров. Все остальное осталось попрежнему.

И. Констансов.

---

*) Низвержение первого выборного феодосийского ревкома об'ясняется не столько его борьбой с анархией, проявлявшейся в Феодосии, может быть, особенно сильно, вследствие того, что она являлась этапным пунктом, пропускавшим стихийно демобилизующиеся войска кавказского фронта,—сколько слабостью самого ревкома, не имевшего прочной базы и не сумевшего справиться с анархией.

Примеч. редакции.

II. ВОСПОМИНАНИЯ.

Севастополь с февраля до прихода немцев.

Крупную роль в революционном движении Севастополя сыграл портовый завод. Здесь еще была плавучая мастерская-транспорт „Кронштадт", давшая большое количество подпольных работников. Незадолго до февральской революции на транспорте „Кронштадт", имевшем около 300 человек рабочих, на половину матросов запасных,—режим был установлен такой строгий, что жизнь на этом корабле стала совершенно невыносимой. Брожение на почве экономической заинтересованности среди команды уже намечалось до февральской революции, но отдельные группы работавших совершенно не были связаны, хотя бы настолько, чтобы собраться для обсуждения порядка действий. Командиром транспорта был известный Подушкин, который избивал матросов, рвал им волосы и издевался над ними. Мы решили создать небольшую ячейку революционеров, несмотря на то, что газеты в своих статьях жаловалась на то, что темные личности ходят по заводам и будируют массы, что может отразиться на охране границ и ходе военных действий. В нашем кружке были т.т. Русин, Джигинас, я и еще 2-3 товарища, фамилий которых не помню. Создав кружок, мы начали на массу действовать следующим образом: мы читали газету о русских поражениях на фронте и указывали: „Вот,

мол, наше правительство как ведет нас на бойню! Смотрите, в конце-концов мы потерпим поражение". Но, главным образом, били на нашу пищу, которая ухудшалась с каждым днем; мы указывали, что у офицеров жарятся куры и перепелки.

Однажды мы получили приказ командира транспорта о полном прекращении отпусков команды на берег. Большинство матросов было из запасных, с'ехавшихся с фабрик и имеющих в Севастополе жен и детей. Вот почему сейчас же и началось недовольство.

Мы собрали команду, человек 150, и стали выбирать делегатов, чтобы послать к командованию с требованием— изменить приказ. Надо принять во внимание, что до февральской революции за выступление матроса вешали или расстреливали; поэтому выбрать делегатов у нас было трудно и опасно. Лоцманы и офицеры делегатов послать отказались. В конце-концов выбрали меня, Русина и еще 3-х человек, не помню их фамилий. Мы пошли к начальнику мастерской, Русина он избил, меня же арестовал и посадил, как зачинщика этого дела. Однако, режим в конце-концов изменили и на берег опять стали выпускать.

Нужно было связаться с портовыми рабочими. Дело как-раз подходило уже к февральской революции. Из газет, из приказов мы чувствовали, что революция назревает, но сведений мы не имели. В праздничный день я, Русин и Джигинас с'ехали на берег и встретили матроса, который нам передал, что в Петрограде создана уже революционная власть, но все ее приказы, посланные сюда по прямому проводу, утаиваются Колчаком и высшим командованием флота. У часовни, на углу Нахимовской и Большой Морской, собралась толпа, человек 100; матрос и какой-то рабочий выступали и, рассказав о перевороте в Петрограде, указывали, что нужно и здесь сейчас же некоторых арестовать.

В то время была особенная злоба на Веселкина, коменданта крепости; стали его требовать, он приехал и стал заверять, что он сам революционер, что он согласен с нами, что мы теперь немцев разобьем; в конце-концов ему удалось уехать. Толпа разрослась и начала требовать, чтобы Колчак прибыл на это собрание гарнизона и рабочих Севастополя. Когда он прибыл, Русин подошел к его автомобилю и от имени революционных рабочих сказал: „Мы требуем, чтобы вы прочитали все приказы, которые вы получили". Колчак долго не соглашался, но, наконец, прочитал приказ № 1, изданный Керенским. После этого мы стали смелей; мы скоро об'единились с пулеметной командой и начали организацию судовых комитетов, главного заводского комитета и комитетов по мастерским.

Транспорт „Кронштадт“ большой революционности не проявлял,—на нем был специальный подбор рабочих. Впоследствии только, когда они увидели, что революция совершилась, они стали себя проявлять, требуя разницу с 7-го марта: вот в каком смысле проявилась их революционность.

В заводской комитет был выбран я, Русин и некоторые другие. Председателем мы из-за своей неподготовленности избрали инженера Гончарова. Здесь я должен указать на отношение заводской администрации к нашему комитету. Для того, чтобы спутать совершенно рабочих в их работе по улучшению производства и по управлению заводом, нас стали забрасывать такими кипами бумаг, что, работая с утра до 12 часов ночи, мы не смогли бы их разобрать.

Бесконечные митинги, споры в союзах и вне их начали в это время втягивать рабочих в сферу партийности. Большинство рабочих начало вступать в партию социалистов-революционеров: до 20 человек записалось в члены вышеназванной партии. Затем стало появляться левое течение эсеров и влияние Балтийских моряков, которые начали вести пропаганду, указывая, что власть Керенского—власть буржуазная, что там сидят десять министров-капиталистов, что война нам не нужна. На митингах их покушались избивать, но в большинстве случаев это были хлопцы решительные, которые умели уходить от покушений.

Я отвлекусь немного в сторону, рассказав о нашей поездке в Петроград. На транспорте „Кронштадт“ была выбрана тройка, в которую вошел и я, для посылки в Петроград затем, чтобы в морском ведомстве получить разрешение на выплату разницы. В Петрограде я и мои товарищи стали присматриваться к новым порядкам. Скоро мы попали в дом Ксешинской, где помещался штаб большевиков; там находились Ленин и Троцкий, там сосредоточилась вся работа, оттуда рассылались газеты на фронт—„Окопная Правда“, „Правда“, листовки и воззвания. С фронта в этот дворец приходили оборванные солдаты, они обмывались там в роскошных ваннах, отдыхали и потом, набрав литературы, уезжали в окопы.

Когда мы пришли во дворец Ксешинской, то большевики предоставили нам помещение. Пребывание в этом дворце оказало на нас большое влияние. На обратном пути мы в Симферополе наткнулись на пропускной пункт. Нас предупредили, что, если мы везем большевистскую литературу, то у нас ее конфискуют и нас посадят. Мы получили бесплатно эсеровскую и кадетскую литературу и среди нее мы спрятали большевистскую, главным образом, письмо тов. Ленина крестьянскому с‘езду.

Когда я приехал на транспорт „Кронштадт“, там уже образовалась группа человек в 8 большевиков, стоявших еще вне партии. Среди них был матрос чертежник. У него в чертежной мы спрятали большевистскую литературу; эсеровскую литературу я не сжигал, а кадетскую мы сожгли. Мы стали раздавать „Письмо Ленина крестьянскому с‘езду“. Когда литература была роздана, поднялся вой среди офицеров, кричавших о том, что приехали германские шпионы и нужно их отдать под суд. На общем собрании нам пришлось оправдываться и в конце концов нас оставили в покое.

В начале 1918 г. я был избран председателем главного заводского комитета. До этого момента заводские комитеты были слабы; матросы пред‘являли целый ряд требований, не сговариваясь с рабочими, часто даже выступая против них. Часто создавалось положение, когда миноносцы наводили пушки на заводские комитеты с требованием выдать такое-то количество кожи и материалов.

В Симферополе в это время стали организовываться татарские эскадронные полки. Не помню, в какое время это было, когда прискакал конный отряд во двор исполкома и сообщил, что появился раз‘езд татарских эскадронцев и предполагается перерезать матросов и рабочих, которые приняли участие в революционном движении.

Трудно передать, что произошло. Был дан тревожный гудок, и весь порт наполнился рабочими, безоружными и вооруженными, которые требовали, чтобы их повели в бой. Я находился возле арсенала. Рабочие выбили двери и нарасхват разобрали оружие. Брали берданки и к ним трехлинейные патроны и наоборот. Босые садились на линейки и направлялись к Камышловскому мосту.

Революционный комитет издал приказ о том, чтобы все ответственные работники остались на местах. На состоявшемся митинге выступил т. Мокроусов, который доказывал, что Симферополь нужно разгромить. С отрядом выступил т. Мокроусов. В районе около Камышловского моста произошла первая стычка. Когда Мокроусов подошел к Бахчисараю, он увидел, что выступившие с ним отряды недостаточно вооружены и дисциплинированы; он сообщил по прямому проводу в заводской комитет, что нужно посылать хорошие отряды.

В 12 часов ночи вызывает меня Мокроусов и говорит: „Тов. Колосов, дайте тревожные гудки, вызовите рабочих, сорганизуйте отряд в 800 человек. Дайте им винтовки и побольше патронов и немедленно присылайте в Бахчисарай. Ответственность за неисполнение этого ляжет на вас“. Когда я принимал эту телефонограмму, я знал, что в городе распространяются провокационные слухи; я понимал, что возможна

провокация и по телефону, и поэтому не решался открыть гудки. Я посоветовался с тов. Морозовым, как поступить. В экипаже стоял небольшой конный отряд; мы позвонили, вызвали его и решили дать гудки *).

Город был взбудоражен, рабочие начали, как и в первый раз, бежать кто в чем попало; собралось до 1000 чел., много солдат, масса молодежи. Нам удалось создать отряд в 1000 чел. с большим количеством винтовок и отправить их на фронт под Симферополь. Попутно мы сорганизовали десант, который должен был высадиться в Евпатории и зайти в тыл.

Симферополь был взят, татары разбиты, и нам удалось захватить некоторых главарей. Матросы были очень возбуждены и начали повторяться эксцессы по отношению к офицерам и буржуазии: им мстили за то, что они создали контр-революционную силу, которая пыталась захватить Севастополь. Создалась такая атмосфера, что нужно было охранять все мосты и склады, потому что начали происходить грабежи.

Т.т. Александров и Пожаров были заняты тем, что старались удержать матросскую массу. Мы организовали охрану складов. Революционный же комитет организовал охрану города; когда стал вопрос, как назвать эту охрану, то некоторые товарищи хотели назвать ее „Революционной гвардией", но в то время было еще сильно влияние меньшевиков и эсеров, и они охрану назвали: „Рабочая дружина по охране города". Средства для организации были отпущены торгово-промышленниками города.

Заводской комитет севастопольского порта находился в тяжелых условиях, ибо около него не было сплоченной силы. Правда, была организация большевиков в количестве 35 чел., они помещались в народном доме и тратили много усилий, чтобы сдержать провокационную работу; доходило до того, что жители и некоторые матросы окружали этих товарищей и требовали их смерти.

После „татарского нашествия" заводской комитет занялся своей внутренней жизнью, организацией производства. Вскоре Украина была оккупирована немцами. У меня в памяти осталось последнее заседание перед приходом немцев. На этом заседании были Спиро, Гавен в красноармейской форме, только что приехавший с фронта, Александров, Пожаров и еще целый ряд товарищей. На этом заседании левый эсер, комиссар Черноморского флота Спиро стал

---

*) Автор имеет в виду события, происшедшие в Севастополе в 2 часа ночи с 10-го на 11-е января.

События эти описаны Гавеном в 1-м вып. „Революция в Крыму".

Редакция.

настаивать на необходимости защищать Перекоп. Развернули карту и стали смотреть, как укрепить Перекоп. Тов. Шашко и еще некоторые товарищи указывали, что дело скверно: имеется всего небольшое количество рабочих и матросов и больше ничего. Вот в каком положении оказался комитет перед задачей защиты Крыма.

Было получено по радио сообщение Вильгельма о том, что милостью божией войска кайзера заняли Украину и движутся на Крым. Ревком начал формировать части и отправлять на Перекопские позиции и на защиту Чонгарского моста: всего было сорганизовано человек 200.

Когда нам сообщили, что немцы нас обошли и находятся в тылу, мы начали отступать на Севастополь. Подойдя к Симферополю, мы там застали панику. Красногвардейские части отступали. Я пошел ночевать к рабочему портового завода. Когда я проснулся утром и вышел в город, то я был поражен, когда я встретил петлюровский автомобиль с надписью „Петлюра" и увидел, что по всему городу расставлены гайдамаки. На моих глазах стали хватать матросов, выводить на кладбище и расстреливать. Особенную кровожадность проявили националисты-татары. Один мой товарищ был схвачен только потому, что у него была рубашка-матросска.

В это время открылся бой. Гайдамаков задержали в Симферополе; затем небольшой отряд красных оборонял станцию Альму. Сопротивление немногочисленных красных было сломлено, и Крым всецело оказался под властью немцев и гайдамаков.

Колосов.

(Моряк, рабочий Севастопольского порта).

Работа в Севастополе в период с сентября 18-го по май 19-го года.

После отступления красной гвардии и флота в Новороссийск и вступления немецких войск в Севастополь я был вовлечен в подпольную работу. Подпольный комитет работал в районе порта в Татарской слободке. Детали работы подпольного комитета мне не были известны. Я имел исключительно задание — организовать закупку оружия, как-то: винтовки, револьверы, бомбы, пулеметы и патроны к ним. Я исполнил поручения партийного комитета.

В октябре 1918 г. мне было поручено организовать из надежных товарищей „союз бывших солдат" и ком'ячейку при этом союзе. Через месяц ком'ячейка имела уже до

10 товарищей, и мы при ее помощи вели определенную работу в союзе. Мы распространяли летучки и воззвания и на собраниях проводили линию комитета, откуда получали директивы.

Постепенно влияние ком'ячейки в союзе, имевшем около 200 человек, завоевало весь союз; ячейка постепенно росла. На перевыборах правления союза прошли три коммуниста: т.т. Руман (подпольная кличка Поляков), Кутнер Матвей, без клички, и еще один коммунист, фамилии которого не помню.

После организации ком'ячейки работа была направлена по таким направлениям: 1) приобрести оружие, 2) организовать подпольный батальон. Вскоре удалось через моряка Зимина, по кличке Иванов, организовать ком'ячейку при союзе моряков. При этом союзе образовался подрывный отряд, который в то время еще не был подчинен комитету.

Работа наша распространялась, главным образом, на „союз бывших солдат и моряков". В немецкой армии и флоте работу по распространению летучек и воззваний и организации немецкой секции выполнял тов. Саша Вапельник, который имел вокруг себя товарищей немецких моряков и солдат. Они вели работу исключительно через немецкую секцию. Тов. Саша имел свободный доступ на суда, как ветеран войны 1914—1917 г. Через немецкую секцию велись заготовка и приобретение оружия; были приобретены пулеметы и винтовки. Несколько раз на секцию налетали шпики немецкого командования, но раскрыть секцию белым не удалось. Немецкая секция, кроме распространения летучек и воззваний, вела и индивидуальную агитацию в союзе бывших солдат и моряков, которые имели непосредственную связь с крепостью и портом.

Работа подрывного отряда под командованием т. Войчак, по кличке Грыценко, велась слабо; велась лишь подготовительная работа. Концентрация отряда была на Татарской слободке и Северной стороне.

Бывали недоразумения с Грыценко, который часто не подчинялся требованиям комитета. По заданиям ревкома отряд тов. Грыценко должен был взорвать поезд со снарядами на Северной стороне; но тов. Грыценко на улице был схвачен, и в результате получился провал склада оружия по Хрулевскому спуску. Грыценко был членом ревкома и имел связь со всеми активными товарищами; подозревая провокацию, члены комитета Назукин и Шустер после провала склада оружия срочно покинули Севастополь; после ясной картины провала помещения партийного комитета, находившегося по Екатерининской, № 17, в квартире Саши Вапельника, мне и Саше пришлось уйти пешком на Евпаторию.

Перед уходом в Евпаторию печать ревкома была нами оставлена у верного товарища, непричастного к работе, Берестецкого, жившего по Одесской улице.

По возвращении в Севастополь в январе месяце 1919 г. числа 29-го мне начальник второй группы подрывников тов. Иванов заявляет, что необходимы средства для заготовки динамита и прочего. Я отправляюсь в ОК в Симферополь к товарищу Копайгородскому; мне заявили, что денег нет и что ОК переехал в Феодосию, вследствие провала. Вернувшись обратно в Севастополь через несколько дней, я узнал, что ком'ячейка не провалена, а комитет провален и никого из наших нет.

Срочно были приняты меры к организации комитета. Кстати, из Харькова приехал командированный в Севастополь тов. Джигинас, по кличке Овсянников, и с ним приехали товарищи Городецкий, кличка Жан, и Занько.

Решено было созвать собрание товарищей, уцелевших после провала. Собрание состоялось на Татарской слободке в квартире рабочего; был заслушан доклад тов. Городецкого по организационному вопросу подпольной работы; выяснены были все результаты провала и намечена была предварительная работа. После довольно бурного заседания был избран комитет, в который вошли следующие 7 товарищей: т.т. Городецкий (Жан), Иванов (Зимин), Руман (Поляков), Шатов (Миша), Рожнов (Жорж), Овсянников, комиссар порта в 1919 г.

Комитет выделил оперативную тройку, в которую вошли т.т. Иванов, Поляков и Жан (Городецкий). На следующий день были распределены функции среди членов комитета: тов. Иванову—организация и ведение подрывных работ; Полякову—организационная и агитационная работа; Жан ведет работу связи; явки и пароли передаются тов. Полякову; Шатов (Миша)—ведет работу в союзах; Рожнов—работу среди флота. Заседания комитета происходили два раза в неделю в квартире Миши (Шатова) и в других местах.

Непосредственную работу в союзе бывших солдат взял на себя Поляков. План работы был намечен следующий: работать на почте и телеграфе (тов. Зеленский), держать связь со штабом, а также радиостанцией. „Союз бывших солдат и моряков" под руководством ком'ячейки сорганизовать и подготовить к восстанию.

Работу среди французских войск вел тов. Жан и еще один тов., который писал исключительно воззвания. После того, как был намечен план работ и получены средства, привезенные тов. Джигинас, было отпечатано и выпущено более 30.000 летучек за февраль, март и апрель м-цы. Листовки были обращены к французам, греческой армии,

к рабочим и солдатам. Воззвания критиковали политику Крымского правительства.

Комитет занимался организацией ком'ячейки на местах. Ком'ячейки были следующие: 1) союз бывших солдат, 2) союз бывших моряков, 3) союз швейпрома, 4) нарсвязь, 5) порт, 6) Татарская слободка, 7) Цыганская слободка, 8) Балаклава и 9) водники; были еще ком'ячейки, но точно их названия не помню. Связь с ячейками поддерживалась непосредственно через руководителей членом комитета.

Воззвания и агитация пустили глубокие корни в массах, в армии и флоте. Брожение и возмущение против белых были повсюду.

В это время связь с ОК держалась через Полякова; литература получалась из Симферополя, но она часто теряла свое значение, потому что события развертывались быстрее, чем получались те или другие воззвания от ОК. Живую связь с ОК держали т.т. Макс Каплан, Копайгородский и еще ряд товарищей, которые часто приезжали в крупную севастопольскую организацию. Отсюда они забирали для взрывов динамит и отвозили в Симферополь. В конце марта прибавились к числу наших работников еще товарищи Торба и Голенбовская.

Меж тем, на заседаниях комитета нам все более казалось, что подошел момент к поднятию всеобщей политической забастовки по всему Крыму; стали мы подсчитывать силы и оказалось, что, за исключением Севастополя, крымские организации не подготовлены; ОК, находившийся в Феодосии, тоже оказался совершенно неподготовленным. События летели с быстротой поезда.

Вот собрались на митинг рабочие порта в цирке Труцци; из выступлений рабочих видно было, что экономическая забастовка на носу; нужны руководители, а меньшевики сдерживают движение и стремятся его провалить. На заседании партийного комитета было решено запросить другие города Крыма; комитетом были учтены военные силы „союза солдат и моряков"; обнаружилось, что силы недостаточны и поэтому решили портовых рабочих поддержать в случае выступления, но стараться удерживать их от вооруженного столкновения до выяснения сил по Крыму.

Комитет срочно созвал городскую конференцию в доме амнистированных рядом с Историческим бульваром. Конференция работала под охраной самих амнистированных с большим риском. Главное участие и гостеприимство было оказано тов. Лепин (спартаковец, латыш, рабочий-поэт завода „Феникс", отбывший 10 лет каторги, умер в крымском подполье при Врангеле).

Когда открылась конференция, тов. Лепин от имени амнистированных заявил, что он рад, благодарен и счаст-

лив, что коммунистическая организация открывается в стенах амнистированных больных, которые головой своей ручаются за сохранность конференции в столь решительный исторический момент; были расставлены патрули из самих амнистированных, и конференция приступила к работе.

Присутствовал член ОК тов. Беков (Журавлев) и от евпаторийской организации два товарища; всех участников в конференции было до 25 человек. На повестке дня были вопросы: 1) доклад симферопольской организации, 2) доклад о деятельности парткомитета, 3) политический момент в Крыму, 4) о положении в связи с брожением среди рабочих, 5) выборы комитета.

На конференции, поскольку я помню, но урывками, были приняты следующие постановления: всеобщую забастовку об'явить и взять на себя руководство ею; немедленно снестись со всем Крымом на предмет поддержки всекрымской политической забастовки и затем дать возможность скорей войти Красной армии в Крым, подготовив вооруженное восстание.

Через неделю результаты конференции сказались: были созваны митинги в цирке; затем на конференции всех заводских комитетов и профсоюзов была об'явлена всеобщая забастовка. На этой-же конференции от имени коммунистической партии выступил тов. Жан под именем „Борис № 1" (так как тов. Занько работал под кличкой „Борис № 2" и Поляков—„Борис № 3"). Выступление представителя компартии с призывом ко всеобщей забастовке пролетело, как гром; забастовка была об'явлена,—весь город замер. В стачечный комитет вошли т.т. Горячко, Козлов, Семенов, Дроздов, Городецкий (Жан), других не помню; в ревком вошли и левые эсеры*).

За время забастовки ком'ячейки подтянулись; ячейка „союза бывших солдат и моряков" созвала общее собрание всех бывших солдат; на собрании был поднят вопрос о поддерже стачки вооруженной силой. Под громовое „ура" был принят клич—„Да здравствует власть советов!" Двери и выходы были заняты солдатами; офицеры и носу не показывали вблизи. Резолюции и воззвания к рабочим от солдат были срочно отпечатаны на гектографе в союзе металлистов. Тов. Морозов принял активное участие в печатании летучек, и через два часа 300 экземпляров было расклеено по городу.

Сразу стал заметен упадок духа у белых. А солдаты-фронтовики не шутят: организовался штаб батальона „союза бывших солдат", штаб поместился недалеко от реального училища. Членами штаба были: Павлов, Конуга, Поляков

---

*) Автор имеет в виду мартовскую забастовку 19-го года незадолго до вступления красных в Севастополь.

Примеч. редакции.

и еще три товарища, фамилии которых не помню. Было решено проверить состояние отделений и взводов и установить связь с окраинами; мне пришлось в Бартеньевке созвать часть отряда и подсчитать вооружение и прочее; все было учетно, после чего было передано в ревком и стачком, что штаб батальона с отрядами находится в их распоряжении.

Партийный комитет работал интенсивно. И все же забастовка была сорвана; после 7 дней начались аресты коммунистов; были арестованы Жан (Городецкий), братья Кутнеры, Горячко, Морозов, всего 18 человек. Арестованные были отправлены в Симферопольскую тюрьму.

На заседании комитета решено было делегировать т. Полякова в Симферополь для принятия мер в симферопольской организации. В Симферополе т. Шустер от имени ОК передал мне инструкцию на полотне, где было указано, что Красная армия должна вступить вскорости в Крым, необходимо взорвать один из мостов для приостановки железных дорог, чтобы не дать отступать противнику в Севастополь с фронта; затем ОК и горком посылают меня выступить на конференции межсовпрофа с правлениями союзов, где председательствовал меньшевик Немченко. Выдвигался вопрос о мобилизации; меньшевики держались политики не подымать этого вопроса; правые эсеры заявили: если вопрос будет разбираться, они покинут собрание. Я внес предложение от компартии—вопрос принять, и он был принят.

Эсеры ушли, выступления от компартии были приняты рабочими единодушно, меньшевики оказались в меньшинстве; победила резолюция, предложенная тов. Баранченко (Бунд): не дать ни одного солдата. Наша большевистская резолюция собрала двумя голосами меньше; но мысль обоих резолюций была почти одна и та же; в конце концов в поправках были приняты предложения компартии.

По призде в Севастополь инструкция ОК относительно взрыва моста была мною передана начальнику подрывного отряда тов. Иванову к исполнению. Через два дня Инкерманский мост взлетает; но не весь мост взрывается. Этим задержан был воинский поезд только на двое суток.

По распоряжению ревкома начальником штаба назначается тов. Иванов и все переходит в распоряжение начштаба. Штаб „союза солдат“ посылает своего представителя тов. Конуга для вхождения в штаб военно-революционного комитета. В это время Красная армия прорывает Перекоп.

Меж тем, летучки и воззвания, разбросанные среди моряков и армии союзников на французском и греческом языках, возымели огромное влияние: образовался стихийно-французский комитет, от которого получено было письмо о том, что французские моряки приветствуют русскую про-

летарскую революцию. Началось брожение и восстание моряков французского флота.

Ревком и штаб ревкома поместились в союзе строительных рабочих; работа кипит; „союз бывших солдат и моряков“ разбросан по окраинам, чтобы ударить в тыл противнику и облегчить наступление Красной армии. Ревком приказывает начальнику штаба не предпринимать никаких выступлений, а ждать распоряжения; солдаты же и моряки подпольного батальона рвутся ударить в тыл.

Были единоличные выступления на Татарской слободке, так что главным французским командованием был издан приказ о том, что в городе стреляют в спину французских войск, стоящих на линии окопов, посему приказ предупреждает об обстреле города в случае повторных нападений на войска Антанты, т. е. на чернокожих, греков и французов.

После переговоров при участии нашего подпольного ревкома в лице тов. Городецкого началось перемирие.

Военно-революционный комитет об‘явился легально и перешел во дворец. Штаб-же военно-революционного комитета нелегально помещается в нижнем этаже и продолжает свою работу. Сейчас-же по вступлении ревкома в легальное положение мною был поднят на мачте над дворцом красный флаг Р. С. Ф. С. Р., приготовленный за два дня раньше.

Французы еще в городе, а знамя развивается.

Революционный комитет и рабочие Севастополя преподносят шелковое знамя французским революционным морякам за восстание на Черном море. На знамени было начертано: „Французским морякам от революционных рабочих г. Севастополя. Да здравствует Всемирная Революция!“ Это было нанисано на французском языке.

Вскоре зашли Красные войска.

Руман-Поляков.

Расстрел манифестации французских моряков в Севастополе.

(Воспоминания революционера *).

Советские войска продвигались к Севастополю. Пал Симферополь, Бахчисарай. Греческий батальон, посланный союзниками на защиту „твердынь“ Крыма, вернулся в Севастополь настолько потрепанным, что о нем старались официально не говорить, чтобы не создавать конфуза и не подрывать престижа оккупационных властей. По улицам часто дефилировала английская морская пехота с музыкой и в полном боевом вооружении,—„союзникам“ нужно было обеспечить спокойный отход и подготовиться к эвакуации, так как они отлично сознавали, что при сложившейся кон'юнктуре им все равно не продержаться. Общее положение усугублялось еще тем, что ясно выявлялось брожение среди французских войск, главным образом, моряков, и недружелюбное, враждебное отношение к оккупантам и их ставленникам со стороны трудящихся Севастополя.

В городе было неспокойно. Одни радовались, что наступал конец хозяйничанью „знатных иностранцев“; другие с тревогой смотрели на мрачное будущее—изгнание, эмиграцию; третьи—их было большинство—опасались за свою судьбу, зная ту позицию, которую заняло союзное командование, решившее оставить Севастополь под канонаду орудий дредноутов.

Скоро стало известно, что советские войска находятся на подступах к Севастополю—за Балаклавой, у английского кладбища, у имения Максимова: красные залегли цепью, окопались, собираясь ударом положить конец игре союзников и греческого командования.

*) Автор не просто „революционор“, а „социалист-революционер“ и даже из тех, кто немало хлопот доставил органам, именующимся ныве „Г. П. У“. Но его воспоминания дают связную, правдоподобную картину манифестации французских моряков,—это послужило достаточным основанием к их напечатанию. Редакция.

Напрасны были усилия дипломатического посредничества городского головы В. А. Могилевского, ездившего неоднократно от имени городской управы к командованию наступавшей красной армии. Он возвращался ни с чем.

Союзники не собирались убираться во свояси, красные войска не желали входить в город, пока последний из оккупантов не уйдет за пределы Крыма...

И началась „оборона"... С дредноутов союзников, стоящих на рейде, был открыт сокрушающий... воздух и английское кладбище ураганный огонь по окопавшимся советским войскам. Последние отвечали пулеметным и ружейным огнем, вероятно, тоже для видимости, потому, что кроме усиленной паники и страха мирных обывателей граждан Севастополя, другого они мало достигали.

И день и ночь французские дредноуты—„Мирабо", „Жан-Барт", „Республика", английские—„Император Индии", „Императрица Елизавета", греческие суда и миноносцы посылали советским войскам через город 12-тидюймовые снаряды, а по улицам города, притаившегося, пустынного, бегали, как кошки, вооруженные до зубов в защитных стальных касках греческие воины и своей беготней нагоняли еще больший страх на выглядывающих изредко на улицы севастопольских мещан и обывателей.

Достопочтенное купечество позакрывало свои магазины, накрест наклеив бумагу на стекла, которые нередко лопались от канонады. Рабочие волновались, ждали с нетерпением конца глупой, никому ненужной, кроме как союзникам и их приказчикам, „обороны".

Но долго так продолжаться, конечно, не могло. У французских моряков, проводящих дни и вечера во время перерывов канонады по севастопольским барам, кофейням и кабачкам, возникали, естественно, вопросы: кто же этот враг, что стоит за городом и которому так усердно высшее командование заставляло их посылать 12-тидюймовые „чемоданы".

Ответ они получили очень скоро. В Севастополе было много моряков Черноморского флота, подпольных большевиков и рабочих, враждебно настроенных против незванных „знатных иностранцев"—оккупантов Крыма. От них экспансивные французские моряки скоро узнали о тех, кто залег в окопах под Балаклавой, у имения Максимова и за английским кладбищем. А узнав,—решили действовать.

Был первый день Пасхи 1919 года. Ясный солнечный день. На Екатерининской, Большой Морской, Нахимовской и на Графской пристани замечалось небывалое оживление среди французских моряков, как всегда сошедших на берег без оружия. Как всегда, греческие патрули провожали французов с нескрываемой злобой. Французы, главным образом,

моряки, группами ходили по улицам, некоторые с красными бантами на груди, оживленно переговариваясь на своем звучном жаргоне с проходившими товарищами.

Часа в 2—3 дня прибежал ко мне мой товарищ и сообщил мне, что по Большой Морской двинулась манифестация французских моряков с красным знаменем по направлению к Нахимовскому проспекту. Я поспешил на Большую Морскую. Нагнав толпу празднично одетых граждан у фотографии Мазур, я узнал, что только сейчас была ранена в ногу проходившая по улице сестра милосердия. Взволнованная публика возмущалась предательски-мерзкой выходкой союзного командования, приказавшего грекам открыть из пулемета огонь по проходившей толпе манифестантов. Я узнал, что манифестация французов и русских пошла к Нахимовскому проспекту. У аптеки Маллера на Большой Морской, недалеко от часовни, я увидел остановившуюся толпу французских моряков с неизменными красными помпончиками на круглых синих шапочках, примерно, человек 200—300.

Среди них было немало „вольных“ граждан—русских. По внешнему виду, манерам, жестам я сразу же узнавал в толпе хорошо мне знакомых „братишек“—русских матросов. Вижу знакомые лица. Около француза-знаменоносца, высокого, стройного с черными кудрями и горящими глазами на смуглом лице, стояли наши русские товарищи.

Манифестанты стояли на мостовой, обсуждая план дальнейшего шествия. Немного дальше, на тротуарах, стояли кучки французских моряков, которые окружили своих офицеров и горячо спорили с ними.

Подхожу к одной из них.

— Почему вы не идете с нами? Вы сторонитесь нас, потому что мы идем с красным знаменем? Мы так хотим— и вы должны быть вместе с нами!

— Да, я пошел бы с вами—отвечал французскийофицер,—если бы, вместо этой красной тряпки, вы шли бы под трехцветным национальным флагом.

Они продолжали спорить дальше, и их выразительные жесты принимали все более и более угрожающий характер.

Я хотел пробраться в гущу манифестантов к красному знамени. Не успел протолкаться и пары шагов, как вдруг, словно волной, был сбит стоящими впереди рядами. Послышались резкие залпы.

Обезумевшая толпа хлынула назад и бросилась бежать кто куда мог. Я не успел увидеть в ту минуту, откуда стреляли. В голове мелькнула мысль, что снова французское командование приказало открыть пулеметный огонь сверху города.

Толпа несла меня назад. Я вбежал в аптеку Маллера, как раз напротив того места, где стояла манифестация. Впереди меня бежало несколько французских моряков и граждан, а сзади трещали залпы все чаще, все сильнее. У самого входа в аптеку бежавший впереди меня полный мужчина упал, и я услыхал вслед за этим резкий треск в каменном косяке входной двери, словно прожужжала пчела.

В аптеке было уже немало народа; было несколько женщин, видимо проходивших в минуты расстрела манифестации по улице. Они лежали в обмороке. Все с затаенным дыханием ожидали развязки неожиданной кровавой трагедии... Я смотрел на улицу в широкое окно аптеки, и предо мной, как на экране, проходили последние минуты дикой расправы с манифестантами. На тротуаре и мостовой лежало несколько моряков и граждан без движения. Высокого смуглого француза-знаменоносца не было видно.

У спуска на Большую Морскую улицу, вблизи 1-го участка бывшей полиции и против здания городского собрания, на мостовой и тротуаре стоял греческий патруль и с колена стрелял пачками по убегавшей наверх к Хрулевскому спуску назад на Большую Морскую падавшей в подвалы, обезумевшей от страха толпе моряков и граждан. Раненые, один за другим, падали, корчась в судорогах... Через несколько минут все стихло.

Когда прекратился расстрел, я направился к упавшему передо мной гражданину, лежавшему у входа в аптеку и оказавшемуся ученым биологом Кушнаревым. Со стаканом воды я тщетно пытался привести его в чувство. Я разорвал его одежду. На груди у него было круглое возвышение, напоминавшее большую грушу; грудь была залита кровью, а часть спины была разорвана в клочки, словно в нее попало снарядом. Греческие солдаты, эти бессловесные рабы бездушной дисциплины французского командования, без малейшего предупреждения в мирную невооруженную манифестацию французских моряков и русских граждан стреляли разрывными пулями „дум-дум“...

Вскоре все загнанные выстрелами в аптеку начали выходить на улицу. Прибыли французские патрули во главе с офицерами. Стали собираться французские моряки—участники манифестации—и русские граждане.

В аптеку вносили раненых моряков и граждан, которые на глазах присутствующих умирали в страшных мучениях. Некоторые были буквально изрешетены разрывными пулями.

Припоминается сцена в аптеке. Вошел французский патруль с офицером. Вокруг лежавших на полу умирающих французских моряков собрались оставшиеся в живых. Многие рыдали над умиравшими в мучениях товарищами. Уви-

дав офицера, моряки бросились к нему и, указывая на лежавших в аптеке, еще недавно здоровых молодых моряков, испускавших теперь последние вздохи,—ударяли себя в грудь и кричали: „Это дело ваших рук!.. Мы отомстим вам за смерть наших товарищей“...

Я думал, что они растерзают офицера, пришедшего с вооруженным патрулем,—так велика была их злоба. Офицер, смущенный, испуганный, вышел с патрулем на улицу, где уже увозили трупы граждан в городскую больницу. Греки, стрелявшие в толпу, исчезли.

К вечеру оживление на улицах стихло. Французских моряков не стало: все ушли на суда. По городу ходили усиленные французские, английские и греческие патрули. Все говорили о расстреле манифестации. Многие товарищи передавали мне, что на французских судах в этот день не развевались на фок-мачтах, вместо французских национальных флагов,—красные, и до берега с судов доносились громкие возгласы команды.

Через несколько дней союзники и флот уходили в Константинополь, увозя на борту дредноутов взбунтовавшихся моряков.

Участь последних и их главных руководителей и вдохновителей общеизвестна: французские моряки Марти и Бадина сидят в тюрьмах республиканской Франции 4-й год. Остальные участники, выхваченные военно-полевым судом из команд судов французского флота, бывшего в Севастополе,—осуждены на каторжные работы до 10 лет.

Я. Мас.

Евпатория с февраля 1917 г. до оккупации немцев.

I.

Февральская революция застала меня в Евпатории, где я работал в качестве слесаря на машиностроительном заводе. Революция здесь началась несколько своеобразно. Однажды, идя на завод, я услыхал со стороны вокзала пение „Боже, царя храни!“ Прихватив на заводе беспартийного тов. Годовского, я отправился на вокзал, где узнал, что в город только что прибыли из Петрограда два батальона гвардейских Преображенского и Семеновского полков. По словам солдат, в связи с развернувшимся в Петрограде революционным движением командование поспешило с отправкой их в Крым, как в более устойчивый в политическом отношении центр.

К вечеру офицерами-эсерами прибывших батальонов (не могу не отметить пресловутого прапорщика Гадалина,

ставшего потом одним из лидеров местных эсеров) был устроен в городе митинг, на котором присутствовавшие солдаты постановили: разоружить полицию, распустить старую городскую думу и земскую управу и взамен их избрать новые на основе „четырехвостки".

На следующий день состоялось общее собрание об'единенной социал-демократической рабочей партии, созванное с целью информации и обсуждения создавшегося положения. Собрание было чисто соглашательского состава. Из большевиков почти никого не было, кроме пришедших со мной рабочих, сочувствовавших нашей программе. Был избран партийный комитет из лидеров меньшевиков и Бунда.

В первых числах марта в городе была получена от петроградского совета телеграмма, предлагавшая произвести выборы в совет и послать делегатов на предстоящий Всероссийский с'езд Советов. Были произведены выборы в совет. Инертные массы гвардейских солдат выбирали по преимуществу своих офицеров-эсеров, увлекших их программой „Земли и Воли".

Из большевиков в то время, кроме меня, никого в совете не было. В совет попали в подавляющем большинстве эсеры, затем меньшевики и кадеты и даже... несколько „истинно-русских". Таким образом, первый совет оказался ярко-соглашательского состава.

Уход гвардейских батальонов в начале лета на фронт несколько разрядил сгущенную агитацией офицеров-эсеров политическую атмосферу. К тому же времени в Евпаторию стали с'езжаться из разных городов товарищи из нашей партии. Это дало нам возможность сорганизоваться и развернуть свою работу.

В числе первых членов большевистской группы формально еще единой организации с.-д. были товарищи: Жан Миллер, Свистунов, семья Елагинных, С. Поплавский, Турецкий, редактор „Революционной Евпатории" Якубовский и Мася Гриншпун, которая вела всю техническую работу в комитете; несколько позже присоединился т. Караев, бывший в начале революции ярым толстовцем.

Несмотря на пополнение нашей большевистской группы ответственными товарищами, работа в совете была попрежнему трудна. Примером эсеро-меньшевистского засилья может служить следующий весьма знаменательный факт: приблизительно в конце мая из Севастополя прибыли в Евпаторию два офицера, которые, связавшись с эсеровской фракцией местного исполкома в лице поручика Мишукова, Афанасьева и других, официально внесли в исполком предложение примкнуть к постановлению севастопольского исполкома о недопущении в город т. Ленина в случае его приезда в Крым. Для разрешения этого вопроса Афанасьев,

как председатель исполкома, созвал экстренное заседание исполкома, на которое я был вызван с завода, где работал.

Кроме меня, в исполком входили два большевика: Свистунов и еще один, фамилии которого не помню. Ясно, конечно, что, несмотря на наши протесты, было принято заранее сфабрикованное предложение эсеро-меньшевистского большинства о недопущении т. Ленина в Евпаторию; здесь же были избраны два члена исполкома для дежурства на станции, которым были даны директивы: в случае приезда т. Ленина предложить ему в город не в'езжать, а с первым поездом уехать обратно; если же он не пожелает подчиниться этому требованию, то добиться его от'езда, не останавливаясь перед репрессивными мерами.

Развитие нашей большевистской группы в направлении выделения ее в самостоятельную организацию с июня-июля месяца стало на твердую почву. Мы выработали план нашей деятельности для завоевания влияния в массах, еще находившихся вполне в руках эсеро-меньшевиков. Было решено центр тяжести работы перенести на профсоюзы, чтобы, разгромив эти цитадели меньшевизма, через профсоюзы большевизировать совет. Дальнейшие события показали правильность нашей тактики. Именно этим путем мы достигли через несколько месяцев полного влияния и в профсоюзах и в совете, а в об'единенной организации с.-д. мы своею деятельностью завоевали большинство и заставили лидеров меньшевиков и бундовцев покинуть ряды организации. Произошло это, приблизительно, в середине сентября 1917 года.

Наша организация получила влияние не только в городе, но и в деревне и, продолжая постепенно расширяться, достигла к середине октября солидной цифры в 100-120 человек.

С получением известий о происшедшей в Питере пролетарской революции наша организация решила действовать, и в первых числах ноября на общем собрании было постановлено дать директиву нашей фракции в совете провести на широком пленуме вопрос о переходе власти к советам.

Тут нужно сказать, что при решении этого вопроса наша организация разделилась во мнениях: некоторые товарищи стали на точку зрения Зиновьева о несвоевременности этого шага. В конце концов победила другая точка зрения, которой придерживался и я.

II.

Евпаторийский Совет, несмотря на преобладание соглашательских элементов, высказался за признание власти питерского Совнаркома.

Это дало толчек к организации контр-революционных сил. В то время в Евпатории было на излечении в военных госпиталях множество офицеров, да и другой буржуазии достаточно понаехало с севера. Из них то и стали организовываться подпольные военные организации. Действовали они при поддержке татарских эскадронов пресловутого „Курултая".

По сведениям нашей организации, ими подготовлялось массовое избиение как большевиков, так и рабочих и крестьян, стоявших на платформе советской власти. Первые шаги в этом направлении они сделали, захватив в свои руки пулеметы и разоружив стоявший в Евпатории отряд воздухфлота и школу летчиков. Узнав об этом, мы вызвали из Севастополя на помощь матросов. Прибывшим миноносцем был пред'явлен офицерам ультиматум: сдать пулеметы обратно отряду и школе,—в противном случае рабочее население уйдет в Саки, а миноносец начнет расстрел оставшихся из морской артиллерии. Испуганное офицерство и эскадронцы поспешили согласиться и дали требуемое обещание. Они, понятно, солгали. По уходе миноносца они не только не выполнили обещания, но через пару недель, в середине января 1918 года, изменническим образом захватили господствующий над Евпаторийским побережьем артиллерийский пункт с целью воспрепятствовать дальнейшему приходу Севастопольского флота.

Благодаря захвату такого важного пункта, офицеры получили преобладающее значение в городе, и, если бы не помощь революционного флота, нашей организации пришлось бы плохо. Офицеры исполнили бы свое намерение и перевешали бы всех, кто стоял на платформе советской власти.

Тут нужно упомянуть про смерть т. Караева, бывшего одним из виднейших членов нашей организации. Самостоятельно, без директив организации, он явился к офицерам добиться освобождения арестованных при разоружении батарей. Здесь он был схвачен и замучен белогвардейцами: после страшного избиения его живым зарыли в песок. На другой день после убийства Караева пришла помощь от севастопольских моряков в виде двух крейсеров. Мстя за зверства офицеров, матросы фактически уничтожили всю подпольную и явную контр-революцию в Евпатории.

Тогда же был организован военно-революционный комитет, в конце января замененный выборным исполкомом следующего состава: Демышев (председатель), С. Поплавский, Вл. Елагин (секретарь), Матвеев, А. Елагин и Немич—большевики, Левдик-Занаревский, Тарубаров и Кебабчьянц—левые эсеры.

После ухода крейсеров обратно в Севастополь перед исполкомом, помимо текущей работы, стал вопрос о создании

реальной силы для защиты революции. С этой целью была об'явлена запись в красную гвардию. Предварительно были назначены докладчики по профсоюзам для раз'яснения задач красной гвардии с призывом к членам союзов записываться в нее. В результате записалось 120—150 человек, во главе коих стал С. Немич.

В середине марта мы получили приказ Крымского революционного штаба выслать красную гвардию на Перекопский фронт. Приказ был исполнен, и гвардия выступила в пешем порядке на север. Однако, через 2—3 дня ночью она возвратилась обратно. Начальник гвардии т. Немич распустил красногвардейцев по домам, а сам за неисполнение приказа о явке в штаб был арестован начальником штаба Матвеевым. Красногвардейцы, узнав об аресте своего командира, на рассвете освободили его и арестовали т. Матвеева. Немич для дачи показаний явился в штаб и после опроса, почувствовав преступность своих действий, пытался застрелиться и тяжело себя ранил.

По поводу этих событий вечером 21 марта исполкомом был созван широкий пленум совета в городском театре с приглашением членов всех профсоюзов. После бурных дебатов, в конце концов, выяснилось, что происшедшее можно в значительной мере об'яснить личными счетами между Немичем и Матвеевым. Для ликвидации этого инцидента была создана чрезвычайная комиссия под председательством Шидарева, председателя уездного исполкома, тогда еще левого эсера.

Красногвардейцы пред'явили следующие требования: 1) командиром отряда назначить т. Валькевича (до настоящих событий бывшего нач. штаба, вследствие проявления „партизанских“ тенденций смещенного и замененного Матвеевым), 2) выдать отряду полное обмундирование. Оба требования были удовлетворены, и на следующий день отряд, подчинившись приказу исполкома, выступил вторично на фронт.

Назначение Валькевича было, конечно, вынужденным, и, чтобы парализовать его влияние на отряд, наша исполкомская фракция назначила ему помощниками членами штаба т. т. Дмитриева, Находкина и некоторых других.

По отбытии красной гвардии из города чрезвычайная комиссия освободила Матвеева, считая лишним держать его под арестом. И вот, на следующий же день, около 12 час. дня, здание исполкома было внезапно окружено вернувшеюся на двух грузовиках частью отряда. Не найдя никого в исполкоме, красногвардейцы бросились на поиски членов исполкома по городу и успели арестовать т.т. Демышева и Кебабчьянца. В это время к исполкому явился председатель чрезвычайной комиссии по ликвидации событий т. Шидарев

и самым категорическим образом потребовал освобождения арестованных, ссылаясь на то, что он, избранный в комиссию всем отрядом, имеет право пред'явить это требование к части отряда и настаивать на выполнении его. На заявление красногвардейцев, что они не доверяют комиссии, выпустившей Матвеева, и что им выдан штабом мандат на право арестов членов исполкома, т. Шидарев раз'яснил, что Матвеев выпущен для следственных показаний, и еще раз приказал немедленно освободить арестованных. На этот раз требование было исполнено.

После этого произошло заседание фракции большевиков исполкома, где было решено, что т.т. Демышев, Кебабчьянц, Матвеев и Очкин должны уйти в подполье и что необходимо известить Симферополь о происходящих событиях и просить помощи. Решили также, что я, как рабочий местного завода, хорошо известный широким массам, профсоюзам и части красногвардейцев по заводу, должен остаться в исполкоме.

В это время в порту стоял следовавший из Николаева в Севастополь крейсер „Ястреб" с отборной, сознательно относящейся к долгу революционеров командой, на которую при случае можно было опереться. Из товарищей, ушедших в подполье, Демышеву и Кебабчьянцу удалось пробраться на этот крейсер, где я и держал с ними связь. Елагиных в то время в Евпатории не было; вследствие тяжелой болезни Вл. Елагина, они в двадцатых числах марта уехали в Симферополь.

На следующий день утром прибыли представители нашего центра т.т. Турецкий и Финогенов, а вечером того же дня явилась в город и остальная часть красной гвардии. Тотчас вместе с командиром и матросами „Ястреба" мы отправились в отряд для выяснения целей их прибытия в город. Мы застали красногвардейцев в состоянии полной растерянности, почему и удалось отложить переговоры на другой день. С этого момента представители центра почему то перестали принимать участие в ликвидации событий.

Утром ко мне в исполком явились представители отряда и потребовали созыва всенародного митинга. По этому вопросу вечером того же дня было созвано об'единенное заседание городского и уездного исполкомов, на котором в присутствии представителей отряда Майбороды и друг. было вынесено следующее решение: 1) созыв митинга ни в коем случае не разрешается, 2) отряд к 2 час. дня должен сдать в исполком все оружие и 3) обратно оружие смогут получить лишь те, кто представит ручательство своего союза.

На следующий день ко мне снова явились представители отряда и заявили, что митинг все-таки созывается

ими на Александровской площади. Ссылаясь на вчерашнее постановление исполкома, я потребовал его выполнения и категорически воспротивился созыву митинга. Представители отряда ушли, но через час вернулись обратно вооруженные и силой принудили меня и бывшего здесь младшего Тверденко следовать за ними на митинг. Очутившись на эстраде, окруженной тысячной возбужденной толпой, я заметил, что митингом руководит бывший офицер Власик, личность достаточно темная. И настроение толпы и поведение руководителя митинга ясно показывали, что надо быть готовым ко всему.

Власик предложил мне сделать доклад о последних событиях и вообще о деятельности исполкома. Указав в своем кратком докладе, что всякое замешательство и неподчинение приказам власти вредит товарищам, бьющимся с наступающими немецкими полками, и грозит срывом делу революции, я заявил, что в среду отряда, очевидно, влились контр-революционные элементы, которые разлагают его и вредят делу обороны Крыма. Для оздоровления отряда необходимо вынести резолюцию о подчинении постановлению гор. и уезд. исполкомов. В ответ раздались крики: „Бей его, что на него смотреть“.

Учитывая опасность момента, мои товарищи по заводу стащили меня с трибуны и, пользуясь наступавшей уже темнотой, увели с митинга. Уходя, я заметил, как на трибуну поднялся откуда то появившийся т. Турецкий.

После этих событий я счел за лучшее уйти на время в подполье. Через несколько дней мне удалось пробраться на „Ястреб“ к т. Демышеву.

Обсудив происшедшее, мы решили во что бы то ни стало пробраться в Симферополь для получения оттуда помощи и принятия соответствующих мер. Исполнение этого было поручено мне.

Когда я утром 21 апреля приехал в Симферополь, то не застал там никого: советское правительство эвакуировалось, оставив Симферополь без боя.

Немецкие войска уже взяли Джанкой и продвигались к югу.

О возвращении в Евпаторию не могло быть и речи.

С. Поплавский.

Расстрел Совнаркома и Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды в 1918 году.

(Воспоминания расстрелянного).

В апреле 1918 года на Крым усиленно стали наступать контр-революционные банды украинцев совместно с германскими империалистическими войсками. Молодая Крымская Советская Республика вынуждена была принять меры к защите.

Совнаркомом Крыма был организован военно-морской комиссариат во главе с военным комиссаром т. Гавеном и членами: Пожаровым, Богдановым, Шерстневым, Сафроновым и Спиро. По распоряжению военного комиссара было приступлено к организации Красной Армии и укреплению Перекопа для отражения наступающих контр-революционных банд.

Однако, укрепление Перекопа было незакончено, и Красная Армия не обладала достаточной боеспособностью, чтобы дать отпор наступающему врагу.

Внутри республики тоже было неспокойно: находившиеся в подполье белогвардейцы с успехом делали свое дело как среди военных, так и среди гражданского населения. Контр-революция не упустила из виду и Черноморской эскадры, находившейся в Севастополе,—этой главной базы советской власти в Крыму. Существовавшая в Севастополе Украинская Рада повела усиленную агитацию, указывая, что со стороны Перекопа наступают не контр-революционные банды, а рабочие-украинцы.

Этой агитацией Рада ввела в заблуждение севастопольских рабочих и моряков. Черноморский боеспособный флот, перед которым не могли устоять никакие белогвардейские силы, таким образом, был разложен. Вместо того, чтобы выступить для отражения наступающей белогвардейщины, по

предложению головы Рады Величко, черноморцы подняли на судах украинские флаги и тем самым перешли на сторону Украинской Рады и наступающих с украинцами их друзей немцев.

В таком положении приходилось работать защитникам советской власти.

К 20 числам апреля политическая атмосфера стала накаляться все сильнее и сильнее. В городе Симферополе было весьма неспокойно: Совнарком и ЦИК вынуждены были об'явить военное положение. Опорой были небольшие, но верные революции силы, состоящие в большинстве своем из рабочих завода Анатра. Комендант города Мурзак и начальник гарнизона Палутис все время охраняли в городе порядок и выполняли распоряжения Совнаркома и ЦИК'а.

18-го апреля узнали о падении Перекопа. Только что организовавшаяся незакаленная еще в боях Красная Армия не могла устоять против крупных контр-революционных сил. Красная Армия, продержавшись в течение пяти суток, в конце концов, должна была отступить, не имея подкреплений и пополнений.

В Севастополе в это время началось сильное разложение. Вошедшие в среду рабочих и матросов социал-предатели вели пропаганду за посылку делегации для выяснения вопроса,—кто наступает; агитация эта возымела успех, и, вместо подкреплений, была послана делегация во главе с рабочим меньшевиком И. Михайловым. Делегация скоро вернулась обратно, т. к. немцы уже подходили к ст. Сарабуз, в 18 верстах от Симферополя.

Совнарком и ТавЦИК решили отступить. Было намечено два пути отступления: один на Керчь и один на Севастополь. Для выяснения положения Севастополя 20-го апреля был командирован туда я, как товарищ председателя ЦИК'а, и комиссар земледелия Акимочкин.

По прибытии в Севастополь мы попали на заседание Совета, где решался вопрос об обороне советской власти. Нахимовская улица была вся забита черноморскими матросами-украинцами и севастопольскими обывателями, шедшими записываться в Раду для спасения своей шкуры.

Севастопольский Совет решил выступить на защиту Таврической республики, призвав в ряды защитников революционных матросов и рабочих. Севастопольские красные бойцы 20-го апреля выступили против наступающих белогвардейских банд. В тот же день я сообщил в Симферополь Совнаркому, что на флот полагаться нельзя, потому что три четверти матросов перекрасились в желтый цвет, и вряд ли в случае неудачи можно будет эвакуироваться на военных судах. Тогда часть Совнаркома и ТавЦИК'а выехала в тот

же день через Ай-Петри в Ялту, чтобы оттуда переехать в Керчь.

Вечером они прибыли в Ялту. Здесь также было неспокойно; ночью члены Совнаркома и ТавЦИК'а, совместно с Ялтинским Исполкомом решали вопрос о дальнейшем местопребывании военных властей. Ялтинский Исполком настаивал, чтобы Совнарком оставался в Ялте, а Совнарком указывал на невозможность продолжать работу в Ялте и вытекающую отсюда необходимость переезда в Керчь. Вопрос был разрешен в этом последнем смысле. Но переезд был весьма опасен, т. к. контр-революция охватила все уголки Советского Крыма. Она умело использовала национальные чувства темных татар и всполошила весь южный берег Крыма, заселенный в большинстве своем татарами. Белогвардейцам удалось спровоцировать татарские массы на выступление.

Ночью с 20 на 21 апреля в Алуште и окрестностях татары восстали против Советской власти. Был арестован председатель алуштинского исполкома и члены Совета и Исполнительного Комитета.

В это время я вел переговоры по прямому проводу и телефону с Севастополем и Алуштой. Вести переговоры было почти совершенно невозможно, потому что белогвардейцы, заняв Симферополь и расстреляв Палутиса, злоупотребляли его именем, отрывали нас от провода и не давали связаться с Севастополем. Связавшись, наконец, по прямому проводу с Севастополем, с военно-морским комиссариатом, я ничего не достиг, т. к. все члены последнего были на фронте. В конце концов, мне удалось связаться с Центрофлотом, куда я передал, что сорганизованный ялтинский отряд не может выступить навстречу немцам, т. к. не имеет вооружения. Мне обещали немедленно отправить в Ялту миноносец с винтовками, патронами и пулеметами.

Затем я вызвал по телефону алуштинский исполком и спросил, как обстоят дела в Алуште. Алушта ответила мне, что там тихо и спокойно. На мое предложение приступить к организации красных отрядов мне сообщили, что отряды „уже организуются“; я сделал распоряжение, чтобы усилили темп работы, и указал, что сам выеду в Алушту и буду там к 12 час. дня 21 апреля. Алушта ответила, что „будет меня ждать“.

Ночью с 20 на 21 апреля из Ялты был послан на Симферополь с целью разведки автомобиль, но к утру он не вернулся. Утром 21 апреля т.т. Слуцкий, Новосельский, Коляденко, Тарвацкий и Финогенов на двух автомобилях выехали из Ялты по направлению Феодосия—Керчь.

Однако, ехать им пришлось недалеко. В Алуште исполком был уже арестован белогвардейцами, и послед-

ние от его имени вели со мной переговоры по телефону. Автомобиль, вышедший из Ялты на разведку, был задержан татарами и разведчики расстреляны. Узнав по телефону, что скоро должны будут двинуться на Феодосию члены Совнаркома и ТавЦИК'а, белые решили действовать, преградив автомобилям путь. Для этой цели было поднято на ноги все татарское темное население, начиная от детей и кончая стариками и женщинами с грудными ребятами; между Ялтой и Алуштой, близ дер. Биюк-Ламбат, были устроены засады. Были выставлены на горе пулеметы, возле которых собралась вся татарская деревня, от малого до старого, под руководством офицерства.

Выехавшие из Ялты автомобили с членами Совнаркома, не доезжая до дер. Биюк-Ламбат, были остановлены пулеметным огнем. Члены Совнаркома арестованы и посажены в арестную. Автомобили, на которых ехали товарищи, сейчас же были пущены в ход. На один из них был поставлен пулемет и село 7 человек татар, которые и направились к Ялте.

Меж тем, я, Акимочкин и члены севастопольского совета Бейм и Баранов выехали, ничего не подозревая, из Ялты в Алушту в 11 часов дня 21 апреля. Машина была очень мала и малосильна для 4-х пассажиров и пятого шофера тов. Логинова. Мы имели ручные бомбы, но, чтобы в тесноте не взорваться, вынули ударники. Дорога была весьма хорошая, но все же ехать быстро не удавалось из-за перегрузки машины.

Не доезжая версты три-четыре до дер. Биюк-Ламбат, произошла неожиданная встреча. Из-за откоса вылетела навстречу нам машина, и, только благодаря опытности шофера, машины не врезались одна в другую. Нам, не ожидавшим никакой опасности, предполагавшим, что в Алуште все спокойно, вдруг кричат: „стой". Машины были остановлены на несколько шагов одна от другой.

Когда я повернулся к встречной машине, я увидел следующую картину: на нас был направлен пулемет, а автомобиль был наполнен татарами, державшими винтовки на изготовку. Недоумевая, в чем дело, я обратился к татарам с вопросом и заявил, что у нас имеются пропуска и что мы едем в Алушту. Я принял встречный автомобиль за тот самый, что ушел вчера ночью на разведку из Ялты. Но тут последовала команда: „Руки вверх!" Из автомобиля вылез толстобрюхий интеллигентного вида татарин и с браунингом в руке направился к нам. Руки вверх нами подняты не были; я пред'явил удостоверение, говорящее о том, что я являюсь тов. председателя ЦИК'а республики Тавриды. По прочтении мандата последовал ответ: „Вот вы то нам нужны!"

В это время уже все татары с винтовками на изготовку окружили наш автомобиль. Толстобрюхий татарин, взяв документ и другой рукой держа браунинг мне в упор, приказал, чтобы в автомобиле никто не шевелился. Отобрав у нас оружие, документы, печати и посадив двух татар на крылья автомобиля, он приказал двигаться в дер. Биюк-Ламбат. Конвоиры-татары прицепили белые тряпки на штыки винтовок, и автомобиль тронулся. Вторая машина пошла по направлению к Ялте.

Когда автомобиль подходил к дер. Биюк-Ламбат, конвоиры дали по одному выстрелу вверх, и сейчас же вся горка зашевелилась,—татары, взрослые, дети, мужчины и женщины забормотали, забегали взад и вперед по горке, расцвечивая ее пестрой одеждой.

Автомобиль зашел во двор, который был переполнен молодыми татарами, гайдамаками и офицерами. Возле двора стояли запряженные мажары и автомобиль. Учинив всем нам тщательный обыск и забрав деньги, часы и все, что только было ценного, нас посадили в кордегардию, где уже сидели т.т. Слуцкий, Новосельский, Коляденко, Тарвацкий и Финогенов.

Увидев нас, т. Слуцкий с веселым видом обратился ко мне: „Ты зачем сюда? Ну ладно, устроим заседание ЦИК'а, —открывай заседание". Я ответил в тон Слуцкому: „Нет, лучше устроим об'единенное заседание Совнаркома и ЦИК'а, председательствовать должен т. Слуцкий".

Тут т. Новосельский, вставая с нар, обратился ко мне; „Когда нас будут расстреливать?" Я заметил, что расстрелять нас успеют, но то, что мы уже сделали, того никто не убьет.

Тов. Коляденко ударил меня по плечу и прибавил: „Я не сомневаюсь, что нас расстреляют, но не мы первые и не мы последние. Революция живет и будет жить!"

В это время тов. Баранов подошел к окну и попросил татарина дать ему напиться. Вдруг подбежал гайдамацкий офицер и сквозь решетку ударил т. Баранова в щеку стволом винтовки; тот упал на пол и его подняли Бейм и Финогенов. Тов. Слуцкий с возмущением начал кричать: „Вы не можете над нами издеваться! Судите, расстреляйте нас, но издевательства над собой мы не позволим!"

Через несколько минут привели еще нескольких товарищей, а затем еще и еще, и в течение часа-полутора камера была забита русскими рабочими; кто бы куда ни шел, —все арестовывались и направлялись в кордегардию.

Часа в три или в половине четвертого открылась дверь и забрали т.т. Слуцкого, Новосельского, Коляденко и Тарвацкого; их посадили в закрытый автомобиль и отправили в Алушту. Затем вывели всех остальных и пешком повели

за деревню, но тут же повернули обратно и снова посадили в кордегардию.

Продержав нас несколько минут, вывели вторично и, посадив на две мажары, тронулись в путь в сопровождении четырех вооруженных татар на каждой мажаре и восьми конных эскадронцев.

Мажары прибыли в Алушту 21-го апреля вечером, как только стало смеркаться. Всех арестованных ввели в здание бывшего алуштинского исполкома; в передней мы увидели, что в коридоре стоит т. Тарвацкий, а через несколько минут из здания уже выводили его, Слуцкого, Новосельского и Коляденко. Они сопровождались усиленным татарским конвоем. На товарищей были направлены со всех сторон дула винтовок, и, казалось, татары ежеминутно готовы были наброситься на любого из них.

Через некоторое время спросили меня, Бейма, Баранова и Акимочкина. Записали, какой губернии и уезда, и оставили в этом же помещении в одной из маленьких комнатушек. Здесь же рядом через дверь сидел бывший алуштинский председатель исполкома; к нему отношение было сносное: допускалась жена, которая приносила обед и чай. Все остальные арестованные были направлены без всякого допроса в подвальное помещение, в том числе и Финогенов.

Ночь на 22 апреля была кошмарная; повсюду бродили татары и гайдамаки. Около 12 часов ночи к нам зашел офицер-комендант, который на вопрос, скоро ли нас поведут к расстрелу, злорадно ответил: „Нет, мы не большевики, мы вас не тронем; перешлем в Симферополь в распоряжеиие немецких властей; там вас будут судить. Если вы своими действиями заслужили,—вас расстреляют.“

По уходе коменданта зашли два гайдамака, потом татарин и все время до утра приходили и стаскивали то ботинки, то пиджак, то брюки и били нагайками и шомполами. Рано утром начали приводить в комнату рабочих, и скоро наша комнатка была битком набита.

Часов с девяти начался допрос. При допросе и я и Акимочкин указали на занимаемые нами посты, но мы заявили, что Бейм и Баранов нам совсем неизвестны, что они шли искать работы, и мы на автомобиле хотели их подвести до Алушты. Бейм и Баранов после опроса были выпущены, но через несколько минут опять задержаны и посажены обратно.

Из двадцати человек с нами сидевших осталось на следующую ночь двенадцать, в числе которых было три татарина. Следующие ночи проходили в лучших условиях. Так мы сидели до 24 апреля. Ночью с 23 на 24, около двух часов, пришли вооруженные татары, гайдамаки и два офицера и спросили Слуцкого, Тарвацкого, Новосельского и

Коляденко. Когда их у нас не оказалось, они ушли, злорадно смеясь и говоря: „Ладно, сейчас найдем!“ Часа через два мы услышали несколько залпов: то был расстрел председателя СНК Слуцкого, председателя симфероп. горсовета Тарвацкого и народных комиссаров—финансов Коляденко и внутренних дел—Новосельского. Расстреляли их в балке, за Алуштой.

Когда в Севастополе узнали об аресте Совнаркома, военно-морской комиссариат отправил в Ялту миноносец с вооружением для ялтинского отряда и десантом моряков при комиссаре т. Турецком. 22 апреля около 3 часов ночи миноносец прибыл в Ялту, и десант совместно с одесским отрядом Чижикова и ялтинским черноморца моряка Басова немедля двинулся по дороге на Симферополь.

Верстах в 12-ти от Ялты пришлось дать бой татарскому отряду, наступавшему на Ялту. Татары и гайдамаки не выдержали напора красных бойцов и стали в беспорядке отступать, преследуемые нашими.

24 апреля утром соединенные отряды были уже под самой Алуштой. Часов около 9 утра к Алуште подошел посланный из Севастополя миноносец и начал обстреливать Алушту. За несколько минут до обстрела, когда мы лежали, отдыхая от пережитого за ночь, в корридор внезапно влетели два испуганных и запыхавшихся офицера и несколько татар и гайдамаков с криком: „Арестованные! Вставай, вставай скорее! Выходи—здесь угрожает опасность!“.

Все—ни с места, только повернулись, как бы предчувствуя, что что-то предстоит. Тут были пущены в ход приклады винтовок, чтобы скорее нас вытолкать. На поднятый шум и крики: „Зачем вы издеваетесь! Куда нас гоните?“—комендант рявкнул: „Без разговоров! Вас направляют в безопасное место в деревню Шумы“.

Вытолкав прикладами всех двенадцать человек в коридор, они открыли дверь к рядом сидевшему председателю алуштинского исполкома и крикнули ему, что он может идти куда хочет. В это время послышались орудийные выстрелы,—начался обстрел Алушты из легких орудий миноносца и с суши со стороны отрядов Чижикова и Басова.

На улице мы увидели картину полной паники: народ бежит с криком, извозчики гонят лошадей куда попало. Нас окружил вооруженный патруль, толкавший нас со всех сторон прикладами, чтобы теснее шли. Мы вышли за город. Там нас ожидал отряд во главе с двумя офицерами, который и повел нас по дороге, идущей в балку. По выходе в балку нас погнали бегом.

В полутора верстах от города была сделана на несколько минут остановка. Там четыре татарина посреди балки у ручья рыли огромную яму. После небольшого совещания

офицеров мы опять поплелись, толкаемые прикладами конвоиров. Пройдя некоторое расстояние, опять сделали остановку. Арестованные в последний раз напились грязной воды из протекавшего ручья. Один из гайдамаков и офицер влезли на вершину гор, поднимавшихся с левой и с правой стороны балки. Оставшийся офицер подошел ко мне и предложил папиросу. Я закурил папиросу и бросил ее, сказав, что с нее сочится кровь вместо табачного дыма.

Когда разведчики спустились с вершины гор, последовала команда: „Вперед!“ Офицер и один из татар пошли вперед. Дойдя до разветвления балки, они остановились, и офицер скомандовал своему отряду: „сюда!“ и указал на слепое разветвление балки. Увидав поднимавшийся впереди нас косогор, мы ясно поняли теперь, что значило „безопасное место, деревня Шумы“. Пошла торопливая и горячая работа, толкотня прикладами, крики и суета.

Из 12-ти смертников были выделены три татарина и сейчас же отпущены. Мы увидели, что мы—на лобном месте. Я начал говорить речь, обращаясь к офицеру, тому самому, который несколько минут тому назад давал мне папироску. Я указывал, что они вероломно убивают представителей рабочих, но революция им самим готовит гибель.

В это время татары начали что-то бормотать, и раз'яренный офицер дрожащей рукой надавил курок нагана, который был направлен мне в лоб. Пуля попала в щеку и вышла на вылет. Тут последовали залпы, один за другим: дано было четыре залпа, потом была команда „зарядить“ и затем еще три залпа. После седьмого залпа офицер скомандовал „довольно“ и приказал доколоть лежащих. Хотя испуганные палачи стреляли не метко, но все же после первого залпа все упали и остальные шесть залпов были сделаны по лежащим. Я от выстрела из нагана упал раньше всех на правый бок, голову согнув вперед. При залпах из винтовок пули причинили мне лишь семь ожогов на плечах, покусав меня, точно пчелы, но попадали в скалу, засыпая голову землей, отлетавшей от них. Я поэтому оставался в полном сознании, получив только небольшое ранение.

Докалывал всех один из гайдамаков. Когда он ударил штыком одного из товарищей, лежавшего ко мне спиной,—тот сильно взвыл нечеловеческим визгом и, подскочив, упал на т. Баранова. После штыкового удара в грудь с левой стороны я потерял сознание. Тов. Бейм тоже остался в живых и, как только палачи ушли, оставив свою добычу валяться в балке, он попытался ползти, но неудачно. Штык распорол ему живот, так что, когда он пополз, то за ним растянулись кишки; видя, что помощи ожидать не от кого, он снял с себя ремень и пытался себя удавить.

Один из рабочих, взятых в Алуште на обработку виноградников, был ранен легче всех: ему пуля прошла в икру правой ноги навылет, при докалывании же штыком была пробита правая рука в локте. Он не потерял сознания и, как только скрылись палачи, он встал и начал пробираться обратно в Алушту. У него был знакомый служащий, живший на дороге в шоссейной будке возле Алушты. Не желая подвести его и навлечь на себя вторичную опасность, он спрятался в дубняке, невдалеке от будки, чтобы, когда стемнеет, зайти к знакомому.

Ночью с 23 на 24 апреля русские, жившие в окрестностях Алушты, подверглись нападению со стороны татар; было вырезано несколько семейств, всего около 70 человек. Русские жители, пережившие ужасную ночь, к следующей ночи стали собираться группами и вооружаться, чтобы защищаться в случае повторения нападения. Собравшиеся в шоссейной будке заметили лежавшего в кустах и истекавшего кровью рабочего. Они забрали его, перевязали раны и дали вина для подкрепления сил; на утро его перевезли в алуштинскую санаторию.

Через некоторое время после расстрела пришел в себя комиссар земледелия Акимочкин; он хотел взобраться на вершину горы, но, получив тяжелое ранение и истекая кровью, сделать этого не мог и вынужден был спуститься обратно.

Около 5 часов вечера пришел в себя и я. Открыв глаза, я недоумевал, не зная, где я нахожусь. Мне казалось, что с момента расстрела прошло всего несколько минут, меж тем я пролежал около восьми часов. Мне не верилось, что я жив. Когда я убедился, что палачей нет, я попробовал встать. Голова кружилась, из глаз сыпались искры, ноги не держали; я упал на лежавших рядом своих товарищей,— они не шевелились. Я попробовал тормошить их, но они были мертвы. Вдруг я вспомнил ту яму, которую рыли татары. Боясь, что нас будут закапывать, я решил во что бы то ни стало взобраться на гору и там спрятаться. Собрав силы, я поплелся в гору. Пройдя около десяти шагов, споткнулся о лежавшего с растянутыми кишками и затянутым на шее ремнем т. Бейма и тут же упал.

В это время на горе послышались чьи то шаги и звук от перегорелого сучка, трещавшего под тяжестью наступающего человека. Я поднял голову, предполагая, что это палачи идут стаскивать убитых в яму. Но увидел я т. Акимочкина, истекавшего кровью от засевших двух пуль в груди и от штыковой раны, нанесенной ему в правый бок; у него были пробиты кишки и кал вместе с кровью падал из раны. Акимочкин узнал меня и сказал, что он хотел взобраться на гору, но нехватило сил, и что все же он думает итти в Алушту. Я стал просить его обождать меня,

пока и я приду в себя, но он ответил, что чувствует себя очень плохо и ожидать не может. Акимочкин ушел.

Спустя некоторое время, я услышал татарский разговор со стороны Алушты; тогда, собрав последние силы, я поднялся и побежал вдоль балки. Однако, силы скоро мне отказали, и, пробежав шагов пятьдесят от убитых товарищей, я упал возле отвесной скалы. Скоро говор смолк, и только на противоположной стороне чабан с винтовкой похаживал около своего стада.

После того, как я пролежал несколько времени, мне стало легче, и я стал пробираться назад. Разум мне подсказал, что на симферопольском шоссе я могу попасть в руки отступающих банд. Действительно, пройдя шагов около двухсот, я услышал разговор. Пришлось свернуть в сторону от дороги, идущей из балки, взобраться на небольшой косогор и спрятаться там между дубками. Отсюда я разобрал, что это проходил по противоположной горе отряд татар, человек в 25, из Алушты. После прошел еще на лошадях татарский эскадрон как раз по той дороге, по которой я мог бы сократить путь.

Когда отряд переехал балку и скрылся за горой, я спустился и стал продолжать свой путь. Направо от дороги на Алушту были окопы, в которых были разбросаны татары и гайдамаки. Не сомневаясь в том, что взоры белогвардейских отрядов устремлены по направлению к Алуште, что они меня не заметят, я продвигался все далее и далее. Наконец, начались окраины Алушты. Скоро я услышал русский говор; я постучал в ворота одного из домов и тут же от истощения упал.

Калитку ворот открыла кучка детей, которые, увидев окровавленного человека, испугались и, не закрыв калитки, с криком исчезли. Затем подошел старик, лет около пятидесяти, хозяин дома. Он догадался, что я из тех, которых вели сегодня утром под конвоем. Хозяйка дома, боясь повредить мне водой, немедля стала доить корову и скоро принесла мне кружку парного молока. Я просил отправить меня куда-либо в больницу. Хозяин колебался, чего то боясь, но, благодаря настойчивости хозяйки, согласился и ушел за лошадью. Минут через пять он приехал на линейке вместе с рабочим с винтовкой.

Меня усадили в линейку, хозяйка вынесла подушки, окружила ими меня, и мы быстро покатили к алуштинской санатории. В центре города, возле мола, стоял отряд тов. Басова, в формировании которого я принимал участие. Линейка остановилась, и ко мне подошел т. Басов. Я вкратце рассказал о происшедшем и просил немедленно послать подобрать оставшихся на месте расстрела товарищей.

Через несколько минут мы тронулись дальше, и скоро линейка остановилась у санатории. Мигом поданы были носилки, и через некоторое время врач уже осматривал раны и останавливал кровь. В это время в санаторию привезли еще одного товарища, который вместе с нами подвергся расстрелу: у него была прострелена нога и пробита рука. На следующий день врач рассказал, что в соседнем номере лежит еще один товарищ, которого привезли сегодня утром. Когда меня привели, по моей просьбе, в соседний номер, я узнал в лежащем там товарище черного, как земля, Акимочкина. Выяснилось, что он не смог дойти до Алушты; пройдя полдороги, он свернул в сторону и пролежал под шатром дубняка до утра. Когда отряд татар был выбит из укрепленных позиций и были посланы подводы, чтобы забрать расстрелянных, то в стороне от дороги, по следам крови, обнаружили Акимочкина и доставили его в санаторию.

25 апреля истребитель привез в Алушту винтовки. Когда здесь увидели те зверства, которые были проделаны националистами-татарами в ночь с 23 на 24 апреля,—все взялись за оружие, даже в санатории не осталось ни сестер, ни сиделок.

Пролежав в санатории трое суток, я санитарным автомобилем был отправлен в Ялту вместе с товарищем, раненным в ногу и руку. Акимочкин был оставлен пока в санатории.

Ялтинский и алуштинский отряды т. Басова с боем гнали белогвардейцев до Симферополя. Когда красные были уже в 12 верстах от города, поступило распоряжение об отступлении, вследствие отхода от Альмы севастопольских отрядов, разбитых немцами.

В Ялте приступили к эвакуации. При посадке раненых на суда я встретился с т. Финогеновым, который остался в живых среди запертых в подвале 25-ти приблизительно человек, про которых белые совсем забыли при отступлении. Когда в Алушту зашел отряд Басова, они были выпущены, получили винтовки и пошли на фронт.

Акимочкин уже при немцах был перевезен из Алушты в Севастополь, где и умер в городской больнице после четырех с половиной месяцев мучений.

Так закончился расстрел Совнаркома и ЦИК'а Тавриды в 1918 году.

Иван Семенов.

III. НАШИ ЖЕРТВЫ.

Пролетарская революция и В. А. Басенко.

I.

23-го апреля 1918 года в бою у Булганака (близ Альмы) с войсками немецкого империализма, сокрушившего слабую советскую Республику Тавриды, был убит Владимир Афанасьевич Басенко.

Имя это мало известно. Но принадлежит оно к числу тех светлых имен, которые с гордостью должны вспоминаться и которые в памяти победоносного пролетариата должны запечатлеться навеки.

Владимир Басенко погиб совсем молодым: всего на 24-м году оборвалась его так много обещавшая жизнь. Сын бедняка, Кубанского казака, он собственным лбом пробивал себе дорогу.

Накануне мировой войны он был студентом филологического факультета Московского университета.

Кипучая, страстная натура, революционный темперамент не позволили Владимиру всецело отдаться науке: его настойчиво, властно звала революционная борьба. Он вошел в студенческий революционный кружок, где и работал до мобилизации, бросившей его в ряды царской армии.

Неизвестно, когда именно Басенко попал на фронт и когда получил звание старшего медицинского фельдшера. Известно только, что это звание он уже имел в апреле 1917 г., находясь в Сибирском Горном артдивизионе 167 пех. дивизии. К сожалению, мы определенно не знаем, каково было отношение Басенко к февральскому перевороту. Возможно, что первое время, до мая приблизительно месяца, он находился в некоем «розовом угаре» и увлекался декламациями об'единенцев и эс-эров; опьянение внезапно рожденной «свободой» было в то время у многих. За такое предположение говорит тот факт, что в начале апреля он, как делегат дивизионного совета, был послан в штаб 23 арм. корпуса и в Петроград «для выражения временному правительству чувств армии», как сказано в мандате, выданном ему 4-го апреля за подписью начальника дивизии.

Официальные делегаты армейских комитетов и с'ездов в это время были еще очень далеки от большевизма. Но в Петрограде при соприкосновении с тамошней накаленной атмосферой все эти «чувства» испарялись мгновенно,—делегат обязательно попадал к ленинцам—во дворец Ксешинской—и обычно возвращался в армию ярым прозелитом-большевиком. То же самое было, наверно, и с Басенко.

Цельный, не знавший средины, он стал большевиком «чистой воды», отдался борьбе за торжество «власти советов» со всей энергией и страстностью, на какую только было способна его боевая натура. По свидетельству тов. Гавена, в мае—июне 1917 г. он развил широкую агитацию против подготовляемого Керенским наступления и за осуществление в кратчайший срок мира, которого так жаждала страна, истомленная трехлетней кровавой войной. Очевидно, в это же время Басенко, уже председатель дивизионного комитета, фактически вошел в ряды с.-д. партии большевиков; во всяком случае, в ноябре 1917 года он состоял членом районной организации большевиков 8-ой армии.

Агитация Басенко, яркая, теоретически обоснованная, не могла остаться незамеченной, и эсеровские временщики повели против него обычную бешеную травлю. Арестовать его им, однако, не удалось: большевистски настроенная дивизия решительно воспротивилась этому.

II.

Октябрьская революция окрылила молодого большевика. Окрылила его и любовь, пришедшая к нему в это время, еще невысказанная, но огромная, дававшая несказанную радость и поддержку в трудной борьбе.

«Ваши думы особенно понятны мне», писала ему на фронт А. Н., «частенько теперь я думаю над тем, что говорили вы». А. Н. не была большевичкой, но с чуткостью любящей женщины, любящей серьезно и глубоко, прозорливо видевшей в любимом человеке крупного борца-революционера, стремилась приобщиться к одухотворявшим его идеалам, стать рядом с ним—товарищем в жестокой борьбе.

«Спасибо вам... за то, что вы есть», пишет она в другом письме. «Жадно хочу говорить с вами».

Владимир горел—по горло был завален работой. В декабре он поехал на фронтово-областной с'езд советов Южной области, а в январе на III Всероссийский С'езд в Петроград. III-й С'езд избрал его членом ВЦИК. В то же время он был назначен членом комиссии по русско-румынским делам в Одессу, где он предполагал также заняться организацией Красной армии. Одновременно петроградский Военревком командировал его в Крым для выяснения взаимоотношений крымских татар с местной советской властью. Тов. Чичерин, тогда еще замнаркоминдел, считал его поездку очень полезной.

20 февраля Басенко уехал в Одессу, откуда по окончании возложенной на него работы перебрался в Севастополь.

Вскоре по приезде он был назначен членом редакционной коллегии областного органа РКП «Таврическая Правда», а затем избран членом севастопольского партийного комитета. Обладая незаурядным литературным талантом, он стал одним из вдохновителей и деятельнейших сотрудников «Таврической Правды».

К этому времени Брестский мир отрезал Крым от остальной Советской России; высоко поднялись волны немецкого империализма; казалось, вот-вот они захлеснут небольшую республику. Атмосфера насыщена грозной опасностью: недалека отчаянная кровавая схватка. Басенко не колебался—борьба была для него родною стихией. Она вдохновляла его, делала взгляд его зорким, волю—стальной, мускулистое тело—упругим и сильным, слова—яркими, острыми, словно разящий меч.

«А, вы не хотите социализма, так будет война!» кричал он словами Герцена в статье, зовущей на битву: «Чуя смерть от дыхания революции, империалисты всех стран, оскалив зубы, бросились в отчаянную схватку с красным царством... но крепко сомкнулись стальные ряды. Ибо громко пробил 12-й час. Час последней и решительной битвы».

Раз борьба,—так борьба! Она должна подчинять себе все, должна расти, как растет летящая с горных кряжей лавина. Победа—или смерть. Средины Басенко не знал никогда.

«Все, все—к оружию»! взывал он в другой своей статье, «мученики-революционеры не могут не идти труда, где бьются за счастье. Их неумолимо влекут туда все мысли, все чувства, вся любовь, вся ненависть».

Но вдохновенные призывы его звучали, как в безвоздушном пространстве, кроме маленькой горсти храбрецов, небольшой части рабочих и старых подпольников,—их никто не услышал.

Кругом были те, кого Басенко с презрением заклеймил названием «псов», «господ с заячьей душой» и «вьючных животных». К подвигам, к смерти в неравной борьбе они относились более чем отрицательно.

Увлеченный идеей организации отпора немецким полкам, Басенко этого вначале не видел. Он вошел в состав военно-морского комиссариата и вместе с лично ему известным полковником Сташевским, честным спецом, 3-го апреля уехал на Перекопский фронт. По возвращении обратно он дал заключение, что у Перекопа даржаться нельзя,—Юшуньские позиции для нас будут более выгодны.

Из отборных красногвардейцев и коммунистов как севастопольских, так и прибывших из Одессы и Николаева во главе с Шафранским и Гаэстро он сорганизовал конно-пулеметный полк, очевидно, думая, что пример сплоченной и храброй боевой единицы в нужный момент увлечет и других. Он ошибался: людей, по его же словам, «сердце которых дрябло, как испорченный плод»,—невозможно было увлечь.

III.

В средине апреля произошли перевыборы севастопольского совета: «рыцари своего домишки» не хотели думать о судьбах революции и послали в совет меньшевиков и эс-эров. Интересы борьбы потребовали разгона социал-соглашателей.

В душе Басенко—вдохновенного революционера—произошел перелом. Ему казалось, что революция гибнет, и великой горечью наполнилось его пламенное сердце бойца. Ему казалось, что исхода нет, что победа невозможна, раз пролетарские массы молчат и ничем нельзя зажечь в них огня революционного энтузиазма. Значит—смерть.

Веру в невозможность иного исхода усугубило еще то обстоятельство, что, вследствие ухода на фронт большинства членов парткома и членов военно-морского комиссариата во главе с т. Гавеном, в Севастополе воцарилась паника, и было вынесено решение об эвакуации и отказе от борьбы. На это решение Владимир ответил: «Если так,—то я и в Новороссийске жить не хочу».

Казавшуюся ему немпнуемой гибель революции он не мог и не хотел пережить. Он решил идти на фронт, чтобы с оружием в руках погибнуть на боевом революционном посту.

Конно-пулеметный полк под влиянием разлагающей агитации Шафранского и Гаэстро выступить на фронт отказался. С Басенко в ночь на 23-е апреля отправилось навстречу немцам всего 12 человек коммунистов.

Перед уходом он передал тов. Овьян два незапечатанных письма матери и А. Н.—и сказал: «если я не вернусь, прочтите их и передайте по адресу».

Из Бельбека Басенко по прямому проводу передал тов. Гавену, что он с 12-ю бойцами идет на разведку.

Тов. Гавен, видя в нем ценного работника и предполагая назначить его командующим силами, ведущими борьбу против немцев, просил его не увлекаться.

Не увлекаться—ему, желавшему лишь одного: умереть! И он пошел навстречу смерти: он нашел ее менее, чем через сутки.

Вот что говорит тов. Гавен об обстоятельствах его трагической гибели: Под Альмой натиск немцев выдерживал тов. Находкин с трехсотенным евпаторийском отрядом. Басенко под вечер 23-го апреля повел

разведку вдоль полотна железной дороги. В это время навстречу ему показалась вышедшая из Симферополя немецкая бронеплощадка. Двенадцать товарищей один за другим отступили и только Басенко шел вперед: он хотел добраться до рва и оттуда забросать бронеплощадку ручными гранатами. Сделать это ему не пришлось: немцы открыли пулеметный огонь, и Басенко пал изрешетенный пулями с разбитым вдребезги черепом.

Товарищи прочли в его предсмертном письме:

«Дорогая! Кажется последнее мое письмо это будет. Жизнь моя должна смениться небытием. Революция гибнет—да здравствует Революция!»

Так умер Владимир Басенко—энтузиаст, вдохновенный революционер с кристально-чистой душой.

Вл. Елагин.

Слава павшим в борьбе за дело рабочего класса.

Немало рабочих и крестьян пало жертвой Великой Пролетарской Революции. Преимущество Коммунистической партии, как раньше, так и теперь, заключается в том, что в бою она всегда впереди,—но каждый новый бой вносит большую брешь в ее крепко сомкнутые ряды.

Небольшая Симферопольская организация понесла также немало потерь в столкновениях с контр-революцией. Многие из павших остались неизвестными. О некоторых же, образ которых ярко сохранился, хочется написать несколько строк, посвященных их памяти.

* * *

Старшим сыном в многочисленной, еле пробивавшейся, семье машиниста железнодорожника рос **Виктор Алексеевич Шаталов**. В 1913 г. он с большим трудом и лишениями, несколько лет учась на казенный счет, кончает Симферопольскую мужскую казенную гимназию. Скопив уроками немного денег, он лишь в 1915 году имеет возможность поступить на 1-й курс Киевского Медицинского Института.

Здесь он живет также на свои средства, пробиваясь уроками и не получая никакой поддержки из дому. Будучи уже на втором курсе, он в конце 1916 года сталкивается с партийными товарищами из социал-демократических кружков, заинтересовывается их революционной пропагандой и знакомится с нелегальной литературой.

Февральская революция совершенно отрывает его от занятий. В качестве начальника студенческой дружины он принимает активное участие в свержении власти. В марте 1917 года, приехав в Симферополь и застав здесь организацию меньшевиков-интернационалистов, он сразу примыкает к левому ее крылу.

Инициативная группа большевиков, начавшая свою первую работу в мае—июне 1917 года, на свое первое организационное собрание пригласила некоторых товарищей из левого крыла меньшевиков-интернационалистов. В числе их был и товарищ Шаталов.

На первом митинге большевиков, созванном по вопросу «Революция и война»,—он был избран председателем. Митинг был скандально сорван меньшевиками.

После активные товарищи-большевики перенесли центр тяжести своей работы в Севастополь. В Симферополе работа затихла. Но в сознании тов. Шаталова произошел большой перелом: ему было ясно, что оставаться в рядах меньшевиков, ведущих борьбу против революции, он не может. Одним из первых членов организовавшейся здесь в сентябре 1917 года группы большевиков был Виктор Шаталов. Здесь он начинает активно работать.

Владимир Афанасьевич Басенко.

Член ВЦИК 3-го созыва. Один из редакторов „Таврической Правды“, член Военно-Морского комиссариата Таврической Советской Республики. Убит 23-го апреля 1918 года в бою с германцами под Альмой.

Несменным членом городского комитета партии он ведет массовую работу: выступает на митингах, ведет беседы в нашем клубе с приходящими рабочими и солдатами. Он не был выдающимся оратором, не маленький пробел был и в его марксистском образовании, но у него был революционно-классовый подход ко всем вопросам текущего дня, а развивался он, как и большинство молодых товарищей, на задачах, выдвигаемых самой революцией.

Его серьезность, вдумчивость, энтузиазм, чрезвычайная добросовестность и преданность партийной работе обращали на себя внимание старых партийных товарищей, которые считали, что при хорошей обработке из него выйдет прекрасный партийный работник.

Особенно ярко помню один момент: 13-го января 1918 года—день взятия власти. Утром, когда матросы Черноморского флота уже вступили в город, но бой с офицерами только начинался, мы все были во дворе нашего штаба, секретарем которого был тов. Шаталов. В огромном дворе рядом с офицерским собранием стояла страшная сутолока: масса подвод, лошадей, солдат и рабочих, едва умевших владеть винтовками.

Атмосфера была напряженная: достаточно одного провокационного выстрела, чтобы поднялась паника. А среди нас тов. Шаталов с радостной улыбкой, не спавший всю ночь, но бодрый и энергичный, пытался водворить хотя бы некоторую дисциплину.

Когда началась более планомерная работа, много обязанностей было возложено на тов. Шаталова. Он был председателем Ревтрибунала гор. Симферополя, членом Исполкома, редактором «Таврических Известий».

Когда наша небольшая организация рассосалась в советской работе и понемногу отошла от узко-партийной работы,—он был одним из тех, которые сумели одернуть товарищей и собрать их всех вместе. Тут он опять член городского комитета РКП и его председатель.

Материально он конечно, был совершенно необеспечен, а, между тем, на плечах его после смерти отца осталась семья из четырех человек. Нередко тяжело становилось ему от нужды в его семье, но он ни на одну секунду не прекращал из-за этого своей работы.

Не долго просуществовала Советская власть в Крыму. После одного мирного общего собрания нашей организации, где был переизбран городской комитет, в 12 часов ночи в горком позвонил тов. Тарвацкий, сообщивший, что Крым занимают немцы, что они уже в Джанкое, что решено послать к ним для переговоров делегацию, в состав которой должны войти два представителя от партийного комитета. Избранными оказались тов. Шаталов и еще один товарищ, фамилии которого не помню.

Весть эта для нас была неожиданной. Об оккупации Украины мы знали, но не думали, что и Крым будет занят. Очевидно, рядовых работников до поры до времени не посвящали в истинное положение вещей.

Когда тов. Шаталов, собравшись в дорогу, прибежал в Совнарком, там никого не оказалось. В Петроградской же гостинице, где жили все ответственные товарищи, царил полнейший хаос. Ни о какой делегации, ни о каких переговорах не было и речи. Наоборот, все корзины были вытащены, вещи упаковывались, царила растерянность, шла заготовка паспортов, машины стояли под парами,—все говорило за то, что положение чрезвычайно серьезно.

Симферополь был сдан без боя, и тов. Шаталов так же, как и все другие, 20 или 21 апреля 1918 года должен был оставить город. С большими приключениями он лишь 14-го мая добрался до Самары. Однако, и там Советская власть была не прочна и в середине июня после четырехдневной усиленной бомбардировки город заняли чехословаки.

Наша небольшая группа из пяти товарищей, в том числе и тов. Шаталов, решила остаться в Самаре, в виду дальнейшего продвижения чехо-словаков вверх по Волге. Недели через две связь с некоторыми партийными товарищами, оставшимися для подпольной работы, была установлена, но работа, вследствие удачной чехо-словацкой контр-разведки, долго не начиналась.

Тов. Шаталов, как и все, оставшись без средств к существованию, одним из первых нашел себе работу при помощи Сони Разумовой, погибшей в Крыму в 1920 году. Состояние все время у него было очень тяжелое. Зверства меньшевистско-эсеровской власти, бесконечные провалы коммунистов, тоска по своей семье и неурядицы в личной жизни,—все это чрезвычайно удручало его.

Не долго удалось протянуть ему.

В первых числах июля к нему явились два типа из контр-разведки; обыскав его, они в одном из карманов нашли удостоверение о том, что он был предревтрибуналом, арестовали его и увели. Каким образом осталось у него это удостоверение, мы не могли постичь, так как документы мы частью уничтожили, частью хорошо спрятали. Выдал его один школьный соученик офицер, с которым он незадолго перед тем встретился случайно на улице. На следующий же день был арестован живущий вместе с тов. Шаталовым тов. Мирон Воевода.

Дня через два им была устроена очная ставка, на которой т. Шаталов категорически отрицал свое знакомство с т. Воеводой из Симферополя. На вопрос, где остальные товарищи, с которыми он приехал (Тимофеев, Любовь Воевода и я), он ответил: «Выдавать своих товарищей я не стану: это дурное дело. Где они,—не знаю».

Пред'явлены ему были следующие обвинения: расстрел 75 офицеров, увоз двух миллионов рублей, принадлежность к партии большевиков. Первые два пункта были абсолютно вымышлены.

Его увели с очной ставки и больше никто из нас никогда уже его не видел. Мы, уже преследуемые, долго разыскивали его по арестным домам, ходили в тюрьму, но нигде его не нашли. Ясно было, что его расстреляли...

Так погиб, вследствие своей и нашей неопытности в подпольной работе, хороший партийный товарищ, 25 лет. Он остался хорошим товарищем и революционером до самой последней минуты своей короткой жизни. Память о нем живет среди товарищей, знавших его.

Недавно, на праздновании 5-й годовщины Октябрьской революции, один из товарищей, бывший тогда меньшевиком и довольно заядлым, сказал: «Товарищ Шаталов был совестью нашей организации».

Это—правда.

* * *

Еще более трагично погибли некоторые из руководителей партийной и советской работы в Крыму во время эвакуации 1918 года.

Эвакуирующиеся уезжали из города в двух направлениях: часть на Феодосию—Керчь, часть на Ялту. Среди последних были тов. Тарвацкий и Новосельский.

Приехав в Ялту, они на следующий день двинулись в Алушту, желая проехать на Феодосию. Недалеко от Алушты, в Биюк-Ламбате, они были арестованы белогвардейцами.

Зверски над ними издеваясь, националисты-татары их расстреляли; тут же они их ограбили, так как эвакуировавшиеся везли с собой ценности и деньги. Мученнической смертью поплатились товарищи за свою недолгую работу в Крыму.

Ян Тарвацкий—рабочий металлист, с 1898 года участвовал в рабочем движении в Польше и за принадлежность к П. С.-Д. был осужден на 8 лет в каторгу. Будучи амнистированым в 1917 году, он приехал в Симферополь спустя недели три после организации группы большевиков.

Скромный и, вместе с тем, хороший партиец, он сразу завоевал расположение членов партии и скоро стал одним из руководящих работников в организации.

Будучи членом городского комитета, он руководил агитпропагандистской работой, ведя работу и среди членов профсоюза. Выступления его не отличались высоким стилем, но они были всегда глубоко продуманы, а потому вески и убедительны.

Товарищи видели в нем массовика-партийца, преданного всей душой делу революции.

Первым председателем Симферопольского городского совета рабочих и красноармейских депутатов был тов. Тарвацкий.

Он так же, как и тов. Шаталов, призывал увлекшихся советской работой товарищей к необходимости ведения работы партийной, которую он, оставаясь членом городского комитета партии, старался наладить.

Это был один из тех скромных, но ценных партийных работников, вся жизнь которых отдана партии и на плечах которых как раньше, так и теперь лежит вся черная работа партийной организации.

Жуткое впечатление оставила смерть тов. Тарвацкого. После него осталась жена и двое детей.

Новосельский—эмигрант из Америки. Приехал в Симферополь в ноябре 1917 года перед самыми выборами в Учредительное Собрание. Вскоре он вошел в состав партийного комитета, направив центр тяжести своей работы на профсоюзы. Через некоторое время он, тесно связанный Губпрофсоветом, входит в состав заводского комитета завода Анатра, а также является одним из руководителей коммунистической фракции меньшевистского совета.

После взятия власти он был членом Ревкома, потом Исполкома, а при организации Совета Народных Комиссаров—Наркомвнуделом. Здесь развернуть свою работу ему не пришлось.

Трагическая смерть оборвала его жизнь.

После него остались пятилетний ребенок и жена, бывшая сначала секретарем Симферопольского, а затем Севастопольского комитета нашей партии.

Рахиль.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ НАЗУКИН.

Гибнут в бою самые яркие, самые отважные, самые сильные духом. К числу их принадлежал и Иван Васильевич Назукин—„дядя Ваня", как его звали в подполье. Его именем назван рабочий факультет в Симферополе; этим фактом не только увековечена память борца за пролетарское дело,—в нем символ: идущая на смену старой молодая гвардия несет на своем знамени имя Назукина, как идеал товарища, революционера и человека.

Родился „дядя Ваня" в 1892 году в семье крестьянина-рабочего Пермской губернии и по окончании сельской школы, 14-тилетним мальчиком, начал работать вместе с отцом на Пермском оружейном заводе—сперва учеником, затем молотобойцем и, наконец, кузнецом.

Обладая пытливым, недюжинным умом, юный Назукин стал рано задумываться над „проклятыми вопросами" жизни, над чудовищными противоречиями труда и капитала,—но, не имея ни руководителей, ни соответствующих книг, долго бродил без пути в темноте. Однако, в 1912 году над ним засияла звезда, пойдя за яркими лучами которой, он вышел на верную, прямую дорогу.

Это был попавший случайно на завод номер легальной ,,Правды", издававшейся в то время в Питере в качестве органа РС-ДРП (большевиков). Простым и ясным языком ,,Правда" об'яснила Назукину все то, над чем он так долго мучительно думал. Он понял, что всякий, кто хочет улучшения доли рабочих, должен отдаться тяжелой, неустанной борьбе. И Назукин этой борьбе отдался без колебаний.

Пользуясь любовью товарищей как за веселый и открытый свой нрав, так и за чуткость и отзывчивость натуры, Назукин был признанным вождем заводской молодежи, и ему без труда удалось сорганизовать кружок, в котором читалась регулярно выписываемая „Правда" и попадавшие на завод нелегальные брошюры и книги. Далеко за полночь просиживали молодые рабочие в жарких спорах по поводу прочитанных статей.

Весной 1913 года пришлось от слов перейти к делу. На заводе вспыхнула стихийная забастовка, и Иван Васильевич, кипящий энергией и жаждой помериться с врагом, стал ее признанным руководителем.

У нас нет точных сведений, но, очевидно, забастовка потерпела крах, так как Назукин, как главарь забастовки, был выброшен с завода на улицу. От пребывания в „резервной армии" его избавила солдатчина: осенью того же года он был призван, попал в матросы Черноморского флота и был зачислен на подводную лодку сперва рулевым, а затем помощником штурмана.

Несмотря на то, что Назукин не был связан ни с одной из революционных партий, он очень скоро организовал на подводке кружок (Лихацкий, Сукалов и др.) и с жаром отдался самообразованию. За время войны ему удалось приобрести неустанной работой довольно солидные познания.

Февральская революция открыла перед Назукиным широкие горизонты: со всем пылом 25-ти своих лет он отдался революционной работе. В Севастополе в то время большевистской организации не было, однако, и он и другие революционно-настроенные матросы сильно интересовались попадавшими в Крым большевистскими газетами и уже в апреле 1917 года выступали на митингах и собраниях, как определенные большевики.

В первых числах мая в Севастополе оформилась первая большевистская группа, которая официально об'явила себя Севастопольской организацией большевиков.

И. В. Назукин был одним из активнейших ее членов. Вскоре его избрали в Совет, и он стал работать в культурно-просветительной комиссии исполкома.

Где бы Иван Васильевич ни работал, за какое бы дело ни брался,— всюду вносил он и работу массу энергии, бодрости и примером своим увлекал нерешительных и малодушных. После установления в Севастополе власти Советов, в декабре 1917 года, Назукин был избран председателем Балаклавского совета и исполкома, на каковом посту пробыл все время вплоть до нашествия немцев.

Накануне эвакуации „дядя Ваня" тяжело заболел и по совету врачей был оставлен в госпитале на излечение. По выходе оттуда он был арестован немцами и предан суду. Однако, по ходатайству жителей Балаклавы, среди которых он пользовался большой популярностью, он был от суда освобожден и вскоре через фронт пробрался в Москву.

Центральный Комитет партии направил неутомимого „дядю Ваню" на родину, в Пермскую губернию, где он был избран председателем исполкома и зав. наробразом одного из уездных городов. Летом 1918 года Иван Васильевич был делегирован на 5 Всероссийский с'езд советов и, как представитель Урала, вошел во ВЦИК.

По предложению т. Гавена, в декабре того же года он был направлен на подпольную работу в Крым. В подполье „дядя Ваня" проработал (в Симферополе и Севастополе) вплоть до восстановления в Крыму совласти в апреле 1919 года. В мае месяце после об'явления Крыма советской республикой Назукин вошел в Совнарком в качестве Народного комиссара просвещения, а в июне был избран в президиум Крымского Обласкома РКП. На посту наркомпроса Иван Васильевич развил колоссальную деятельность,— обласком признал работу его наркомата одной из лучших в ряде работ наркоматов Крымской республики

При эвакуации „дядя Ваня" попал в Одессу, где вместе с Гавеном вошел в комиссию по ликвидации дел Крымской республики. Закончив эту сложную, кропотливую работу, Иван Васильевич в августе того же года вместе с Гавеном направился на север, но под станцией Помощной их захватили махновцы. Счастливо избегнув расстрела, они вышли в тыл Деникинской

армии, в то время уже завявшей Киев. Тут Гавену и Назукину пришлось раз'ехаться.

Иваву Васильевичу на север пробраться не удалось, и он, несмотря на колоссальный риск, решил вернуться в Крым. Добравшись до Крыма, он проехал в Феодосию, где его знали меньше всего, и, начав там работать, скоро сделался душой местной подпольной организации. Он стал во главе подпольного парткома и ревкома и в январе 1920 года, когда красные подходили к Геническу, решил приступить к организации восстания.

„Дядя Ваня" связался с группой офицеров, стоявших на советской платформе, и детально разработал план захвата Феодосии и Ак-Маная, что дало бы возможность красным частям войти в Крым через Арабатскую стрелку

Однако, грандиозные планы эти потерпели фиаско. За несколько дней до предполагаемого восстания, благодаря случайному предательству, „дядя Ваня" был арестован.

Страшно истязая, его продержали в тюрьме 2—3 недели. Однако, пытки не сломили Назукина. Тов. Каминский, сидевший вместе с ним, передает о необыкновенной бодрости, бившей неиссякаемым фонтаном в этом изумительном человеке и поднимавшей дух его товарищей по заключению.

В середине февраля „дядя Ваня" погиб: белогвардейцы его расстреляли.

Утрата его—неизмерима. Чрезвычайно способный, блестящий администратор и организатор,—он подавал большие надежды,—и слабым утешеньем нам остается лишь гордость его смертью, такой же яркой и полной мужества, какой была вся его жизнь.

Вл. Елагин.

ЯН ЗЕДИН.

Ян Зедин был сыном латышского крестьянина. Родился он в Латвии в 1883 году. Моряк, изведавший грозные бури трех океанов, революционер, узнавший в царском подполье тяжесть борьбы с монархизмом и капиталом,—вдвойне закаленный,—Ян был одним из тех стержней, выкованных в горне революции, на которых держалась в первый период своего бытия красная армия.

Такие, как он, чуткие и искренние, любимые массой, полные энтузиазма вожди мощной рукой вели неокрепшие еще красные полки по пути величайших побед.

Ян с 15 лет стал моряком,—море влекло его неотразимо—сперва заделался юнгой, затем матросом, а на пятом году своих странствований в 1903 г. поступил в Мюльграбенское мореходное училище в Риге. В училище Ян столкнулся с молодыми латвийцами, причастными к революционной борьбе (Гавен и др.) Общение с ними пробудило в Яне дремавшее классовое самосознание, и в 1904 г., сдавая экзамен на звание штурмана дальнего плавания, одновременно сдал он экзамен на звание революционера, социал-демократа большевика.

На кораблях, где он служил, он проводил революционную работу среди матросов и, исполняя зачастую серьезные и опасные поручения ЦК партии, транспортировал из-за границы нелегальную литературу и оружие.

Во время германской войны Зедин был призван и попал штурманским офицером на миноносец в Балтийский флот. Все время Ян был ярым противником империалистической войны, но в тяжелых условиях фронтовой жизни особой агитации вести не мог.

Зато с первых же дней революции бросился Ян в самую кипень революционной борьбы, проявляя себя, как определенный социал-демократ большевик.

Перед Октябрьской революцией ЦК партии выдвинул Яна на пост члена революционного комитета Балтфлота, причем во время октябрьских боев Ян оказал серьезные услуги революции, как специалист-штурман. Великолепно зная фарватер Невы, он неоднократно проводил по ней военные суда против войск, защищавших временное правительство.

В начале декабря 1917 года Ян Зедин был прислан в Крым, для организации революционной части матросов Чернофлота и контроля над командо-

ванием. Ян долго и усердно старался толкнуть „нерешительный“ Центрофлот на путь революционной борьбы, но безуспешно; зато своей энергией и пламенным энтузиазмом он умел увлекать низовые матросские массы. Они за ним шли.

После переворота 16 декабря Ян был избран в севастопольский в.-р. комитет и попал в члены президиума; как специалист военно-морского дела, он оказался чрезвычайно полезным в деле организации военных флотилий, помогавших городам Крыма устанавливать совласть. Между прочим, он принял личное участие в борьбе с белогвардейцами в Ялте 7—10 января 1918 года, как комиссар направленного туда миноносца. В конце февраля Ян уехал в Одессу на морское совещание и, как комиссар Черноморской флотилии, принял участие в организации борьбы с румынами. Во время наступления немцев Ян Зедин вошел в состав десантного отряда и принял участие в боях, командуя бронеплощадкой.

При эвакуации Одессы вернулся в Севастополь и оттуда вскоре уехал в Москву, где, как опытный боевик и знаток военного дела, был назначен на пост комиссара штаба обороны Северного Кавказа, находившегося тогда в Царицыне. На этом посту Ян пробыл до августа 1918 года, после чего был назначен начальником Нижне-Волжской флотилии и, наконец, в декабре того же года членом РВС Балтфлота.

Необыкновенная отвага делала Яна исключительно популярным среди красноармейцев. В бою для достижения цели он не останавливался ни перед чем. Вот маленький пример: под Сызранью небольшой отряд чехов навел своим нападением сильную панику на десант Яна Зедина, и красные бойцы побежали. Зедин, видя, что уговоры не действуют, убил двух паникеров, увлек отряд личным примером в контр-атаку, и чехи были отброшены.

После занятия Латвии красными и провозглашения Латвийской Советской Республики Ян уехал в феврале 1919 года в Ригу и там был назначен народным комиссаром по военно-морским делам.

Однако, Советская Латвия продержалась недолго. Латвийские белогвардейцы, поддерживаемые немцами, стали теснить красные части и в мае 1919 г. подошли к Риге. Когда немецкая железная дивизия разбила красных латышских стрелков и прорвалась через Двинский ж.-дор. мост, Ян Зедин с небольшим отрядом геройски бросился в контр-атаку, чтобы отбросить немцев за мост и дать возможность докончить эвакуацию города. В этой бешеной атаке Ян получил смертельную рану, от которой скоро и умер.

В лице Яна Зедина мы потеряли не только сильного волей революционера и одного из вождей красной армии, но и большого ценителя изящной литературы и словесности. Будучи чрезвычайно скромным по натуре, Ян мало кому говорил о своих литературных работах, главным образом, переводных. Великолепно зная английский язык, в свободные минуты, особенно когда корабль носил его по бурным морям, Ян занимался переводами английских писателей на латышский язык. Работы эти до его смерти опубликованы не были. Единственно, где Ян печатался, это в органе ЦК союза водников, членом которого, как моряк, он состоял.

Не стало Яна, старого „морского волка“, бесстрашного солдата революции, но память о нем не умерла и не умрет.

Вл. Елагин.

Смерть тов. Познанского.

Мне пришлось за несколько дней до эвакуации Евпатории в апреле 1918 года выехать в Симферополь. В Евпатории в это время власть принадлежала „совету 9-ти“, в который входили Познанский, Кулешов и другие. В Симферополе я встретился с Матвеевой-Немич. Она попросила меня поехать с ней в Саки помочь перевезти ее вещи, я согласился, и мы поехали.

На следующий день мы уже ожидали на станции Саки обратного поезда. Когда поезд из Евпатории прибыл, мы сели в вагон и встретились

там с Познанским, Кулешовым, А. Смоляром и многими другими, которые, по их словам, эвакуировались из Евпатории в Симферополь, в виду приближения немцев. Поезд тронулся.

Прибыв на станцию Княжевич, мы простояли часа четыре; наша публика разволновалась, и Кулешов пошел к телефону, чтобы связаться со ст. Сарабуз и узнать о причине задержки пассажирского поезда. У него кто-то спросил в телефон: „кто говорит?", на это он ответил: „член совета 9-ти". В это время Сарабуз был уже занят немцами, но Кулешов получил ответ, что идет отступление красногвардейцев, что пути заняты и поезда пока принять невозможно.

Спустя четыре часа поезд двинулся на Сарабуз, где и был встречен немцами и гайдамаками. Моментально гайдамацкие войска его окружили и была дана команда: „Из поезда не выглядывать и не выходить".

У наших товарищей было оружие и печать „совета 9-ти", которая хранилась у Кулешова. Оружие было тотчас же передано женщинам, а печать осталась у Кулешова, которому как-то удалось ускользнуть.

Началась проверка документов и просмотр вещей. В нашем вагоне ничего не было найдено, и мы считали, что нас уже больше не тронут, как вдруг в вагон вошел гайдамацкий офицер и спросил: „Кто здесь Познанский?" Познанский ответил: „я". Моментально он был схвачен и уведен.

Мы поняли, что между нами затесался шпион и потому сейчас же разошлись по разным вагонам. После этого начались аресты поголовно всех евреев, очевидно, по правилу: все евреи—большевики; арестовали и тех, кто не имел на шее креста,—и тех, на руках которых были татуировки якорей. Потом была подана команда: „Кто не арестован, расходитесь!"

Мне, равно как Матвеевой и Кулешову, ареста удалось избежать, и мы в наступающих сумерках ушли на ночь в поселок, а утром направились пешком в Симферополь. Верстах в 8-ми от Сарабуза я нашел обрывок конверта с евпаторийским адресом Познанского. Тут-же, с другой стороны полотна железной дороги, виднелась насыпь свежей могилы. Мы посчитали ее за могилу Познанского, так как были уверены, что его расстреляли. Мы не ошиблись, как оказалось впоследствии.

В Симферополе через несколько дней мы встретились с А. Смоляром, которому удалось бежать из-под ареста. Смоляр рассказал, что после ареста их стали пытать, в первую очередь взялись за Познанского. На вопрос, большевик-ли он, Познанский твердо ответил: „Да, я большевик; сидел 12 лет на каторге". Гайдамаки избили его нагайками и потом взялись за остальных арестованных. По окончании расправы все были отправлены маршрутным военным поездом в Симферополь. По дороге Познанский был расстрелян, и тело его сброшено с поезда. Других арестованных привезли в Симферополь и содержали под стражей в вагоне, откуда Смоляру через пару дней удалось убежать.

Так трагически закончилась неорганизованная, проведенная без связи с центром евпаторийская эвакуация.

М. Эпштейн.

Крымские работники, павшие на посту.

Орион Алексакис. Сын севастопольского мещанина. Пылкий, увлекающийся, весьма талантливый юноша. В 1917 г—организатор севастопольского комсомола. В декабре 1917 г. участвовал в борьбе с гайдамаками в Киеве, где был ранен в ногу. В январе вернулся в Севастополь и работал до апреля (т. е. до прихода немцев) и в парткоме и в исполкоме в качестве члена президиума. Сотрудничал в „Таврической Правде". В 1918 году в июле и осенью работал сначала в Вятке, а затем во Владимире.

В начале 1919 г. работал в Харькове в парторганизации и в комсомоле, а в марте был назначен комиссаром штаба Задпепровской дивизии.

В мае 1919 г. работал в Севастополе в качестве члена президиума исполкома, руководил парторганизацией и был членом крымского ОК.

После эвакуации из Крыма поступил лектором в Свердловский университет, где работал до осени 1920 года.

Затем был командирован Коминтерном в Грецию в сентябре 1920 года. У болгарской границы был провокаторами убит и брошен в море.

Серов (Зильбершмидт). Руководитель подпольной севастопольской организации с 1920 г. Ранее работал в Херсоне, как член президиума губисполкома. Участвовал в мае 1920 года на 3-м коктебельском с'езде крымских организаций РКП, на котором и был убит белыми.

Али-Боданинский. Один из организаторов первой ячейки татар-коммунистов в ноябре 1918 года. В 1919 году—управделами КрымСНК, секретарь татсекции и один из редакторов татарской коммунистической газеты „Новый Мир". В 1920 г. при налете Слащева на Мелитополь Боданинский, несмотря на свои 57 лет и плохое зрение, вышел на фронт и был зарублен слащевской кавалерией вместе с известным в Евпатории татарским коммунистом Кайсерлы-Досман-Бет.

Рефатов — учитель. В 1919 году работал в татсекции и газете. В 1919—20 г.г. остался в подполье, когда был секретарем татбюро при ОК. В 1920 г. был арестован и повешен.

Силичев—балаклавец, инженер, лейтенант подводной флотилии Черноморского флота. В 1918 г.—член балаклавского исполкома и активный работник балаклавской коммунистической организации. В апреле 1918 года дрался с немцами под Альмой—сначала в качестве начальника балаклавского коммунистического отряда, потом начальника участка альминского фронта. В конце апреля эвакуировался вместе с разбитой Красной армией в Новороссийск. В июне исполкомом Черноморско-Кубанской социалистической республики был назначен председателем реввоенсовета войск северо-кавказского фронта. В августе 1918 года пал в бою с контр-революционерами под Тихорецкой.

Толстов—севастополец, подпоручик, в январе 1918 г. севастопольским военно-революционным комитетом был назначен комендантом севастопольской крепости; в январе же руководил боями с курултайцами под Дуванкоем, Бахчисараем и Альмой. Дрался вместе с Антоновым-Овсеенко на Украине против гайдамаков, потом против чехо-славаков. В марте 1919 года при переходе через колчаковский фронт был захвачен черносотенным офицерством и замучен.

Лященко — мичман, шлиссельбуржец, участник севастопольского восстания. В качестве начальника штаба в январе 1918 года руководил боями с курултайцами под Бахчисараем и Альмой. В феврале 1918 года был отправлен вместе с отрядом моряков севастопольским ревкомом в Одессу против румын. В марте пал в бою с румынами.

Познанский—рабочий; старый революционер, вернувшийся из ссылки перед революцией, был в апреле 1918 года председателем „девятки", стоявшей у власти в Евпатории в последние дни советской власти. Обладая железной волей и стоя во главе революционной власти в уезде и городе, т. Познанский до последней минуты сдерживал панику в городе, связанную с эвакуацией. В числе последних покинув Евпаторию, он отправился в Симферополь, но на станции Сарабуз был опознан осматривавшими поезд белогвардейцами и расстрелян.

Сосновский. Старый революционер-каторжанин. В 1919 г. был председателем ялтинского исполкома. После эвакуации Крыма переехал в Николаев, где и остался на подпольной работе. Был опознан белогвардейскими офицерами и расстрелян осенью 1919 г.

Дмитрий Караев. По профессии маляр. До революции увлекался толстовством. Будучи цельным и чрезвычайно искренним человеком, с марта 1917 г. он всецело отдался революционной работе и мало-по-малу пришел к большевизму. В сентябре 17 года он был уже избран членом Евпаторийского парткома большевиков и тов. председателя евпаторийского совета. В ноябре месяце Караев стал председателем местной большевистской организации, а

после перевыборов совета в конце декабря и председателем последнего. В то же время он был избран председателем подпольного военно-революционного комитета. 13 января 1918 г., когда осмелевшая евпаторийская белогвардейщина перешла в наступление и захватила прибрежные батареи, т. Караев, по личной инициативе, направился в штаб офицерских отрядов, думая силою слова убедить белую банду отказаться от выступления. Рассчеты его не оправдались: офицеры захватили его и после зверских издевательств еще живым зарыли у моря в прибрежный песок.

Исаак Просмушкин (Спер). Рабочий-наборщик. Большевиком он стал еще задолго до октябрьской революции. Скромный, беззаветно преданный делу революционной борьбы, Исаак был одним из тех, кто навсегда остается в памяти всех сколько-либо знавших его. С сентября 1917 и до мая 1918 года (с перерывами) он состоял членом евпаторийского парткома большевиков и членом евпаторийского совета. После падения второй республики в 1919 года он остался работать в подполье и скоро стал членом подпольного областного комитета. Был арестован Слащевым весной 1920 г. и приговорен к смертной казни через повошенье. К несчастью, палачам удалось привести над ним приговор в исполнение.

Антон Слуцкий. Был долгое время эмигрантом в Америке. После февральской революции прибыл в Россию и стал работать в Петербурге. В июльские дни сыграл большую роль, руководя массовыми митингами и собраниями. Тов. Ленин считал его весьма ценным работником. В Крым тов. Слуцкий приехал в марте 1918 года. Был кооптирован в члены ТавЦИК'а и назначен председателем СНК Тавриды. Во время нашествия немцев при эвакуации, пытаясь пробиться вместе с другими товарищами в Керчь через Ялту, т. Слуцкий был захвачен восставшими татарскими националистами в районе Алушты и в ночь на 24 апреля 1918 г. расстрелян.

Коляденко. Матрос Черноморского флота, член РКП. После образования Таврической Советской Республики вошел в СНК в качестве народного комиссара финансов. Расстрелян вместе с т. Слуцким в апреле 1918 г.

Акимочкин. Матрос Черноморского флота, левый эсер. В СНК Тавриды занимал пост народного комиссара земледелия. Был арестован близ Алушты татарами на несколько часов позже Слуцкого. В момент захвата Алушты красными ялтинскими отрядами утром 24 апреля 1918 г. подвергся расстрелу в балке, в $1^1/_2$ верстах от города. Палачи второпях лишь тяжело его ранили. Он был найден матросами недалеко от места расстрела еще живым. Через $4^1/_2$ месяца умер от ран в севастопольской городской больнице.

Ян Булевский. Старый член РКП, каторжанин. В Крым прибыл летом 1917 г. на излечение. В Евпатории в сентябре того же года состоял секретарем местной организации большевиков. Участвовал на октябрьской конференции партии большевиков Таврической губ. После конференции по состоянию здоровья переехал в Ялту, где в январе 1918 г. играл руководящую роль в перевороте. Вскоре после установления в Крыму власти советов уехал на Украину и во время наступления немцев погиб, расстрелянный гайдамаками.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—21 г.г. Выпуск 1. Госиздат, 1922 г. Москва, 290 стр.

Имена больших и малых борцов пролетарской революции должны навсегда запечатлеться в памяти победоносного пролетариата. В дни, когда смолкли орудийные и пулеметные выстрелы, когда пришла пора „товарищей считать",—как нельзя более своевременен выход в свет такой книги.

В первом выпуске „Памятника" имеется около 1.100 имен павших и умерших товарищей как на военных, так и на хозяйственных фронтах. Каждому имени сопутствуют биографические данные, иногда в виде цѣлых статеек, иногда из нескольких слов. Даны кое-какие портреты.

По этим именам можно проследить историю нашей борьбы на всем огромном пространстве России. Эти дорогие для нас имена говорят нам о наших победах и поражениях, об упорной, тяжелой борьбе за независимость, за хлеб, за топливо, за одежду в разоренной, обнищавшей, но полной революционной воли стране.

Конечно, собраны здесь далеко не все имена. В частности, из крымских борцов пропущены имена первого предсовнаркома Слуцкого, редактора „Таврической Правды" Басенко, Я. Булевского, Кебабчьянца, Коляденко, Акимочкина, Новосельского и многих других. О некоторых даны неточные сведения. Так, о Познанском сообщено, что он был членом евпатор. ревкома и расстрелян в 1919 году; на самом деле он был председателем „девятки" в последние дни перед приходом немцев и погиб тогда же в 18 году.

Предполагаемый к выходу выпуск II-й безусловно восполнит эти пробелы. Не мешало бы дать несколько больше портретов. Это зависит, конечно, не столько от редакции, сколько от товарищей, близко знавших или работавших вместе с погибшими. Необходимо только пошире оповестить о существовании этого интересного и ценного начинания.

Вл. Елагин.

С. Крылов. Красн. Севастополь. Госиздат. Севастополь, 1921 г. 104 стр.

Тов. Крылов—один из наиболее выдающихся работников Крыма в период с половины ноября 1920 года до половины октября 1921 года (предревком, предисполком и член парткома Севастополя).—Это придает особый интерес его книге.

Год советской, партийной и профессиональной работы в Севастополе—таково главное ее содержание. Но это не сухой канцелярский отчет,—это живой, популярный очерк о том, как в неимоверно трудных условиях строилась и укреплялась советская власть. Правда, т. Крылов не чуждается цифр, но он оперирует ими очень умело,—очерк не загромождается, а иллюстрируется этими цифрами. Есть и отдельные таблички: итоги детской переписи, движение цен на рынке, состав севастоп. орг. РКП и другие данные.

Очерк дает ясное представление не только о проделанной работе с ее успехами, ошибками и неудачами, но и освещает с достаточной полнотой внутреннюю жизнь Севастопольской организации, знакомит с настроением рабочих масс, рисует картину взаимоотношений ревкома с военными властями, с парткомом и отношения последнего с профсоюзами.

В первой части очерка т. Крылов приводит интересный дневник, напечатанный в „Крымском Вестнике", о последних 5—6 днях агонизирующей белогвардейщины и описывает яркими красками первые шаги советской власти в Севастополе: организацию ревкома и парткома, занятие города красно-зелеными, прибытие частей 51 дивизии. Интересен целиком приводимый исторический приказ молодого ревкома, показательны резолюции рабочих, восторженно встречающих победоносную Красную армию. И тут же интервью хлестаковского тона, данное экс-правителем Юга России в

Констаитииополе репортерам иностранных газет: „Будь достаточное количество судов,— с нами выехало бы все население Крыма“.

Отдельиую главу т. Крылов посвящает портовому заводу, освободившемуся от белых меньшевистских иллюзий и ставшему главным базисом советсиой власти не только одного Севастополя, но и Коыма в целом.

Книга т. Крылова безусловно является ценым вкладом в коллективный труд по изучению многообразной истории крымской революциоиной борьбы. Н.

Примечание редакции. Редакция несогласиа с восторженным отзывом т. Н. о „иниге“ Крылова. Ценность брошюры Крылова весьма отиосительна. Во-первых, с литературной стороны: оиа очень убога в смысле богатства языка н литературиости отделки; т. Крылов—дельный администратор, но иеискушеиный писатель. Во-вторых, упомяиутая брошюра должна вызвать осторожное отиошение к себе в виду того, что многие факты из жизни Севастополя т. Крыловым освещены весьма суб'ективио. Это в своем месте (когда „Революция в Крыму“ займется соответствующим периодом) будет доказаио пространно.

Брошюра т. Крылова имеет ценность, как сырьевой материал, для будущего историка Крыма. Ее недостатин миогочисленны, в известиой мере она заслуживает снисхождеиия по той причиие, что т. Крылов пек свою брошюру перед от'ездом из Севастополя с таиой же поспешностью, иак еврей свой хлеб перед исходом из Египта. Редакция.

Пролетарская революция. Историческ. журнал Истпарта №№ 2 и 7. Госиздат. Москва, 1922 г.

Не случайно мы взяли эти два номера журиала истпарта. Дело в том, что мы не собираемся дать рецензию о иих в целом,—наша задача более узка. Нас интересуют всего две статьи, иасающиеся истории ирымской революции: „Тени минувшего—очерк возникновения и падеиия Советской власти в Крыму в 18 г.“—Д. Зинковского в № 2,—и „Первая Советская власть в Крыму и ее падение“—А. Васильева в № 7. Схожие по заглавиям, эти две статьи совершенно различиы и по содержанию и по об'ему (в первой 11 стр., во второй—54). Обратимся сперва к более фундаментальной—васильевской.

Автор, прибывший в Крым в середиие марта 18 года, пытается дать весьма подробиый общий аиализ тогдашнего положения Таврической советской республики. Совершенно правильно, ои говорит о неиалаженности советского аппарата, об отсутствии работы партийного комитета в Симферополе, об „анархнэме“ разлагающегося Чернофлота, о слабости красиой гвардии, о засилии эсеро-меиьшевистских элементов, о расхлябаиности профсоюзов, о трениях между Севастополем и Симферополем,—все это иак иельзя более верно.

Но, когда читатель видит статью в 54 страиицы, он вправе ожидать анализа более глубокого, выявляющего специфические причины того, а не иного хода крымской революционной борьбы.

Вместо этого, здесь дан анализ, граничащий с простым перечислением фактов, общих для всей советсиой действительности тогдашиего времеии. Почему Чернофлот своевольиичал, почему шлн трення между Севастополем и Симферополем, почему татары расстреляли Слуцкого и прочих товарищей (татары, т. Васильев, а не эсеры, иак вы говорите),—об этом автор молчит.

Очень понятно это молчание,— т. Васильев не зиает истории возникиовения первой республики Тавриды, да, очевидно, и не пытался никогда узнать, несмотря на то, что был командирован туда ВЦИК, иак „опытный работнни по административной части“. Точно также т. Васильев инчего не зиает о виутреиних силах, действовавших в крымсиой революции, и, коиечио, совершеино неосновательно то, что он говорит о настроении татарсиой бедноты, иоторой он „впервые“ раз'ясиял в Бахчисарае сущиость советской власти: „татарская беднота... ничего не видала, ироме угроз и насилий, чинимых над нею эскадронцами, состоявшими нэ кавалерийских юниеров (?!)... ожидала чего-то нового... т. е. Учредительного собраиия“. Татарский вопрос гораздо более сложен, чем думает автор, к тому же фактически неверно указаио, что эскадронцы состояли из „кавалерийских юнкеров“: онн, именно, были татарамн и иасилня оии чиннли только над коммунистами и русскими. рабочими.

Неприятио и то, что за выпирающим „я“ автора статьи совершенно не видать таких крупных фигур, как т.т. Слуцкого, Мнллера, Гавена н других.

Нельзя не указать на искажение следующего факта: автор говорит об отсутствии в Крыму иарод. иомиссариата внудел, в то время, иогда он существовал с начала марта во главе с т. Новосельским и членами коллегии т.т. Турецким н А. Елагиным.

Евпаторийские события изложены опять-таки очень поверхностно; автор, очевидио, и не пытался узиать об их весьма интересных и показательных для тогдашних крымских иастроений причинах. Дальше в статье приведен ряд искаженных имеи: не Фирдерс—а Фирдевс, не Рогошвили—а Гоголошвили, не Демушев, а Демышев, ие Вишняковсиий, а Вишияков, не Самиров, а Глазов.

В общем и целом вся статья является великолепным образчиком того, как „не иадо писать статей, претендующих иа историческую цениость“.

Перейдем теперь к другому автору. Если статья т. Васильева претендует на „историчесиую ценность“ и содержит попытки „анализа“ событий, то статья т. Зинковсиого ни на что не „претендует“ и ничего почтн не „содержит“, кроме значительных исиажений событий крымской революцин (при чтеиии статьн только это и бросается в глаза).

Перечнслим эти искажеиия:

1) Утверждение, что „ядро крымской оргаиизации большевиков составлялн политические амнистированные Ливадийсиой саиаторни“,—неверно: ядром был Севасто-

поль (Гавен, Островская) и Евпатория (Миллер).

2) Утверждеиие, что едннствеиным завоеваинем Октября в Крыму было допущеиие в советы по два представителя от коммуинстов,—не соответствует истиие, таи иак еще в августе й сентябре в советы входили официальиые представнтели большевниов.

3) Утвержденне, что „в половиие апреля в Ялту прнехалн иародиые иомнссары для оргаиизацни противодействия германсиой оикупацни“,—неверио, таи иак Совиарином Таврнды был против борьбы и в Ялту часть его попала при эваиуацни, пытаясь пробраться иа Феодосню.

4) Утверждеиие, что „Симферополь был осаждеи“ н „пал после геройсиой защиты“,—неверио, таи иаи ои был оставлен 21 апреля без едииого выстрела.

5) Утверждение, что „нстория падеиня Севастополя весьма несложиа... сопротивлеиия не было оиазано ннианого“ н что пал ои раиьше Снмферополя,—неверно, таи каи севастопольцы целые девять дней бились с немецииими войсками под Альмой, и Севастополь был немцамн заият последним, тольио 1 мая.

Что же остается от статьи?—Ничего, ироме многнх расплывчатых строи о действительио нмевших место событнях в Ялте.

Тов. Зиииовсиий в то время работал в Ялте (иажется, иомнссаром просвещения) н должен был рассказать о перипетиях борьбы и организацни Соввласти именно в Ялте, а ие браться описывать то, о чем ои имеет представление самое слабое.

Вл. Елагин.

V. МАТЕРИАЛЫ

по истории революции в Крыму*).

Резолюция мастерской при воздушной ст. „бухта Нахимова“.

Мастеровые названной мастерской на собрании 9 октября, обсудив положение настоящего момента, вынесли следующую резолюцию:

1. Немедленно потребовать передачи земель из рук помещиков в руки крестьянских земельных комитетов.

2. Немедленно учредить рабочий контроль над производством и распределением по потребности населения.

3. Немедленный переход власти из рук правительства в руки советов, как единственным выразителям народной воли; только тогда мы избавимся от такой страшной разрухи и только тогда мы сможем получить все: крестьяне—землю без выкупа, а рабочие—контроль над производством, и тогда наша свобода будет обеспечена.

Вас, товарищи матросы, солдаты, рабочие и крестьяне, вообще, кто желает полновластия трудового народа, просим присоединиться к нашей резолюции.

(«Известия Севастопольского Совета Военных и Рабочих Депутатов», 14 октября 1917 года № 122).

Заседание Севастопольского Совета по вопросу о посылке делегатов на Всероссийский С'езд.

На заседании Севастопольского Совета от 17 октября в цирке Труцци обсуждается текущий момент.

«Председатель предлагает каждой фракции выставить своего ответственного оратора. Первым берет слово Величко, украинский эс-эр. По его мнению, основной вопрос, основная задача для предполагаемого с'езда Советов будет вопрос о власти, так как оратор видит причину всех бедствий во Временном правительстве, которое до сих пор ничего не сделало как в области аграрной, так и в области заключения мира. Предпарламент оратор называет бронею, под покрытием которой правительство делает, что ему угодно. Резко высказывается против посылки Скобелева в Париж на мирную конференцию, обращает внимание на недоверие в деревне к земельным комитетам. Указывает случай, когда арестовывали за захват земли через посредство земельных комитетов. Считает, что буржуазия срывает Учредительное Собрание. В заключение оратор говорит, что хотя украинское эс-эрство принципиально против передачи власти Советам, но, не видя сейчас иного выхода из

*) В интересах сохранения точной исторической перспективы материалы печатаются без общелитературной и грамматической обработки.

Редакция.

тупика, считает, что нужно испробовать этот путь, и будет голосовать за это.

От имени эс-эров берет слово тов. Страхов. По его мнению, основным вопросом должен быть не вопрос о власти, а вопрос о мире. Указывая на слова Величко, что мы не знаем, чей теперь Константинополь, отвечает, что чей Константинополь, мы все знаем, но чей Петроград,—мы не знаем. Мы должны оборонять всю Россию и Петроград, как это делают Балтийцы, умирая в защите революционного Петрограда. Мы должны помнить, что с гибелью Петрограда близка гибель революции и не только нашей, а всего мира, ибо русская революция—факел, готовый поджечь весь мир... Мы знаем, чей Константинополь, потому что с самого начала мы провозгласили мир без аннексий и контрибуций, а демократия сумеет сдержать это слово, и мы его не забыли. Настаивая на том, что кардинальный вопрос—это вопрос о мире, тов. Страхов считает все-таки необходимым высказаться о власти, так как здесь об этом говорят... Он заявляет, что, даже присоединяясь к лозунгу «вся власть Советам», он находит, что сейчас это несвоевременно. Несвоевременно потому, что через несколько дней соберется Учредительное Собрание, и нет смысла брать на себя все хозяйство страны, ибо через несколько дней его должно взять Учредительное Собрание. Оратор указывает, что это вполне понял фронт и Всероссийский Крестьянский Совет, отказавшись от участия в С'езде Советов. Высказываясь за посылку делегатов на с'езд, он считает, что теперь необходимо все силы сосредоточить на подготовке к Учредительному Собранию. Остальные вопросы: об анархии, о разрухе финансовой и т. д. зависят от основного вопроса о мире. Заканчивает оратор указанием на необходимость способствовать всеми силами созыву Учредительного собрания и поэтому он против передачи власти Советам».

От имени об'единенных эс-деков говорит тов. Пескин. С'езду Советов он придает значение, как высшему органу революции, который должен сплотить, об'единить расстроенные силы демократии, привести к организации ее. Указывает, что вопросу о власти вообще придается преувеличенное значение. Главная задача демократии—организация сил своих. Если революционная демократия будет организована, то она этим будет представлять грозную силу, которая заставит правительство исполнять все, что ей нужно, в интересах революции. Как на пример, оратор указывает на первые дни революции, когда воля народа заставила даже Гучкова и Родзянко подписаться под Республикой. Насколько демократия сильна, когда она действует в единении, она показала в Корниловские дни.

Говорить о том, что революция нам ничего не дала по меньшей мере странно, если обратить внимание, как и о чем мы здесь можем говорить. Тов. Пескин указывает на конкретную задачу для демократии: это поддержка наказа Ц.И.К. делегату Скобелеву на Парижскую Конференцию и давления на правительство в целях принятия и им этого наказа.

Во имя об'единения демократии, чтобы избежать изоляции передовых элементов демократии и разгрома их, а вместе с ними и всей революции, оратор против передачи власти Советам, ибо это поставит Советы против огромного большинства народа, между тем, как Советы должны идти во главе народа.

Итак, заканчивает оратор, целью с'езда—создание единства революционного фронта, чтобы дать должный отпор буржуазии, которая за это время, пока демократия борется между собой, прекрасно сорганизовалась. И только тогда зажжется снова в демократии, уже устающей, пламенный революционный энтузиазм, который сделает успешной борьбу за мир под знаменами Интернационала и за Учредительное Собрание.

Речь оратора часто прерывается шумными аплодисментами и шумом галлереи.

От имени с.-д. большевиков выступает тов. Островская. Уже одно ее появление вызывает бурные аплодисменты галлереи, большевиков и украинских эс-эров.

От имени всех фракций поступает заявление о недопустимости шума и крика во время речей ораторов.

Начинает оратор с опровержения доводов т.т. Страхова и Пескина.

Тов. Островская считает, что власть должна перейти к Советам и что если бы эта власть была им передана в феврале и даже в июле, то все же было бы лучше, чем теперь. Если власть будет в руках Советов, то Советы сумеют обеспечить своевременный созыв Учредительного Собрания и плодотворность его работы.

В заключение она предлагает наказ депутату, заключающий основные требования: земли, борьбы с разрухой, о заключении мира, и заканчивает возгласом: «Да здравствует Учредительное Собрание».

(Бурные аплодисменты).

Последним говорит Богдановский, заявивший, что он выступает от имени меньшинства фракции с.-д. (об'единен).

Его речь сводилась к резкой критике коалиционного министерства. Он говорил о необходимости передать власть демократии, а главное он доказывал, что с'езд Советов вовсе не будет мешать Учредительному Собрании, так как и в Советах демократия и в Учредительном Собрании будет та же демократия.

Затем выступали еще по одному представителю от каждой фракции. Время их было ограничено.

От фракции с.-д. об'единен. т. Соболев полемизировал с т. Величко и Островской.

Его речь вызвала сильнейший шум посторонней публики с галлерии, которая вела себя в высшей степени недостойно.

Галлерея долго не унималась, несмотря на все усилия президиума и представителей всех фракций.

Восторженно встречена галлереей речь тов. Калича (большевика), говорившего о всей власти рабочим, солдатам и крестьянам.

После речей оглашаются резолюции каждой фракции. Фракция большевиков предлагает поименное голосование, чтобы каждая часть знала, за что голосует депутат, и предлагает огласить резолюции кораблей и частей, которые присоединились к их резолюции; тогда, если представитель этой части не знает, быть может, мнение его части,—то чтобы он не голосовал против нее.

Председатель замечает, что только те резолюции действительны, которые поступают в Исполнительный Комитет, и не разрешает оглашения.

Снова галлерея поднимает скандал, шум, кричит, грозит.

Фракция с.-д. (об'единен.) и левые эс-эры высказываются за поименное голосование.

Фракция украинских с.-р. заявляет, что снимает свою резолюцию и присоединяется к резолюции большевиков (аплодисменты).

Поименное голосование дало за резолюцию с.-р.—199 голосов, за резолюцию большевиков—120, за резолюцию с.-д. (об'един.)—21 и за резолюцию меньшинства с.-д.—15.

При громких аплодисментах с.-р. и шуме галлереи оглашаются результаты баллотировки.

Галлерея поднимает снова невероятный скандал, к председателю подскакивает с галлереи матрос полуэкипажа с заявлением: «Все равно резолюция не пойдет».

С трудом удалось успокоить собрание. Как мы уже вчера сообщали, на с'езд советов избраны т.т. Баккал и Калич (больш.).

Заседание закрывается в 11 часов ночи.

(«Известия Севастопольского Совета Военных и Рабочих депутатов» 20-го октября 1917 года № 127).

Поименный список голосовавших за резолюцию социал-демократов-большевиков о Всероссийском С'езде Советов, предложенную фракцией:

Титарев, Змихновский, Демьяненко, Букорос, Жуков, Юрко, Кисиленко, Яворский, Марчук, Легуша, Морозов, Перфеньев, Шкорупа, Бубский, Пилявец, Рбыбка, Бескровный, Солимовский, Стишенко, Радченко, Гаркуша, Андрей, Рыбак, Харченко, Юр, Дмитроненко, Григоренко, Сушиненко, Кабаченко, Сирман, Горбенок, Гончаренко. Величко, Приходько, Клюшин, Одиолько, Довченко, Мекота, Ермолаев, Чечеринда, Голдун, Дьяченко, Безверхий, Демченко, Демьяненко, Титов, Воробьев, Никулин, Городний, Антонов, Евдокимов, Медвенский, Сырбу, Букрев, Осипанов, Лихачев, Кузьмин, Волков, Артемьев, Васильченко, Богатов, Царьков, Солдатов. Булах, Шур, Торжевский, Стрихаловский, Фомичев, Колесник, Антонов, Ипатюк, Редкин, Скрипкин, Островская, Вучев, Калич, Решетников, Квичатый, Ларионов, Александров, Головко, Сикорский, Галько, Сапецкий, Пожаров. Кондаренко, Финогенов, Бардюков, Щербаченко, Арсентьев, Грабилин, Мордвинов, Толстых, Пономарев, Шаповалов, Дементьев, Худик, Откаленко, Тарасевич, Сюсюкалов, Назукин, Саблюк, Кобьяков, Москвитин, Лапин, Ширяев, Минин, Нешта, Бойко, Сладковский, Палащук, Тепчай, Дегтярь, Титоренко, Александров, Цуркай, Копограй, Голубович, Зубко, Марченко.

Всего 120 человек.

(«Известия Севастопольского Совета Военных и Рабочих Депутатов» 9 и 20 октября 1917 года. №№ 127 и 128).

Резолюция линейного корабля „Иоанн Златоуст"

по вопросу об экспедиции на Дон, принятая в начале ноября 17 г.

Мы, команда, на общем собрании 8 ноября, заслушав доклад о текущем моменте тов. Драчука, нашего представителя Черноморского с'езда, горячо приветствуем все постановления Черноморского с'езда о реальной поддержке демократий против выступления контр-революционеров, где бы таковые пи совершались; мы заявляем, что не все из нас большевики, но все мы, как один, пойдем без колебаний за партиями, которые решительно будут идти к раз намеченной цели полного раскрепощения трудящихся. Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию Революции. С глубочайшим презрением отвосимся ко всем жалким соглашателям, не желающим войти в соглашение со всей демократией, и клеймим позором измены делу народной Революции. Декрет о мире, земле и контроле над производством можно вырвать у нас лишь вместе с нашими сердцами. Власть Советам и только Советам везде и всюду, как в центре, так и на местах. Долой колеблющихся соглашателей, вперед—за мир, за свободу, за социализм. Да здравствует война до полной победы над капиталом!

(„Известия Севастоп. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов" № 146, от 11 ноября 17 г.).

Воззвание „Комиссии Пяти" к населению Донской области.

26 ноября. Граждане, ночью 26 ноября матросы Черноморской флотилии, находящиеся в Ростове, были взволнованы известием о разгроме помещения Совета Раб. и Солд. Деп. и зверском убийстве члена Совета.

Комиссия пяти, которой поручено ведать флотилией, заявляет, что с этого момента она берет под свою защиту Совет Раб. и Солд. Депутатов Ростова и Нахичевани на-Дону и примет все меры к тому, чтобы разбить контр-революционеров, начавших свое гнусное дело с разгрома Совета. Комиссия пяти надеется, что трудовое казачество неповинно в этом деянии. Действовали, повидимому, юнкера в переодетые казачьи офицеры. Со стороны матросов не раздалось ни одного еще выстрела в борьбе с генералами-палачами и с переодетой сволочью,—если нужно будет, они не поскупятся на выстрелы. Комиссия от лица всех матросов взывает к трудовому казачеству: не запятнайте себя грязным делом, не поддавайтесь вашим генералам и офицерам, не станьте палачами свободного народа. Да здравствует братский союз солдат, матросов, рабочих, трудового казачества и крестьянства! Долой всех контр-революционеров!

Члены комиссии пяти, матросы: Драчук, Волик и Богаенко.

(„Известия Севастоп. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов" № 158, от 28 нояб. 17 г.).

Резолюция об отобрании оружия у офицеров.

7-го декабря 1917 года общее собрание команды штаба отрядов борьбы с подводными лодками, обсудив вопрос о том, могут-ли офицеры иметь у себя какое бы то ни было оружие, постановило: Принимая во внимание плохо скрываемое, явно реакционное направление подавляющего большинства офицеров, их открытую вражду и ненависть к рабоче-крестьянской революции—холодным и огнестрельным оружием, отобранным у офицеров, вооружиться команде. Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия у них должны быть отобраны. Вооруженная контр-революция является опасностью для революции. Мы призываем все революционные команды флота и армии сделать то же самое. Всех офицеров разоружить совершенно я вооружиться самим. За скрывательства оружия офицеры подвергаются немедленному аресту.

Эти ложные противники гражданской войны, когда надо итти для подавления Корниловско-Калединского мятежа, заявляют, что не пойдут на братоубийственную бойню. Но они с нетерпением ждут победы этих вождей народного подавления затем, чтобы также стать под преступное знамя кровавой реакции. То для них не будет гражданской войной.

Со страшной злобой, остервенением они будут исполнять приказы Калединых-Корниловых: вешать, расстреливать, рубить на куски и заполнять тюрьмы любящим свободу народом. Они не откажутся потопить в потоках народной крови Революцию. И тогда офицер скажет солдату, матросу: если не пожалею я пулю, то убью тебя, как собаку.

Тов., при подавлении революции буржуазия не знает пощады, не знает пределов.

Корниловско-Калединские эшелоны в подавляющем большинстве своем составлены из ненавистных сподвижников Духонина и презренных юнкеров. Эти офицеры и юнкера убивают сейчас наших товарищей-матросов. Почему они не говорят:—долой братоубийственную бойню?

Тов., этого не скажут они, убивая солдата. Убивая солдата, матроса и рабочего, они знают, что убивают революцию.

Тов., все оружие должно быть у нас. Вооружить контр-революцию—это губить революцию!

(„Известия Севастоп. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов" № 169, от 13 дек. 17 г.).

Резолюция команды штаба отряда борьбы с подводными лодками.

7 декабря 1917 года общее собрание команды штаба отрядов борьбы с подводными лодками, по поводу посылаемых проклятий Народным Комиссарам, постановило:

Шлем проклятья тем, кто проклинает наших стойких и идейных борцов, шлем проклятья тем, кто называет их узурпаторами и аферистами: до сих пор они были нашими честными товарищами. Некий же „социалист“ произносит хулиганские речи по адресу тех, кто хочет вырвать залитый кровью мир из адской, но уже предсмертной пляски капитала. Своей речью он наложил на себя несмываемое пятно позора. Тем товарищам, которые аплодировали тому „социалисту“,—стыд и позор. Эти малосознательные товарищи жестоко ошибаются. Но мы не верим, что на Украине нет пролетариата, нет бедняков.

Заблуждающиеся товарищи! Опомнитесь! Вы предаете славных товарищей Балтийцев, предаете измученных жителей сырых холодных окопов. Вы рубите голову революции—революционный Петербург. Им надо помочь. Они нам готовое дали, дадут и еще. Так не мешайте же им, не станьте и преград им на их тяжелом революционном пути.

(„Известия Севастоп. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов“ № 166, от 10 дек. 1917 г.).

Резолюция эскадренного миноносца „Фидонисий“

от 8 декабря 1917 года.

Мы, команда эск. мин. „Фидонисий“, совместно с судовым комитетом, собравшись 8 сего декабря и выслушав своего представителя, бывшего вчера на докладе „комиссии пяти“,—нашли:

1) Что на Дону засела шайка предателей Революции, которую оттуда можно выгнать только силой оружия.

Мы крайне возмущены против тех лиц, кто препятствовал посылке помощи на Дон против засевшей там с'ехавшейся со всей России и даже иностранной буржуазии.

Мы возмущены против тех лиц, кто так громко кричал, что „Вольный Дон“ самоопределился, ибо ясно всем, что там „самоопределились“ генералы и все бежавшие туда капиталисты, и считаем, что тот, кто признает в настоящий момент „самоопределение“ Вольного Дона, есть явный контр-революционер.

Мы находим, что потеря Ростова и зверства и расстрелы трудового народа, учиненные Калединской сворой, есть результат явной провокации вследствие того, что своевременно не была помощь. Кровь предательски оставленных без поддержки тов. рабочих, крестьян, солдат и матросов падет на головы предателей.

2) Мы, команда миноносца, состоящая из великороссов, украинцев, молдаван и поляков, категорически протестуем против таких „самоопределений“, как Центральная Рада и Каледин, ибо в настоящий момент преступно говорить, что к нам никто не должен мешаться и мы не будем никуда вмешиваться, ибо мы самоопределились.

Мы, команда эскадренного миноносца „Фидонисий“, заявляем, что отдадим свою жизнь для борьбы за освобождение трудящегося народа, не только населяющего Россию, но и за трудящийся народ всего мира.

Мы видим, что в украинские и прочие национальные организации позалезли чудо-патриоты, которые всеми силами стараются натравить нацию на нацию. Товарищи-братья, скажите этим чудо-патриотам: „Руки прочь! Проклятая буржуазия, попытки твои бессильны!“.

3) Относительно посылки отряда против Каледина и вообще против контр-революции, где бы она ни засела, мы согласны идти все, но призываем

тонарищей прежде органвзовать в Севастополе свои революционые свлы, ибо у нас уже здесь замечен с'езд нсех прихвостников н пропокаторов буржуазии, которые уже начннают щупать почву для своей грязной работы. И, не уинчтожнв в корне кобтр-революционную работу, мы не можем покидать Севастополь, т. к. может случиться то, что обратпо сюда уже не попадем.

4) Мы категорически протестуем против резолюции, вынесенной 5 декабря, в которой ясно видны подтасовку и которая была прннята большинством лвшь потому, что постарались разжечь национальные чувства. Эта резолюция гласит: „Гражданская война есть результать насильственного захвата властв", а т. к. в Петербурге и и Киеве трудовой нарот насильно вырвал власть из рук буржуазии, то этой резолюцией мы самв себя же обвиннли и сожалели, что напрасно власть вырвали из рук буржуазии.

Товарищи-братья! До каких же пор мы, Черноморцы, солдаты, рабочие и крестьяне, будем спать и позволять водить нас за нос? Вспомните, сколько уже было у нас непростительных ошвбок—очнитесь, товарнщи, иначе будет поздно; не позорьте прославленный в 1905—1912 г.г. флот!

Товарищи-братья, сплотимся же все, как один человек, в одну дружную пролетарскую семью, отбросвм все национальные и партийные споры и энергично без всякого колебаиня поведем борьбу за счастье трудового народа!

Да будет отныне только одна партвя—это партия измученного голодного солдата, матроса, рабочего и крестьянина, и об'явим беспощадную войну капиталу. Товарищи-братья, впереди работа и работа, ибо иначе мы не создадим свободной демократической стравы, в которой сможем свободно полной грудью вздохнуть.

Товарищи-братья, не ждите же, пока прндет барин и рассудвт: никто, кроме иас же самих, нам не даст того, к чему мы так стремимся.

Да здравствует власть Сонетов Солдатскнх, Рабочих и Крестьянских Депутатов и Совет Народвых комиссарон н да будет здравствовать учредительное собранне, если оно выразит волю трудового народа!

Резолюция принята едииогласно.

Председатель судового комитета эск. мин. „Фидовисвв" Я. Дышлевой.

За секретаря Митюшенко.

(„Известия Севастоп. Совета Рабоч. и Воеи. Депутатов" № 166, от 10 дек. 17 г.).

Заявление фракции с.-д. большевиков о выходе из Совета.

В момент октябрьской революции Севастопольсквй Совет об'явил, что берет власть в свои рукн. Однако, Совет вел политвку выжидательвую, совершенно не проводя в жизнь принятого решения, не проводя ни единой меры, ведущей к закреплению этой власти н осуществленню декретов Советского правительства.

При таком положении вещей участие с.-д. большевиков и Исполнительном Комитете является совершенно бесплодиым для дела революцин.

5 декабря Севастопольский Сонет на об'единенном заседании Совета, Центрофлота, делегатов судовых частей, социалистических партий, городского самоуправления и пациональных организацвй принял резолюцию без участия фракцни с.-д. большевиков, сделавших мотввированное заявление о неучастии в голосовании подобвой резолюции (трактующей октябрьскую революцию, как насвльственный захват власти протнн воли революционной демократии).

На заседании Исполнит. Комитета от 10 декабря из докладов, сделаиных приехавшвми с Кавказа товарвщамв, выяснилось (как это выяснилось из доклада „комиссии пятн"), что юго-восточный союз, представляющвй собою об'единение Донской, Терской, Кубанской, Астраханской и Оренбургской казачьей буржуазии, опирающейся на силы организованного русского капитала, начал решительный натиск на революцию и разогнал сонеты в Ростове,

Таганроге, Грозном, разоружил ряд полков, сжег станицы Суджанскую, Фельдмаршальскую, захватив линию железной дороги, разрушил ряд полустанков, лишил Кавказскую армию продовольствия (с 15 ноября армия не получила ни фунта муки, ни зерна фуража).

В ответ на эти сообщения ни одна практическая мера для борьбы с контр-революцией и для обеспечения хлебом армии и тыла Революции Исполн. Комитетом не была принята, несмотря на неоднократные и энергичные требования фракции большевиков.

Не считая возможным ни в какой мере нести ответственность за такую гибельную для дела Революции тактику Исп. Комитета, фракция видит себя вынужденной отозвать из Исп. Комитета своих представителей.

Председатель советск. фракции РСДРП большевиков Н. Островская.

(„Известия Севастоп. Совета Рабоч. и Воен. Депутатов" № 168, от 13 дек. 1917 г.).

ДЕКРЕТ.

Военно-Революционный и Исполнительный Комитет Севастопольского Совета постановили:

В виду исключительно чрезвычайного положения обстоятельств и денежного кризиса обложить всех капиталистов гор. Севастополя единовременно в 10.000.000 рублей, каковую сумму внести в кассу совета только наличными в 48 часов, в случае невыполнения настоящего декрета военно-революционный и исполнительный комитеты совета слагают с себя всякую ответственность за последствия.

Председатель Военно-Револ. Комитета *Гавен.*

Председатель Военно-Револ. штаба *Богданов.*

Председатель Севаст. Совета *Пожаров.*

Секретарь Совета *В.* и *Р. Д. Марченко.*

23-го января 1918 г.

Декрет Военно-Революционного Комитета города Симферополя.

Января 23-го дня 1918 г.

1. Все предприятия электрического трамвая и освещения г. Симферополя, принадлежащие Бельгийскому Анонимному Обществу, со всеми капиталами, находящимися в разных кредитных учреждениях, а также в кассах самого предприятия, об'являются собственностью Российской Республики и передаются в заведывание и управление городского самоуправления.

2. Все должностные лица и служащие названного предприятия должны оставаться на своих местах, строго следя за правильностью функционирования предприятия.

3. Охрана предприятия возлагается на всех служащих под руководством комиссара по охране города.

4. Лица, оказавшие явное или тайное сопротивление проведению в жизнь настоящего декрета, будут караться со всей строгостью сурового закона революции.

Председатель Военно-Револ. Комитета *Ж. Миллер.*

Товарищ Председателя *Лазарев.*

Секретарь *Б. Закржевский.*

Делопроизводитель *Тарвацкий.*

Декрет Симферопольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов*).

Симферопольская городская дума и ее исполнительный орган, не признавая власти совета рабочих и солдатских депутатов, тем самым мешают строительству городского хозяйства на новых началах.

Несмотря на то, что городская дума избрана населением во время первого этапа революции, она продолжала вести городское хозяйство в рамках старого порядка, считая неприкосновенными интересы богачей и кулаков.

После Октябрьской революции декретом совета народных комиссаров права городских самоуправлений были расширены в области продовольствия и снабжения населения. Отказываясь признать советскую власть, городская дума не воспользовалась своими правами, явно нарушая интересы трудящейся бедноты.

Такая политика в области городского хозяйства давно лишила думу доверия широких масс городского населения, в виду чего деятельность думы стала совершенно бесплодной в области разрешения наболевших вопросов продовольствия, снабжения и всего городского хозяйства.

В настоящий-же момент после перехода власти в руки симферопольского совета рабочих и солдатских депутатов дума, продолжая не признавать новую советскую власть, является опасной помехой на пути широких социальных реформ к устройству новой социалистической жизни города.

Симферопольский совет рабочих и солдатских депутатов настоящим декретом совершенно упраздняет симферопольскую думу и городскую управу.

Хозяйственный аппарат городской управы должен продолжать свои функции, в виду чего все служащие должны оставаться на своих местах, исполняя свои прямые обязанности.

Для принятия дел городской управы и заведывания городским хозяйством совет избирает комиссию из семи человек.

Лица, сопротивляющиеся настоящему декрету, подлежат суду Революционного трибунала.

Председатель *Ж. Миллер.*

Товарищи Председателя *Лазарев и Фирдевс.*

Секретарь *Б. Б. Закржевский.*

---

*) Судя по содержанию, декрет относится к концу февраля (25-му) 1918 г. *Редакция.*

Декрет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов г. Симферополя.

Февраля 25 дня 1918 г.

1. Симферопольское уездное земское собравие и уездная земская управа упраздняются.

2. Служащие уездной земской упрацы должны оставаться на своих местах, продолжая исполвять свои обязанности.

3. Совет назначает комиссариат уездного земского хозяйства, к которому переходят все фувкции уездвого земства.

4. Лица, сопротивляющиеся вастоящему декрету, подлежат суду революционного трибунала.

Председатель *Ж. Миллер.*

Секретарь *Е. Закржевский.*

Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Советской Республики Тавриды.

Центральный исполнительный комитет, согласно постановлевия 1-го учредительного с'езда советов рабочих, солдатских, крестьянских и поселянских мусульманских депутатов всех земельных и военно-революционвых комитетов Тавриды, состоявш. 10-го марта 1918 г.,—об'являет территорию Крымского полуострова в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Перекопского уездов,—советской социалистической республикой Тавриды.

Во главе советской республики Тавриды стоит Таврический совет народвых комиссаров, ответственный перед центральным исполнительным комитетом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов республики Тавриды.

Совет народных комиссаров утверждается в следующем составе:

Председатель Совета Народвых Комиссаров тов. А. Слуцкий, Народный Комиссар по иностранным делам тов. Фирдевс, Народвый Комиссар финансов А. Колядевко, Временный Народный Комиссар по Военным Делам тов. Ф. Куль, Народный Комиссар Внутренних Дел тов. С. Новосельский, Народвый Комиссар Труда тов. Ф. Шихановнч, Народный Комиссар Земледелия С. Акимочкин, Народный Комиссар Путей Сообщевия С. Коробцов, Председатель Центрального Исполнительного Комитета Советов тов. Ж. Миллер, Секретарь Центральвого Исполнительного Комитета И. Фирдевс.

22-го марта 1918 г.

Совета Народных Комиссаров, Москва, Берлин, Вена, Лондон, Вашингтон, всем, всем, всем.

Совет Народных Комиссаров Советской Республики Тавриды доводит до сведения Советов Народных Комиссаров Федеративной Советской Республики России, что Советская Республика Тавриды привимает и считает для себя обязательными условия мирного договора, заключенного между правительствами центральвых империй и Советом Народных Комиссаров Федеративной Советской Республики России.

Председатель Сонета Народных Комиссаров А. Слуцкий, Народный Комиссар по Иностранным и Национальным делам И. Фирдевс, Народный Комиссар по Финансоным делам А. Коляденко, Вр. Народный Комиссар по Военным делам Ф. Куль, Народный Комиссар по Внутренним делам С. Нonосельский, Народный Комиссар Земледелия С. Акимочкин, Народный Комиссар Путей сообщения П. Коробцон, Председатель Центрального Исполнительного Комитета Сонетов Ж. Миллер, Секретарь Центрального Исполнительного Комитета И. Фирденс.

22-го марта 1918 г.

Декрет Совета Народных Комиссаров.

По постанонлению Сонета Народных Комиссарон для более скорого об'единения нсех ноенных учреждений Таприды, для сохранения нейтралитета и обороны Тавриды декрет об образовании Верх. Воен. Рен. Штаба отмеияется.

Образуется Комиссариат по Военно-Морским делам, с местопребыванием в Сенастополе, подотчетный и подчиненный Сонету Народных Комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету Советской Республики Таприды; в состав внонь образуемого комиссариата входят: представители организаций, образованших быв. Сонет. Пяти (т. н. Юж. Ком. защ. социал. рен.), и один представитель рабочих Сенастопольского порта. Должность Военного Комиссара по Военным делам временно упраздняется и он входит в Военно-Морской Комиссариат представителем от Сонета Народных Комиссарон. За исключением нопросон общегосударственной важности, как-то: 1) принудительная мобилизация; 2) прекращение железнодорожного движения; 3) массоные рекнизиции; 4) продовольственные мероприятия общегосударственного характера; 5) контрибуции; 6) кредиты на оборону, подлежащие преднарительному обсуждению и санкции Сон. Нар. Ком. и Цен. Исп. Ком. Сонетон Республики Тавриды,—но нсех остальных нопросах, касающихся обороны Танриды, Комиссариат по В.-М. Д. является Верховным Военным Органом Сонетской Республики Тавриды, и ему предоставляется полное прано распоряжаться всеми ноенными силами Республики и местными Военно-Ренолюционными штабами, находящимися в полном подчинении Комиссариата по Военно-Морским делам.

Председатель Сонета Народных Комиссарон *А. Слуцкий.*

Народный Комиссар Внутренних дел *С. Новосельский.*

Народный Комиссар Юстиции *В. Гоголашвили.*

26-го марта 1918 г.

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В СТАТЬЕ В. ЕЛАГИНА.

«ЕВПАТОРИЙСКИЙ ОКТЯБРЬ» в № 1 «РЕВОЛЮЦИЯ в КРЫМУ».

			НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:
Стр. 42	строка	17 снизу	большая организация	большевистская организация
„ 52	„	24 „	23—31 января	28—31 января
„ 55	„	16 сверху	после нее идет	глава 5-я.
„ 56	„	21 „	строк И. Демышевым	строк и Н. Демышевым
„ 57	„	4 „	Франк	Франт
„ 58	„	15 снизу	Франк	Франт
„ 55	„	17 „	после слов „стихийного террора“ пропущена фраза:	Мы решили на несколько дней установить ночные дежурства всего состава Исполкома, чтобы в случае проникновения в город каких-либо посторонних отрядов—не допустить с их стороны самоуправства.
„ 56	„	32 сверху	после нее пропущен след. абзац:	В Севастополе сорганизовалась „пятерка“ (военно-мор. комиссариат) в составе т.т. Гавена, Спиро, Пожарова, Ермолниа и Шерстнева, позже и Басенко, которая, в противоположность Совнаркому Тавриды, решила защищаться от немцев. Была об'явлена мобилизация; Совнарком сперва ее отменил, но затем согласился с необходимостью ее проведения.

ПОПРАВКА АВТОРА: Упомнпаемые в статье кандидат б-ков в Учредительное собрание от Бердянска и комиссар жилищ Евпатор. исполкома неправильно названы Демышевым и Борисовым. В действительности первого фамилия—А. Дюмин, второго—**Борисенко.**

Редакторы { Урановский. Вл. Елагин.

Оглавление:

